

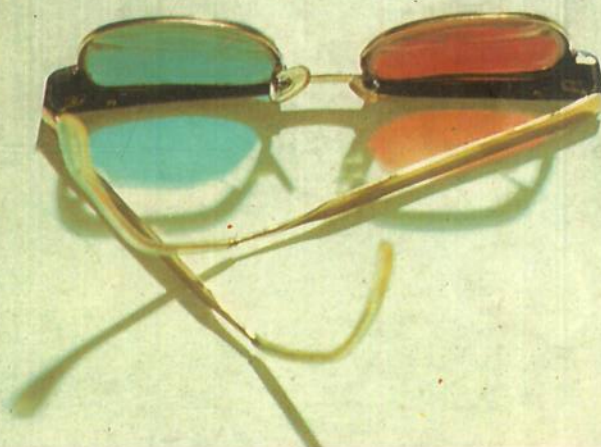
НОВОЕ ВРЕМЯ

март 1991

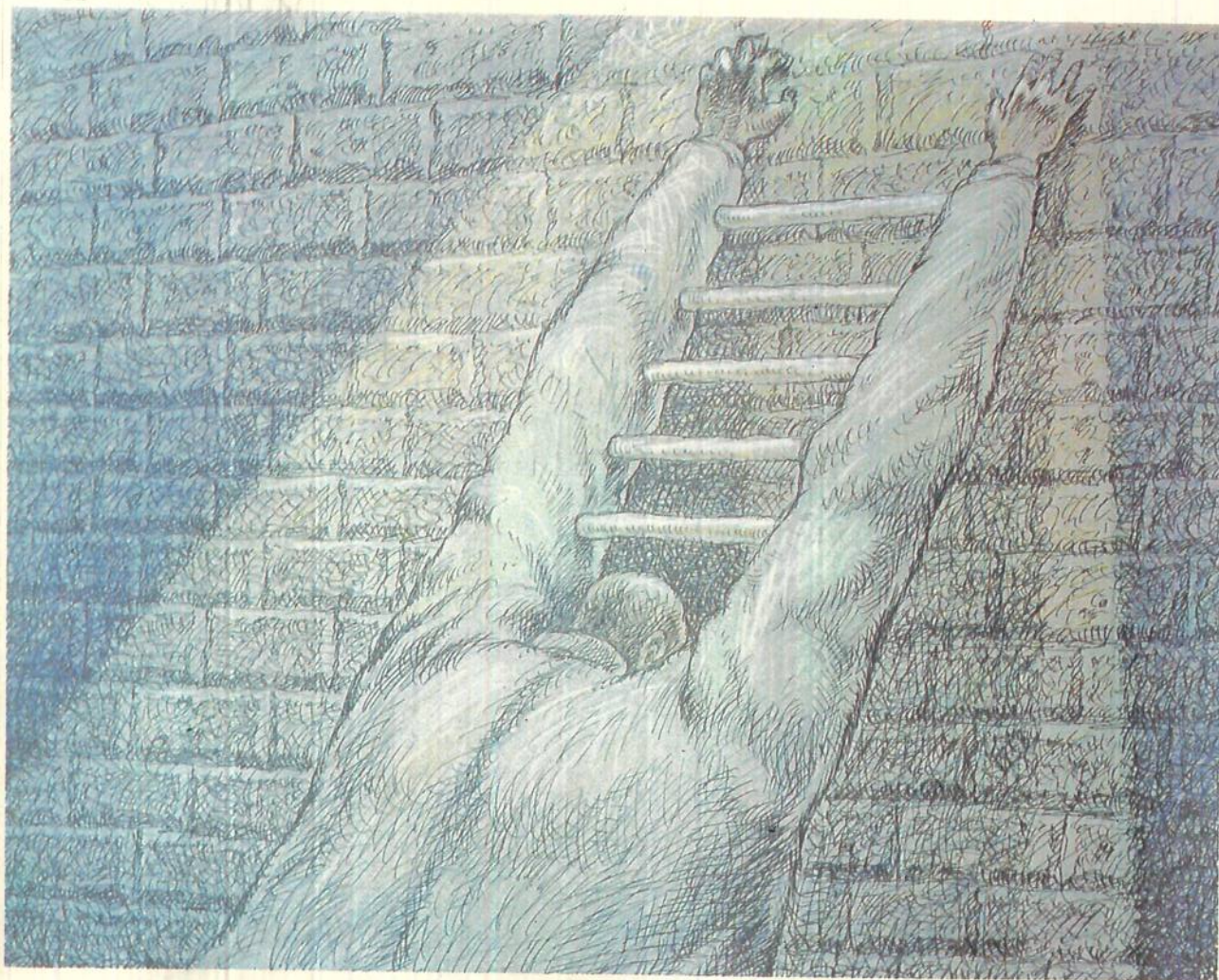
«Я сидел
в спец-
психушке»

12

Победа ПО ОЧКАМ

ISSN 0137 - 0723

ИГОРЬ СМЕРНОВ

Читайте в этом номере:

СТРАНА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>Н. Попов</i> МЕЖДУ «ДА» И «НЕТ»	4
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА <i>С. Соловейчик</i> ИГО НЕЗАКОННОЕ	6
ДНЕВНИК СОЦИОЛОГА <i>Л. Ионин</i> ЧЕМ МИЛ ФАМУСОВ?	10
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> ВЫСШИЙ ГРАДУС	11
ЭКОНОМИКА <i>И. Елистратов</i> КАРТОШКА, МИЛАЯ КАРТОШКА	12

МИР

СССР—США <i>И. Малащенко</i> НА ПОЛПУТИ КУДА?	14
ИРАК <i>Я. Боровой, А. Чудодеев</i> ДИКТАТОР ПОБЕЖДЕН — НО НЕ СВЕРГНУТ	16
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НВ» <i>Ю. Квицинский</i> ДОГОВОР ДОРОЖЕ ДЕНЕГ	18
СССР—ГЕРМАНИЯ <i>В. Шувалов</i> СКАЖИ МНЕ, КТО ТВОЙ ДРУГ	22
ООН <i>А. Полюхов—К. Свартберг</i> БЛЕСК И НИЩЕТА КОМПРОМИССОВ	24
СССР—ПОЛЬША <i>Р. Борецкий</i> КАК ТОРГОВАТЬ НА ДОЛЛАРЫ, КОГДА ИХ НЕТ	26
ЮАР <i>И. Во, Н. Решетняк</i> КОГО ПРЕДАЛ ПРЕЗИДЕНТ	28

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ <i>Дж. Хоскинг</i> ГДЕ РУССКИЙ ДУХ?	30
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА <i>Ю. Осьмушко</i> «Я БЫЛ ПАЦИЕНТОМ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ»	32
ПРЕССА <i>Р. МанOFF</i> СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЖУРНАЛИСТЫ	34
ЛИТЕРАТУРА <i>Л. Млечин</i> КОНЕЧНЫЙ ПУНКТ БЕГСТВА	36
ОБРАЗ ЖИЗНИ <i>Я. Рахманова</i> ДЕНЬ ПОСЛЕ ПРОВОДОВ	38
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>И. Покровский</i> ПЕРУНОВО ЗАКЛЯТЬЕ	40
СПОРТ <i>В. Федоров, Д. Плисецкий</i> ОН ЧЕМ-ТО НАПОМИНАЕТ ФИШЕРА	43
КИНО <i>В. Божович</i> РАЗБИТЫЙ КОЛОКОЛ	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>Л. Елин</i> Я ПРИШЕЛ ДАТЬ ВАМ ВОДКУ	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Первые итоги первого
референдума

Стр. 4

Последний визит Хонеккера

Стр. 22

Английский ученый о патриотах
и националистах

Стр. 30

**Главный редактор
Александр
ПУМПЯНСКИЙ**
Редколлегия:

Александр АРТЕМЬЕВ
(коммерческий директор),
Лев БЕЗЫМЕНСКИЙ,
Алексей БУКАЛОВ
(ответственный секретарь),
Виталий ГАНЮШКИН
(первый заместитель
главного редактора),
Сергей ГОЛЯКОВ,
Лев ЕЛИН,
Виталий ИГНАТЕНКО,
Леонид МЛЕЧИН
(заместитель главного
редактора),
Дмитрий
ПОГОРЖЕЛЬСКИЙ,
Галина СИДОРОВА,
Марина ШАКИНА
Игорь ШЕИН
(главный художник)

Собственные корреспонденты:

Алжир
Михаил ХРОБОСТОВ
Белград
Геннадий СЫСОЕВ
Берлин
Михаил ПОДВИГН
Бонн
Никита ЖОЛКВЕР
Бухарест
Сергей СВИРИН
Варшава
Рудольф БОРЕЦКИЙ
Вена
Анатолий КОВРИГИН
Гавана
Виталий СОБОЛЕВ
Дели
Сергей ИРОДОВ
Лондон
Сергей БАБУСЕНКО
Прага
Инна РУДЕНКО
Пretория
Николай РЕШЕТНЯК
Мехико
Юрий КУДИМОВ
Нью-Йорк
Евгений АНДРИАНОВ
Рим
Павел НЕГОИЦА
Стокгольм
Александр ПОЛЮХОВ
Токио
Владимир ОБСЯННИКОВ

**Учредитель —
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском, английском,
французском, немецком, испанском,
итальянском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67**

Печатается в типографии
«Московская правда».

Телексы: 411164a newt SU
411164b newt SU

Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92

Отдел рекламы: 209-92-82
© «Новое время»

П О Ч Т А

■ Я полностью согласен с автором материала «600 секунд по своим» С.Соловейчиком. Надо сказать, что раньше я очень ждал эту передачу, уважал Невзорова. Но вот какие-то странные «покушения» на него и эти репортажи из Прибалтики... Может, это просто откровенная инсинуация и откровенный шовинизм? Не зря Невзорова защищают «Память», «Отечество»... На Невском проспекте лозунги: «Саддам Хусейн — мы с тобой, у нас общий враг» и тут же — «Защитим истинного русского патриота Невзорова от жидомасонов». И здесь же продают «Майн кампф», «Протоколы сионских мудрецов» и разные фашистско-патриотические газетки. В передаче Невзорова постоянно звучат нападки на Ленсовет. А что могут депутаты, не имеющие власти, ведь обком КПСС власть не отдает? Недавно был митинг против Ленсовета. Перестройка пошла вправо, пошла дорогой Полосковых, Гидасповых, Макашовых. Никуда этот путь не приведет, и я ничего хорошего уже не жду.

Сергей Смирнов
Ленинград

■ Прочитал в рубрике «Лица» (№4/91) заметку об Иване Антоновиче — члене Политбюро ЦК КП РСФСР, который заявил: «Не будет ошибкой сказать, что каждый гражданин нашей страны воспринял объединение Германии как свою личную драму». Я возмущен таким «причесыванием» всех под одну гребенку. Я спрашиваю руководителей КП России: «Кто дал право высокопоставленному чиновнику партии говорить от моего имени?» Я — гражданин СССР, инвалид войны, ветеран труда. И я не считаю, что это драма! Наоборот, драмой была каменная стена, которой разделили один народ.

В этом же интервью Антонович заявил: «Почти все республики осознают тот факт, что ни одна из них не сможет жить изолированно». А как же такие страны, как Бельгия, Дания, Люксембург и другие? Живут себе изолированно. И все лучше нашего живут. И Ельцин, которого Антонович обвиняет в сепаратизме, говорит от имени русского народа! Я русский, родился в Костромской области, живу в Московской —

и совсем не согласен с Антоновичем.

Н.Лебедев
Московская область

■ Я постоянный подписчик вашего журнала и вижу, как стали меняться, начиная с 1989 года, стиль и тематика материалов некоторых ваших авторов. А как же ваше кредо, о котором вы постоянно напоминаете нам, — плюрализм и свобода, беспристрастность и компетентность? По-моему, вы начинаете ему изменять. Плюрализм какой-то однобокий, беспристрастность с завидным пристрастием к обличительству — этим отличаются, например, статьи Соловейчика и Ивановой, которым вы объявили благодарности. Лучше бы вы сделали Татьяне Ивановой продуктовый подарок — это у нее основная проблема. Судя по ее публикациям, она всегда в очередях, а ее дети недоедают. Вдохновленные благодарностью редакции, эти авторы станут с новой силой избочивать «партократов» и «номенклатуру», генералов и полковников с их коварными замыслами военного переворота, козни центра и

В защиту «Международной амнистии»

■ В № 11 «Нового времени» опубликована статья Сергея Ковалева «Правила игры, в которую я не хочу играть». Сергей Ковалев, сам бывший одним из инициаторов образования секции «Международной амнистии» в СССР в то время, когда это влекло за собой преследования со стороны властей, закрытые суды и долгие сроки заключения, на сей раз критикует «Амнистию». Дело в том, что на Женевской сессии Комиссии ООН по правам человека представители «Амнистии» ни словом не обмолвились о нарушении прав человека в СССР, конкретно — о происшедшем в Вильнюсе. Ковалев предполагает, что причина в том, что «Международная амнистия» открывает представительство в Москве и ей нужно расположение властей...

Я знаю, что «Международная амнистия» долго и тщательно готовит свои выступления, публикации. Но смогла же она молниеносно выпустить подборку по нарушениям прав человека в оккупированном Кувейте (см. «НВ» №6)! Недавно мне пришлось выслушать едкое замечание высокопоставленного сотрудника КГБ о том, что любимая мною «Амнистия» больше не критикует Советский Союз, как в прежние времена, и не устраивает кампаний протеста. «Вот какие у нас теперь претензии к «Амнистии»!» — шутил мой собеседник...

Все так — но, когда номер уже ушел в печать,

почтальон принес мне мешок писем из США от членов американской секции «Международной амнистии». Все приблизительно одинакового содержания.

«... С ужасом узнал об убийстве 14 безоружных демонстрантов в Вильнюсе... Весь мир крайне обеспокоен тем, что советские солдаты могли совершить такое, что мог быть отдан такой приказ — в то время, когда отношения наших стран с СССР стали нормализовываться. Я прошу вас, г-н Елин, в своих статьях призвать Советское правительство к скорейшему проведению всестороннего и независимого расследования обстоятельств смерти этих 14 человек. Правительство должно также позаботиться о том, чтобы правоохранительные органы знали и соблюдали международные стандарты, регулирующие применение силы».

Я надеюсь, что такие же мешки с письмами получили не только журналисты, пишущие о правах человека, но и чиновники, их нарушающие. И я, безусловно, уважаю методы «Амнистии». Прекрасно, что по ее призыву люди из многих стран начинают «бомбардировать» нарушителей письмами. Правда, и выступление в Женеве, мне кажется, было бы не лишним...

Лев Елин,
редактор отдела гуманитарных проблем

«Я счастлив на боевом дежурстве...»

Кто защитит Невзорова от масонов?

«Зря член Политбюро говорит от чужого имени...»

многое другое, о чем сегодня говорят в очередях и битком набитых автобусах. Иногда, впрочем, и на съездах и сессиях, в средствах массовой информации. Многие на этом зарабатывают политический капитал. Но мне хочется сказать: «А может, хватит избобличать? Может, пора переходить к делу, к работе, к созиданию?» Тогда и мысли появятся другие, не только разоблачающие всех и вся. Но и разоблачая, не надо говорить от имени всех соотечественников, ровесников. Ивановой кажется, что она очень хорошо знает своего соотечественника. Да, знает, но таким, каков он в очереди. А он еще и в поле, и у станка, и на ферме, и на боевом дежурст-

ве. И по-своему он счастлив.

Г.Буря,
военнослужащий
Петропавловск-Камчатский

■ Пишу вам по поводу материалов В.Чалидзе «Цивилизованный порядок и народные страсти» и М.Шакиной «Куда марширует «парад суверенитетов»? (№ 52/90).

В.Чалидзе назвал решения Литвы по восстановлению государственности «смелыми», открывшими дорогу «процессу освобождения Прибалтийских республик от союзного контроля их внутренней жизни». Должен заметить, что этот перестроечный тезис совершенно не согласуется с истинной оценкой действий националистов, создающих свое государство. Паразитируя на прежней — мы ее называли «социалистической» — государственности, они упорно идут к воссозданию буржуазно-демократического государства, добиваясь полной независимости от СССР.

М.Шакина провозгласила практический развал Советского Союза. При этом она ссылается на декларации и заявления. Но ведь это только документы, провозглашающие намерения и цели.

Разве прекратили свои передачи для всей страны Центральное телевидение

Рисунок Аркадия Гурского

и всесоюзное радио? Разве не действуют, как и прежде, железные дороги, Аэрофлот, почта, связь, банковская система, деньги? Разве не контролируют правительство и Верховный Совет СССР границы государства, его таможенную систему, внешнеэкономические связи, соблюдение

межгосударственных договорных обязательств?

Анатолий Лавритов,
полковник юстиции запаса,
секретарь партийного бюро
коммунистов Клайпедского
морского торгового порта
Клайпеда

■ Термин «затратная внешняя политика» появился недавно, мы ждали, что страна вскоре избавится от этой политики. Примеров затратной внешней политики в прошлом было много. Вспомним систематическую поддержку всех режимов, объявлявших себя социалистическими. Вспомним огромные средства, затраченные на поддержку руководителей Анголы, Эфиопии, Сомали, Мозамбика, Сирии и даже лидера Ирака, который преследовал и казнил коммунистов. Но разве мы и сегодня не поставляем Кубе и нефть, и оружие? Оружие Куба просит под тем предлогом, что на нее может напасть Америка. Но время показало, что США не собираются нападать на Кубу. Вашингтону даже выгодно существование сегодняшнего кубинского режима, наглядно демонстрирующего беспомощность данной модели социализма.

А.Македонов
Ленинград

Поляков убивали и в Харькове

■ Обращаюсь к вам в связи с публикацией «Тайны Катыни больше не существует?». Утверждая, что «судьба пленных Старобельского и Осташковского лагерей, видимо, такая же, хотя место гибели не известно», авторы ошибаются. Значительная часть польских офицеров из Старобельского лагеря была вывезена в Харьков и там расстреляна. Здесь погибли все высшие офицеры польской армии, начиная с полковников, и высшие чиновники польского правительства. Харьковские чекисты принимают активное участие в расследовании уголовного дела, возбужденного прокуратурой области по факту обнаружения массового захоронения в Харькове. Начальник УКГБ по Харьковской области генерал-майор Н.Гибадуров рассказал на семинаре, что здесь лежат жертвы сталинских репрессий. Кроме советских людей есть и польские военнослужащие, интернированные в 1939 году, доставленные в Харьков в 40-м и здесь расстрелянные. После изучения архивов можно будет достоверно сказать, что это бывшие пленники Старобельского лагеря НКВД СССР.

Еще в начале 1989 года нашли людей, закапывавших в то время трупы. Были найдены польские знаки отличия, остатки формы. Однако КГБ и прокуратура никак не хотели признать это место местом массового захоронения. Дело в том, что на части этой территории находится база отдыха КГБ (извечная русская тема — пир на костях!). И все же в феврале 1990 года областная прокуратура открыла дело и пришла к изложенным выше выводам. А в сентябре прошлого года дело передано Главной военной прокуратуре, и разговоры о необходимости эксгумации трупов вдруг прекратились.

По нашим данным (правда, непроверенным), в Харьковской области есть еще другие места массовых захоронений польских офицеров. А в Харькове кроме советских граждан и польских военных находятся останки граждан других государств. Все эти факты нуждаются в тщательной проверке.

Евгений Захаров,
сопредседатель Харьковского отделения
общества «Мемориал», депутат горсовета
Харьков

Между «да» и «нет»

На вопрос
референдума
получено
девять
республикан-
ских, один
полувсесоюз-
ный и много
районных
ответов

Рисунок Аркадия Гурского

«А»

вы народ спросили?» — эта sacramентальная фраза преследовала нас все последние годы. Референдум был первой попыткой спросить о чем-либо «весь советский народ». У каждого из множества народов, живущих на нашей шестой части земной суши, свое представление о том, что ему нужно, своя история и культура. Выяснить «среднюю» точку зрения, очевидно, иногда полезно — для информации, — но бессмысленно и даже, пожалуй, вредно выяснять ее затем, чтобы потом пытаться навязать ее всем народам, обитающим в нынешних границах Советского Союза.

Если говорить о познавательной ценности референдума, то мы не выяснили ничего такого, что не было бы известно раньше, в том числе из опросов общественного мнения. Референдум создал дополнительную напряженность в обществе, и без того до предела наэлектризованном, обострил донельзя все противоречия, усилил политическую борьбу.

В то же время кампания подготовки к референдуму, споры и столкновения мнений, в том числе между двумя главными лидерами — союзным и российским, — выявили тенденции в политической жизни, которые до того не всем были ясны.

Прежде всего союзный референдум спровоцировал Вильнюс, Ригу и Таллинн на проведение плебисцитов, опросов у себя в республиках. По разным причинам Прибалтийские республики весь предыдущий год воздерживались от них, хотя в центре не переставали повторять: «А вы народ спросили?». Теперь литовцев, латышей и эстонцев спросили. Они ответили, и всем стало ясно, что большинство жителей трех Прибалтийских республик твердо решили уйти из Советского Союза. Окончательно их к этому подтолкнули январские события в Вильнюсе и Риге, которые в Прибалтике однозначно истолковали как попытки силой свергнуть законные республиканские правительства и установить прямое президентское правление.

Решение о референдуме поставило все республики перед выбором, и шесть из них продемонстрировали — своим отказом участвовать в референдуме и работать над проектом Союзного договора, — что они намерены покинуть Союз. Вряд ли это тот результат, к которому стремились организаторы референдума.

Вместе с тем стало ясно, что на-

роды России и Белоруссии не мыслят себя вне какой-то новой федерации, сохраняющей их исторические связи. К ним готовы присоединиться республики Средней Азии. Украина на перепутье. Но, как бы ни повели себя республики в смысле их нынешней позиции по отношению к Союзу, общий настрой независимости от центра за последние два месяца ощутимо усилился. Нет республик, где бы за это время не заявили еще более твердо, чем прежде, о своем суверенитете.

Это тоже не тот результат, на который рассчитывали в Москве. Союзное руководство, затеяв референдум, надеялось получить твердое «да», которое можно было бы трактовать как абсолютный мандат доверия. Практической цели этот референдум иметь в любом случае не мог. В Москве заранее объяснили, что примут только положительный ответ. Председатель Верховного Совета СССР Анатолий Лукьянов сказал, что негативный ответ ничего не изменит, Союз сохранится в любом случае. Даже если какая-то республика не подпишет новый Союзный договор, она останется в Союзе на основании старого договора.

Но, скажем, Литва, Латвия и Эстония, присоединенные к Союзу в 1940-м, никакого договора не подписывали...

Москва поставила вопрос жестко: кто не с нами, тот против нас. Но вместо дружного хора в поддержку державы, Союза и соответственно сильной центральной власти, ответ получился какой-то странный: ни да, ни нет. Несмотря на все пророчества — нам объясняли, что за ослаблением Союза последует гражданская война, появятся миллионы беженцев, развалится единое экономическое пространство, — поддержка центрального правительства за время кампании вокруг референдума еще более ослабла. Ни результаты референдума, ни споры вокруг него, ни многотысячные демонстрации с антиправительственными лозунгами никак не могут быть расценены как одобрение линии Москвы и тем более как «добро» на проведение более жесткой линии, на введение президентского правления в непокорных окраинах или во всей стране.

Еще один результат накала страстей накануне референдума — ускорение подготовки Союзного договора. Его проект был срочно сверстан и брошен в дискуссии как последний аргумент в пользу сохранения Союза. Его достоинства по сравнению с существующими документами конституционного типа очевидны. При всех недостатках и про-

тиворечиях это шаг вперед в деле демократизации, эскиз «нового мышления» внутри страны. В нем закреплено многое из того, за что отчаянно бьются республики последние годы. Этот документ три года назад, может быть, остановил бы процесс выхода республик из Союза. Но наше союзное правительство отличается тем, что всегда отстает от жизни на два шага. Проект подписали лишь 8 союзных республик, его опубликовали раньше обсуждения в Верховных Советах республик, чтобы успеть к референдуму, но на его результаты он уже не повлиял.

Обсуждение вопросов плебисцита вышло далеко за рамки будущего Союза. И как всегда народ связывает ту или иную политику с конкретными лидерами. Неминуемо для многих голосование «за» Союз стало голосованием за Горбачева, а поддержка идеи российского президентства — голосованием за Ельцина. И тот и другой лидеры будут трактовать результаты ответов по-своему, но, видимо, если выборов президента в России не избежать, то судьба новой федерации не ясна, и референдум ясности не прибавил.

Туманность главного вопроса привела к столь же туманным результатам, вопреки надеждам организаторов, что люди будут голосовать не за детали, а «в принципе» за здоровую идею братства и единства. Не говоря о том, что эта идея «в голом виде» людей уже не зажигает, как раньше, подготовка и проведение этого первого референдума показали, что на всенародное голосование можно выносить только предельно ясную и простую проблему, разумно и ясно сформулированную.

Первый опыт решения проблем референдумом, «всем народом», показал и несовершенство закона о референдуме. И прежде всего идеи, что простым большинством, например в 51 процент, можно принимать законы, решать судьбы народов, менять конституцию. Если же референдум затеян, как нынешний, для выяснения общественного мнения, то закон открывает властям полную свободу для самодеятельности: результат должен «учитываться» при принятии решений соответствующими органами.

Что сейчас будут делать «органы», получив девять республиканских ответов, один усредненный полувсероссийский и множество малых — гарнизонных, заводских, районных, — можно только гадать.

Николай Попов

Иго незаконное

Симон Соловейчик

Не придем ли мы к рынку точно так же, как пришли к коммунизму?

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Все знают: мы идем к рынку. Телерадиоэфир забит, и газетные статьи пересыпаны фразами нового толка: «В условиях перехода к рынку...», «В то время, когда страна переходит к рынку...», «Как ваше предприятие готовится к работе в условиях рынка?».

Слушаешь, слушаешь, и вдруг вспоминаешь: «Мы идем к коммунизму». И точно те же сроки называют — примерно 20 лет, и те же торжественные интонации, и как прежде всюду обнаруживали приметы и зримые черты коммунизма, так и сегодня находят приметы и черты рынка — при том, что, как говорят экономисты, ни одного еще дня наша страна не шла по дороге к рынку...

Кампания такая. Бесконечные наши идеологические посевные без уборочных. Все равно куда идти, к рынку ли, к коммунизму — лишь бы ничего не менялось.

Какая-то сила держит, сдерживает страну, какая-то угрюмая мощь навалилась на нее и давит, не пускает, не отпускает, словно невидимое татаро-монгольское иго, или, как у Пушкина в одном письме сказано, «иго незаконное»...

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Кругом поют похоронную песнь перестройке — мол, кончилась, и в американском журнале можно прочитать, что вокруг Горбачева теперь не *sovietniki*, а *chinovniki*, «которые говорят ему то, что он хочет услышать, и которые не создают политику, а проводят ее». Откат? Но слово это, побродив по газетам, не прижилось. Видимо, все гораздо серьезнее, чем просто движение вперед и назад.

Вдумаемся в ряд: заговор, бунт, переворот, восстание, реформа, перестройка. В 1861 году не было ни заговора, ни переворота, но начались важнейшие реформы — можно сказать, перестройка. В 1905 году было восстание, за ним начались реформы. В феврале 1917-го произошло восстание, за ним — переворот и началась перестройка.

Во всех этих событиях менялась или изменялась политическая власть. Когда же из рук в руки переходит не только и даже не столько власть, сколько собственность, то лишь эту грандиозную социальную переменную можно назвать революцией. В октябре 1917 года был заговор, затем произошло восстание, за ним переворот и уж тогда только на-

чалась Великая Октябрьская социалистическая революция — все слова в этом наименовании правильны. Мы привыкли связывать слово «революция» с кровью, стало модным повторять: «я против революции», «хватит с нас революций», однако именно революции чаще всего бескровны.

Переворот — дело часа или ночи, революция — многолетнее переустройство. Переворот, восстание — насильственные, братоубийственные акты, но гражданские войны, обычно сопровождающие революции, вовсе не обязательны.

ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ? Вслед за тихим переворотом, приведшим к власти радикальную ветвь партии, началась перестройка — реформирование многих структур. Но постепенно она стала переходить в новое качество — вопрос о власти перелился в вопрос о смене собственников. Перестройка становится революцией.

Какое слово прилепится к этой необъявленной революции — народная, демократическая, радикальная, постсоциалистическая, — выяснится позже. Пока что очевидно главное: революция. И когда нам приходится выбирать, за кого мы и за что, мы должны думать не только о личностях и не только о власти, но и о собственности. Это главное, от этого зависит отношение к властям и личностям.

От кого же и к кому переходит собственность в начавшейся революции?

КТО У НАС СОБСТВЕННИК. В капиталистическом обществе почти вся собственность принадлежит корпорациям и частным лицам. Но кому принадлежит она в стране социализма?

Радуга ответов на непростой этот вопрос — от красно-бодрого «Всенародная!» до мрачно-фиолетового «Ничья». Однако прокуроры, например, считают, что вся она государственная, и воров карают за хищение государственной собственности. Странная штука эта социалистическая собственность. Ее чтут как народную, охраняют как государственную, растаскивают как ничью.

Кому же все-таки это все принадлежит, чье это добро раскидано по необъятной территории, кто распоряжается заводами и фабриками, кто назначает директоров и министров, кто отнимает и дает, делит и распределяет, кто хозяин? Или его и вправду нет?

Есть. Есть такая партия! Есть такой собственник, правда, особого рода. Особого потому, что когда речь идет о правах на собственность, то и сомнения у него не возникает — всё его, а когда начинают говорить об ответственности

ПРОИСХОДИТ
ЧТО
ПРОИЗОЙДЕТ

Рисунок Аркадия Гурского

за хозяйничанье, то пожимают плечами: а при чем тут мы?

Партия большевиков с самого начала создавалась как айсберг: с подводной частью и надводной, видимой. Одним из наиболее бурных столкновений в ее истории был спор между ликвидаторами, призывавшими избавиться от нелегальной, подводной части, и отзовистами, предлагавшими отозвать партийных делегатов из легальных органов. Это соединение легального и нелегального, необходимое для работы в подполье, тем не менее сохранилось и тогда, когда партия пришла к власти. Партия не отдает завоеванное, и, выйдя из подполья, она оставила его за собой. Почти все партийные документы выпускаются под грифом «секретно», и долгое время секретарь райкома полу-

чал одну зарплату легально, по ведомости, а еще две или три — нелегально, в конверте.

Все владения партии состоят из двух частей: легальное, законное имущество — и нелегальная, незаконная, ни по каким документам не проведенная собственность.

Легальное имущество: партийные помещения, типографии, санатории, больницы. Недавно был впервые дан отчет об этом имуществе — огромные богатства не совсем ясного происхождения.

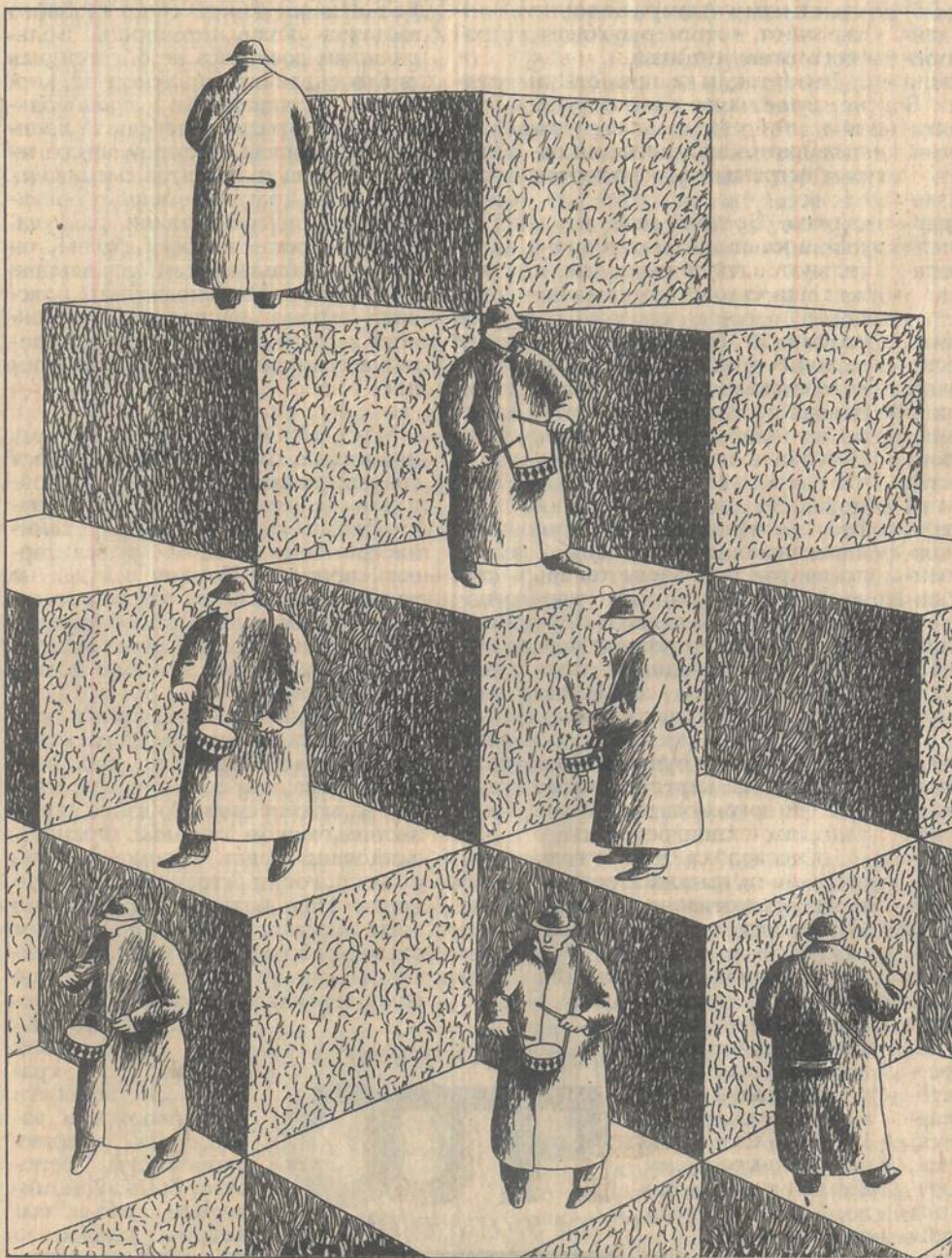
А есть еще и вовсе тайные дела: специальные цехи на мясокомбинатах, где до недавнего времени изготовляли особую «обкомовскую» колбасу (так называют ее рабочие этих цехов), есть обкомовское молоко и обкомовские конфеты... Партия создала свой, отдельный от

страны материальный мир, этакое зарубежье внутри СССР, роскошный (по убогим нашим понятиям) мир посреди нищеты, мир, в котором не то едят, что все люди у нас, не то пьют, не так летают и ездят, не так отдыхают, не так лечатся, не так, в других условиях, умирают и не так, как все, бывают погребены. Можно получить визу в Париж или Брюссель, но в это Зазеркалье туристов не пускают, свидетелей там не любят, оно охраняется посильнее, чем государственные границы. Большинство людей даже не догадывается о жизни этого мира, на картах его нет, и астрономам он не доступен.

Однако партийное имущество — лишь небольшая часть принадлежащего партии. О нем спорят, его требуют вернуть народу, но партия от него отнюдь не отказывается, наоборот, танками готова отстаивать.

Главная же собственность партии, основной массив неисчислимого добра — все, что есть в нашей стране, вся промышленность, весь транспорт, все колхозы и совхозы, все учреждения культуры — практически все, что есть на одной шестой планеты, включая, в общем-то, и нас с вами — население. В ЦК КПСС, а не где-нибудь утверждались все главные руководители, и не только партийные, но и хозяйственные, и советские (то есть выборные), — об этом свидетельствует в своих воспоминаниях Е. Лигачев. Над каждым министром был соответствующий заводилом ЦК. Имя его обычно знал лишь узкий круг, но власть его была безгранична. Что говорит вам, читатель, например, такое имя: Евгений Кожевников? Никто и не слышал. А между тем этот человек долгие годы командовал министрами просвещения и всею школой. Это он ее мучил и корежил, он с товарищами своими довел ее до того, что многие дети школу ненавидят. Однако, если он подает на меня в суд, я ничего не смогу доказать: никаких документов нет и не было. Все делалось нелегально. По телефону. Телефонное право распространяется не только на суды.

И так в каждой отрасли. Надо всем — партия, а выше нее ничего нет, она полный, абсолютный владелец всего. Все важные хозяйственные постановления печатались под рубрикой «В ЦК КПСС и Совете Министров СССР»,

все задачи ставили «партийно-хозяйственному активу», и кого больше всех боится директор завода, пусть и самого крупного? Обкома партии. Перед кем дрожит председатель колхоза? Перед райкомом партии. Огромные суммы перечислялись, переводились, тратились с таинственной ссылкой: «По указанию директивных органов». Директивные органы, иначе «инстанции» — подпольные клички партии. Подпольные обкомы действуют и сейчас. Обкомы распределяют все денежные должности в области, в их распоряжении органы внутренних дел и безопасности. Они обладают всей полнотой власти на всю собственность в области. Страна наша имеет мултимонархическое устройство: каждый край, область — удельное княжество, и край-обком в нем — абсолютная власть. Обкому дается полная свобода действий, в обмен на которую он обирает свою область и безоговорочно вывозит почти всю продукцию. В результате центр получает огромные ресурсы и распоряжается ими, держа в узде всех и вся.

Единственный собственник в нашей стране — не народ, не государство, не общество, а огромная, для книги Гиннеса, партийная корпорация.

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Говорят, что сегодня все по-другому, что теперь ЦК утверждает только первых лиц. Говорят, что обкомы и райкомы теряют власть. Но соотношение легального и нелегального всегда менялось, суть же остается прежней. «Мы — партия законности и порядка», — заявляет И.Полонский, — и только через них видим возможность стабилизации государственной жизни». Через них. Но что понимается под словами «законность» и «порядок»? Такая законность, при которой партия распоряжается всем, и такой порядок, при котором все подчиняется партии. Законное сохранение незаконного ига.

Все уже привыкли: всегда выставляются лозунги, прямо противоположные тому, что происходит. Когда шло последовательное уничтожение свобод, лишение трудящихся всех прав, когда тюрьмы и лагеря были переполнены, громко объявлялось, что идет строительство социализма. Когда военно-промышленный комплекс, постепенно усиливаясь, охватил половину производства, выдвинули лозунг: «Все для человека, все для блага человека». Когда разваливают государство, отталкивая целые республики, — выдвигают лозунг государственности. Теперь оказывается, что тот, кто против партийного ига, — тот против государства. Раздали государство, подмяли его под себя, унизили и объявляют себя чуть не единственными защитни-

ками государственности. И вот уже создан стандартный образ лжедемократа: тайный пособник теневой экономики и зарубежных спецслужб, который в угоду своим политическим амбициям рвется к власти для развала нашего государства, чтобы превратить его в сырьевой придаток капитализма, вызвать социальное расслоение и безработицу.

НО КТО ЭТО — ПАРТИЯ? В партии 16 миллионов человек или больше, и скажи любому, что он — собственник всего, он, пожалуй, рассмеется.

В публицистике стало общим местом, что, как в антиутопии Оруэлла, существуют две партии: внешняя, массовая, и внутренняя — партийный аппарат. Русское слово «аппаратчики» вошло во многие языки мира. Аппаратчики — те плохие люди, которые руководят страной от имени партии.

Это и так, и не так. Действительно, существует слой особым образом отобранных и вымуштрованных партийных чиновников, которые несут личную ответственность за все, что делается от имени партии. Но этот аппарат, действующий на стыке легального и нелегального, по природе своей не может существовать без миллионной партии, которая голосами своими и безгласием подпирает верхние структуры, питает их, и материально и морально, охраняет от народного гнева и придает им видимость народности, законности. Вступив в партию, человек получает не только дополнительные возможности для карьеры, это не главное, — начальниками становятся лишь небольшой процент. Главное преимущество — чувство избранничества, защищенности, причастности к большой власти. Партийный билет — как сертификат первосортности, он повышает социальный статус человека, даже если тот остается простым рабочим. На нелегальной собственности основано собственно партийное имущество, к ней восходят партийные преимущества для всех. У верхних — спецпак, у нижних — спецдостоинство.

...Открыл свежую газету. Пишут: на пермской земле создано межгосударственное объединение «Проминформ». Поддержку ему оказал зампред Совмина. Нормально. И сам предсовмина (бывший) одобрил — тоже нормально. Однако первым в списке из трех влиятельных лиц, без которых все дело было бы невозможно, — секретарь ЦК КПСС. То есть все по-прежнему, все как и всегда было. Сначала хозяин, сначала ЦК.

Результат? «До-

быча леса в районе сократилась, лес гибнет на корню».

Вот и «Коммунист» пришел свежий. Г.Шахназаров, свидетель весьма осведомленный, пишет: «И хотя декором государства сохранялся, фактически все управление с самого начала пошло в обход его учреждений. Партия взяла на себя прямое командование армией, контролировала все другие участки управленческой деятельности, фактически она-то и стала тем, что принято понимать под государством».

Представляете себе, что скрывается за полужаргонизмом «все другие участки управленческой деятельности»? Да это же все мы, все наши раздавленные, придушенные жизни.

Часто повторяют, что до революции Россия кормила полмира, а большевики довели ее до хлебного импорта. Тоже неточность. Большевикам досталась не богатеющая предвоенная страна, а разруха, карточки, продотряды, продовольственный кризис, очереди за папиросами, страна, которой никто не мог управлять. Четыре сменявших друг друга кратковременных правительства не остановили разрухи. Народ восстал по всей стране, он передал большевикам управление хозяйством. Но управитель присвоил чужую, народную собственность, и грабит своего хозяина, и помыкает им уже семьдесят с лишним лет.

ЧТО ПРОИСХОДИТ? Почему никогда не говорят прямо, что вся собственность в нашей стране принадлежит партии, а пользуются прикрытиями вроде «система», «административная система», «тоталитарная система»? Почему в вузах не учат студентов тому, что есть на самом деле, не называют собственником партию? Только ли из цензурных соображений, все еще довлеющих над нами?

Нет, все сложнее. Секрет в том, что кроме политического камуфляжа («всемирная собственность») все, что есть в нашей стране, укрыто от прямого взора еще и экономическим туманом. Французский завод «Рено» — экономический объект, государственная собственность. Наш автозавод формально тоже государственный, но над ним этажерка административных структур, вплоть до министерства, и еще одна вертикаль партийных структур, вплоть до ЦК.

Этих надставок столько, что границы собственности размываются и завод, как говорят экономисты, перестает быть экономическим объектом. Теперь вопрос о том, кому же он при-

ПРОИСХОДИТ
ЧТО
ПРОИЗОЙДЕТ

надлежит и чья это собственность, строго говоря, бессодержателен, не имеет смысла. Собственность — экономическое понятие, а рассматриваемый нами автозавод не имеет отношения к экономике, он часть административной структуры, и поэтому его истинный хозяин, партия, может управлять им безнаказанно и стричь с этой полумифической экономики вполне реальные купоны. Если бы государство могло продать завод негосударственному лицу, как Французская республика может продать «Рено», то партия не имела бы от завода ничего.

Именно оттого, что наша экономика по сути не является экономикой, ею владеет Большой Бесхоз, и огромные материальные средства пропадают зря, словно сжигаются в крематориях. Чем сильнее партийное вмешательство — тем дальше от экономики, тем ужаснее хаос и вызываемые им потери. Но как только партия отстраняется от руководства, хаос еще и разрастается. Таковы последствия всего этого химерического устройства.

Неявность принадлежности держится на неявности экономического существования. Когда размытая собственность сгустится и приобретет экономическую плотность, то есть обретет реального владельца, она будет потеряна для партии. Но «этот день мы отодвигали как могли»...

Вот что происходит в дорогой нашей стране: партия стала совокупным собственником, совокупным буржуа. А у буржуа всегда один враг — другой буржуа. Новый, рвущийся к собственности класс, новый собственник.

НОВЫЙ СОБСТВЕННИК. Как было бы легко вслед за официальными пропагандистами написать, что идет новый собственник — трудящийся человек, что теперь коллективы вольны выбирать форму собственности, что владеть десятком акций — значит быть хозяином, заинтересованным в качестве труда... Ура! Мы идем к рынку.

Но это же неправда. Это новая уловка: передадим все права совету трудового коллектива... А там рядом партком, и все будет по-старому. Так и во всем мире: когда корпорации угрожает банкротство, она обычно создает подставные фирмы, чтобы спасти капитал.

Никогда не станет рабочий владельцем мартена, не по карману это ему, и никогда коллективный собственник, если не будет конкуренции с частным предпринимателем, не создаст современного предприятия.

Как это бывает во всех революциях, новый собственник выходит на арену в самом непривлекательном виде. Нынешние хозяева благо-

образны, их права освящены законом и великой идеей социализма, а новые что? А новые кто? Никому не известные, ни в каких номенклатурах не состоящие, проходимцы-теневики... Смотрите, кто пришел!

Пришел новый Чумазый, делец, ничего святого. Но он ловок, изворотлив, он добытчик, он может создать полезное производство буквально из воздуха, он умеет считать деньги и вести дело с прибылью, и он, презираемый этот нувориш, увеличивает общее народное богатство, он создает новые рабочие места.

Всех постоянно пугают безработицей. Одно из главных лиц в государстве клеймит по телевизору главного своего врага:

— Пусть он прямо скажет, что он за безработицу!

Но у нас безработица достигает сейчас не пяти или даже пятнадцати процентов, как в других странах, а сорока или пятидесяти, а то и больше, потому что количество рабочих мест, дающих в достойных условиях достойный заработок, мизерно мало, и люди работают на таких условиях, на какие не согласится ни один рабочий в мире.

Недавно писали о дельце, который нанимал советских рабочих для фирм Лос-Анджелеса. Он предупреждал, что условия будут самые невыгодные (с американской точки зрения). И что же? За короткий срок было подано почти миллион заявлений.

Миллион!

Там, в Лос-Анджелесе, тоже наверняка безработица, но отчего же люди стремятся туда, а не обратно? Говорят: «А вы спросили рабочих, хотят ли они перемены строя?» Но вот оно, голосование, вот он, референдум: по первому зову — миллион. Это и есть выбор в начавшейся революции: рабочие голосуют, а теперь уже и бьются, как шахтеры, за такой строй, который обеспечивает высокую цену труда и дает лучшую жизнь тем, кто хорошо трудится.

ДЕМОКРАТЫ. Но что же получат демократы от этой революции, кто бы ни входил в их число?

Ничего. Ровным счетом. Кто-то окажется у власти, кто-то станет депутатом, но ведь это весьма небольшая часть. А все те сотни тысяч людей, которые выходят сегодня на митинги, лично не получают ничего, как не получили революционеры-подпольщики, готовившие Октябрьскую революцию.

Ничего — кроме чувства свободы и освобождения, кроме нового человеческого достоинства, кроме сознания, что ты поддерживаешь правду или по крайней мере не поддерживаешь ложь, сознания, что благодаря твоему голосу,

твоим усилиям страна выберется из тупика.

А ТЕПЕРЬ САМЫЙ ТРУДНЫЙ ВОПРОС: за кого же первый президент нашей страны, на котором скрестились, кажется, все копы мира, оценки которого колеблются от «человека года» и «человека десятилетия» до погубителя страны?

Вот он перед нами, мы видим его на экранах телевизоров, и каждый, кто хоть сколько-нибудь долго жил на свете и хоть как-то понимает людей, может судить о нем и по словам его, и по делам, и просто по внутреннему своему чувству.

Что же он — против демократии? За то, чтобы вечно сохранялась та неестественная собственность, которая царит сегодня? Чтобы партия вечно владела и правила всеми?

Каждый считает по-своему, но в общем-то в это не верится. Я пытаюсь понять этого человека — и на плечи ложится тяжестью ответственность. Дать заводам свободу — рушатся экономические связи и предприятия останавливаются. Отдать крестьянам всю землю — страшно, а вдруг не справятся, но колхозы рухнут, и тогда вовсе голод. Отдать предприятиям заработанную ими валюту — а чем платить тяжелый долг страны? Распустить хоть четверть армии, прекратить выпуск ненужного оружия — куда давать миллионы людей, работающих на войну?

Будущее еще когда-то будет, а нынешнее хватает за руки сию минуту. Как во всякой революции, нынешнее ненавистно, а будущее неясно. Как вести страну в никуда?

И демократы жмут, критикуют, обвиняют, вот уже и отставки требуют. Это их роль, их обязанность, демократы обязаны быть за революцию. Но что делать президенту? Многие считают, что он должен уйти с поста генерального секретаря. Уйти? И оставить такую партию, какою она сегодня является, без присмотра? Да она завтра же начнет создавать не только комитеты национального спасения, но и боевые отряды, партийный омон, начнет гражданскую войну. Если и существует угроза гражданской войны, то она исходит лишь от партии — только ей есть что терять, и в ее руках оружие, ей подконтрольна армия.

Президент возглавил перестройку, народ пошел за ним. Теперь, как это обычно и бывает, народ идет дальше, перестройка перерастает в революцию. Сумеет ли президент возглавить ее? Или народ пойдет без него? Предстоит выбор — быть ли с народом или быть с теми, кто народу ненавистен. Такой выбор иногда делают в один день, в одну ночь.

Иначе мы придем к рынку точно так же, как пришли к коммунизму.

Василий Розанов когда-то написал, что Российскую империю погубила литература. Он имел в виду ее сатирическую струю. Фонвизин и Грибоедов осмеяли дворянство, Островский — купечество, Щедрин — чиновничество, Лесков — духовенство. Когда традиционные опоры общества были подрублены, наступила эпоха нигилизма. Большевикам оставалось лишь завершить эту литературную работу.

Разные империи гибли от разных причин — от восстаний, нашествий, войн. Трагично и достойно. А это истинные комические случаи — великая империя, погубленная литературой.

Но может, оказывается, быть еще смешнее: великий Советский Союз погибнет, судя по всему, от публицистики.

Пафос нынешней, зовущей себя демократической, публицистики, к сожалению, разрушительный, отрицательный. Она любит сатирически топтаться на Правительстве, Президенте, Верховном Совете, не говоря уже о бюрократях и коммунистах. По отношению к прошлому и настоящему она знает только злую сатиру и высокомерное морализаторство. Для нее важнее сказать «нет», чем разобрать дело со всех сторон.

Вот выступает по телевидению публицист. Убедительно показывает, что в вопросе, выдвинутом на референдум 17 марта, содержится по сути дела четыре вопроса, а нам предлагают на все эти вопросы ответить одним «да». Нас, другими словами, пытаются обдурить. Вполне логичное рассуждение. Но отсюда следует призыв: на вопрос референдума отвечайте «нет». Как будто ответить «нет» на четыре разных вопроса разумнее, чем ответить «да»!

Вообще «нет» в мозгу публициста возникает раньше, чем он приступает к изучению комментируемого вопроса.

Из этого «нет» формируется особая — публицистическая — политика. Ее лидеры — те, кто громче скажет «нет», или кто вообще громче скажет.

Я слышал в Лондоне публицистическое выступление одного депутата Верховного Совета СССР. Он сказал: «В Советском Союзе произошел фашистский переворот». Аудитория заволновалась. Не шуточное ведь дело — фашистский переворот. Судьба мужественного депутата тоже всех обеспокоила. А депутат продолжил свое европейское турне, вернулся на Родину и по-прежнему комфортно

табельно депутатствует и публикует.

Сам он, очевидно, не верит в то, что говорит. Слушатели, однако, верят. Зарубежные коллеги боятся ехать в Москву. Согласно созданному публицистами образу мира, их ждет печальная судьба. (А) Их раздавят танком. (В) Они умрут с голоду. (С) Их заставят кричать: «Слава КПСС».

Публицистика возводится в ранг государственного института. Борис Ельцин создал при себе консультативный совет из публицистов. Состав его был распечатан в газетах под заголовками вроде «Интеллектуальная мощь России». В газете «Куранты», правда, этот заголовок выглядел как подпись под крупным портретом самого Ельцина. И это было правильно, потому что Ельцин и есть главный публицист в политике.

«Публицизм» и «популизм» — почти одно и то же. Публицист должен быть популярным. Непопулярный публицист — бессмысленное словосочетание. Непопулярный Ельцин — тоже бессмыслица. Непопулярный Горбачев — это Президент со своим политическим курсом, со своей сложной политической биографией, словом, реальное лицо. Политическая биография Ельцина — это история его «рейтинга», и, боюсь, ничего больше.

Нынешнюю публицистику часто путают с политической оппозицией. Но это разные вещи. Оппозиция — элемент демократического государственного устройства, придающий динамику развитию общества путем выдвижения политических альтернатив. Она существует в рамках государства и лояльна по отношению к государству и его институтам.

Публицистике в ее газетно-журнальном и политическом вариантах лояльность чужда. Она не видит альтернативы в рамках существующего государства и полагает необходимым его разрушить, чтобы начать все сначала: надо ликвидировать Союз — эту «тюрьму всех народов», и, как только его не станет, все народы соберутся сами и заживут дружной семьей. Что-то похожее обещал когда-то публицист Ленин В.И.

Какая мотивация у публицистики? Трудно сказать однозначно. Это и жажда популярности, и личное тщеславие, и жажда власти, и добросовестное заблуждение — иллюзия возможности построения нового общества с чистого листа, быстро и сразу. Все вместе образует революционный синдром — крайне опасную для общества болезнь сегодня.

Тому же Розанову принадлежит замечательный афоризм: «Конечно, не Пестель-Чацкий, а Кутузов-Фамусов держит на плечах своих Россию, «какая она ни есть». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эпюлет и самолюбия». Конечно, говорил Розанов, и Фамусов не многого стоит, и Кутузов — не золотой кумир. Но ведь и русская история еще почти не начиналась...

Если идти за публицистами, она может и не начаться. Конечно, какой-нибудь современный «фельдмаршал» или «московский барин» из Президиума Верховного Совета — не фигуры для будущего. Но политики — и политики — меняются. Меняются в государстве, которое поэтому есть необходимая предпосылка любой политики. Разрушить государство, чтобы сменить политику, — абсурдная и самоубийственная идея.

Чем мил Фамусов?

Леонид Ионин

Постоянный ведущий рубрики «Дневник социолога» 8 месяцев работал в Бремене по приглашению Фонда Александра Гумбольдта.

Вернувшись, он написал материал, который удивил и нас...

Высший градус

Татьяна
Иванова

Хватит
притворяться,
ребята! Идите к
нам...

Это было давно. За хорошую работу меня премировали в редакции путевой в спецсанаторий для руководящих комсомольских работников. Дом с колоннами стоял в горах, мраморная лестница вела к синему морю. Райское место.

Я приехала поздно вечером, а утром меня разбудил стук в дверь. Взглянув на часы, я переполошилась: всего семь утра, кто может стучать так рано?... В дверях стояли две женщины в белых халатах. «Доброе утро! — приветствовали они меня. — Пожалуйста, градусник».

«Вы, наверное, ошиблись, я здорова, мне градусник не нужен...» — было заговорила я. Но, заглушая мои слова, вдруг грянуло радио: «Не спи, вставай, кудрявая, в цехах, звеня, страна встает со славой навстречу дня!»

Женщины что-то говорили, но я не могла разобрать. «Сделайте, пожалуйста, радио тише, выключите его, все же спят, оно орет, мы с вами кричим, это какое-то недоразумение...» — посетительницы громко и строго ответили мне, что радио не выключается и сделать его тише невозможно. Оно само выключится, когда настанет тихий час. А теперь положено поставить градусник и, убедившись, что температура нормальная, идти на зарядку.

Я дала посетительницам отпор. Они покинули мою территорию, я повернула ключ в замке, села на кровать и затосковала: куда ж от радио-то прятаться? Оно гремело: «Ноги на ширине плеч! И-р-раз-и-и-два-и-и-три!»

В дверь требовательно постучали. «У нас не положено запирается, — сказала мне строгая дама в светлом костюме и укладке. — И не положено нарушать порядок. Подъем в семь утра. Градусник. Зарядка. Нарушителей мы выписываем!»

По дороге на пляж я была остановлена женщиной в белом халате: «Прошу на весы и сразу говорите фамилию!» — «Мне не надо на весы...» — «У нас такой порядок!»

В том санатории я впервые в жизни видела живые радиоволны. И с тех пор знаю, почему их изображают кругами, расходящимися от радиоточки. Голос громкоговорителя будто обретал плоть на нашем беломраморном крыльце: жаркий южный воздух множеством кругов разлетался в стороны. Как в кино: маленькое кольцо мгновенно раздвигается, внутри него образуется кольцо поменьше, еще поменьше, большое улетает в пространство, количество колец бесконечно.

Жить можно было с двух до пяти и после отбоя.

Кроме меня, никто не бунтовал: все ставили градусники, все взвешивались, все раз в неделю сдавали анализы и в десять утра приходили в салон на политинформацию. Политинформацию производила начальница заведения. Та самая дама в строгом костюме, которая в первый день явилась наводить среди меня порядок. Заканчивая политинформацию, дама всегда напоминала вверенному ей контингенту об основных правилах внутреннего распорядка.

На третий день моего пребывания в этом райском месте произошло ЧП. Ключница предупредила каждого входящего, что на обед сегодня приказано явиться не к двум часам, а к часу.

Оказывается, накануне два наших товарища позволили себе поехать в город, там напились, гуляли где-то до полуночи, потом стучали в ворота родного санатория, грязно ругаясь и распевая какие-то гнусные песни. «Собрание отдыхающих с повесткой дня «Персональное дело такого-то и такого-то считаю открытым», — сказала начальница. «Не может быть!» — завопила я. «Мы все здесь коммунисты, — угрожающе отнеслась ко мне начальница. — Мы не позволим ни им (жест в сторону уронивших честь), ни вам... Вы, кстати, вообще много выступаете. Вам, видно, наши порядки не нравятся». «Я не коммунист, — сказала я. — Пожалуйста, отпустите меня, я пойду на улицу».

Я пошла не на улицу, а к се-

бе. Я написала статью — про радиоволны, которые разрушают морские скалы, про градусники, про политинформацию и персональное дело. Я послала статью в городскую газету и стала ждать, когда ее напечатают. Я не знала, что наша начальница — член бюро их горкома.

Повторяю: это было давно. Большие комсомольские начальники с тех пор стали большими партийными начальниками. Некоторые из моих знакомых по тому санаторию — очень большими. Один из них, например, относительно недавно говорил про то, как он предан партии и социалистическому выбору. Я тоже слушала его, смотрела на телеэкран, пытаясь поймать глаза, и вспоминала, и думала...

В чем тогда была разница между мною и им, и ими, другими людьми, чуть старше меня, в том санатории? Отвечаю: ни в чем. Все, как и я, ненавидели радио, зарядку, градусник, весы, политинформацию, а более всего начальницу. Только я не хотела терпеть, а они говорили мне: брось, смотри, какая кормежка, море, балаты на одного, кикимора уходит в десять вечера, без нее свобода. Не заводись, грейся на солнышке. Все равно мы ничего не изменим.

Анекдоты у нас были общие. Из комсомольского санатория в родную редакцию я вернулась битком набитая ими: вся серия про Василия Ивановича, вся серия про Леонида Ильича... Песни мы пели общие — Высоцкого, Галича, Окуджаву. Книжки у нас были общие: «Один день Ивана Денисовича» и рассказы Солженицына из «Нового мира». И вопросы у нас были общие. И ответы. И анекдот номер один: «Расклеивает мужик на стенке чистые листы бумаги. Что ты клеишь? Листовки. А что ж на них ничего не написано? А зачем писать, когда все и так все знают...»

Я вот все смотрю на них, бывших своих знакомых, и думаю: зачем же вы, ребята, зачем же вы притворяетесь?... Какая «моя партия»? Какой «социалистический выбор»? Какие «идеалы социализма»? Неужели до того хороша кормежка, что вы до конца дней готовы за нее градусник ставить?... Плюньте, идите к нам...

Картошка, милая картошка

Стирание граней между городом и деревней в ожидании голодного года — новая концепция премьера Павлова

Один мой приятель, научный работник, задолго до сегодняшних разговоров о рыночной экономике и угрозе голода, проанализировав политическую ситуацию в стране, сделал неожиданный вывод: «Надо сажать картошку — и побольше. И погреб вырыть...» Помнится, подвергся он со стороны друзей осмеянию и освистанию. И в узкоглядстве его обвинили, и в мешочничестве, и в желудочном прагматизме. Вон, мол, на трибунах и во дворцах такое творится, а ты — погреб...

Зря мы ехидничали. Ибо старая, от дедов и прадедов сохранившаяся крестьянская закваска подсказала моему приятелю мысль, издавна посещавшую наших соотечественников накануне всех политических бурь и потрясений, — запастись!

Нет, он не побегал с рюкзаком по магазинам. Из шести своих садово-огородных соток он четыре отвел под картошку, перекопав при этом половину посадок сладкой, но не практичной насчет «пожевать» клубники. И огурцов побольше посеял. И капусты — полста корней. А главное — купил четыре десятка цыплят, чем сразил нас окончательно...

Недавно, сидя у раскаленной печки у него на даче, закусывая домашнюю смородинку яичницей со шкварками (куры нестись начали!) и заедая все это квашеной капустой, мы вспомнили свое весеннее ехидство и высокие рассуждения о «победной поступи» демократии в стране. По телевизору опять показывали трибуну какого-то Совета, и очередной оратор вслух размышлял, как же все-таки накормить народ. И наш хлебосольный «научник», ткнув в его сторону намозоленным пальцем, сказал: «Видали? Это он — меня — кормить собираются...» — и с хрустом раскусил маринованный огурец собственного производства.

Я это к чему? К рынку, конечно. К тому, что сегодня мы от недавнего превознесения плановых методов социалистического хозяйствования стали «переходить» к рынку, то есть огородили народ частокотлом из лозунгов, зовущих к рынку, нигде тол-

ком не разъясняя, что это за зверь такой — рынок.

А народ этот, уже вконец осата-невший от поисков хоть чего-нибудь съестного, слово «рынок» в большинстве своем воспринимает как «базар». Да не ташкентский, где арбуз и сегодня — 10 копеек кило, а московский, где этот продукт сами знаете почему. Да и как ему еще воспринимать ситуацию, если устами бывшего нашего премьер-министра Н.И.Рыжкова переход к рынку был поставлен в один ряд с немедленным повышением цен на хлебобулочные и «другие продукты питания».

Иневажно, что ошарашенный поначалу, но оправившийся от шока Верховный Совет подверг такой «переход» уничижительной критике. Неважно, что виднейшие экономисты в десятках интервью разъясняли народу, что этого не может быть, потому что не может быть никогда. Народ их уже не слышал, ибо с яростным рвением опустошал торговые продовольственные закрома, прислушиваясь не к телевизору, а к генетическому зову предков: «Запасайся!» И впечаталось в его сознание слово «рынок» в полной параллели с обязательным ростом цен. На все...

Интересно, а знают ли в нашем правительстве, **каким** народом они пытаются править? Ведь такие заявления можно делать либо по незнанию обстановки в стране, либо — прости, господа — нарочно, дабы усугубить положение. Трудно представить себе какой-либо катаклизм, способный так обострить экономическую и социальную (да и политическую) ситуацию в стране, как это сделало одно-единственное выступление премьера, призванного, по сути, дено и ношно эту ситуацию стабилизировать.

...Потом было много чего. Грудью встали на пути рынка небольшиевики, поклялись не пущать страну к капитализму марксисты-ортодоксы, профессор Сергеев с трибуны российского учредительного партсъезда колот глаза рыночникам признаками «планового хозяйства» в странах капитализма...

Приятель мой в это время, отрываясь от научных изысканий, по вечерам окучивал картошку, поливал

огурцы и сыпал своему хохлатому стаду картошку с отрубями...

Сегодня его сарказм по поводу «трибунных кормильцев» понятен. Ибо ему, мягко говоря, до лампочки их рассуждения. Эту, по слухам, голодную зиму он пережил спокойно, на подножном рукотворном корму. Он накормил себя сам. Даже на продажу останется — ну, куда ему двадцать мешков картошки? Трудно сегодня предположить, почему она будет к началу лета, так что кого-либо из «безземельных» облагодетельствовать можно.

Парфразируя известное выражение, можно сказать: спасение голодающих — дело рук самих голодающих. И если бы каждый, да на своих шести сотках был порасторопнее... Рыночник Василий Селюнин давно выращивает картошку и тем самым подает личный пример окружающим. Рыночник Гавриил Попов раздает москвичам по три сотки в Подмоскovie — под картошку. Рыночник Николай Шмелев призвал всех самим позаботиться о пропитании на будущий голодный год — разводить все ту же картошку.

При чем тут рыночная экономика? — спросит читатель. Автор призывает к натуральному хозяйству — и все тут!

А при том, что, пропагандируя рынок, мы в суете, похоже, заходим не с того конца. Устами Рыжкова, а затем и Павлова начали с якобы неизбежного роста цен, хотя сегодня вряд ли кто в состоянии определить истинную стоимость десятка яиц или телевизора, как бы Госкомцен ни напрягался. Потому что, даже если считать затраты на корма, на электричество, на строительство курятника, то все будет упираться в одно и то же: в цены, родившиеся не на живом древе свободно развивающейся экономики, а намертво наваренные на стальной каркас нашего хозяйства чиновниками Госкомцен и Минфина. И так по всей цепочке — от добычи железной руды до утюга, от колоска до пирожного... И бесполезно удобрять почву под железным каркасом — надо бросить его доржаветь, а рядом посадить росток новой, живой рыночной экономики. Только надо этот росток холить и лелеять, подпитывать налоговыми льготами и госинвестициями, и — ни боже мой! — не подливать идеологические «удобрения».

И зря нам пытаются рассказать сладкую сказку о рынке с регулируемыми в приказном порядке ценами. Сначала надо выяснить — а что почему? Выяснить же можно, лишь испытав на себе свободу цен, но самое главное — свободу производства. Отсюда все начинается — со

Премьер Павлов — за то, чтобы каждый кормил сам себя

свободы производственных отношений, со свободы предпринимательства, которая несовместима ни с железной рукой ведомства, ни с президентскими указами. Когда кое-что нельзя, все остальное можно. Кстати, даже если цены возрастут, то человеку, которому платят воистину по труду, — все то, что он заработал, — и это не страшно. Хотя, спору нет, сложностей впереди больше, чем удач, — достаточно присмотреться к опыту Польши.

Мой приятель-«птицевод» поступил в полном соответствии с законами рынка — учел конъюнктуру на своих дачных сотках. При желании он мог бы и черенки баобабов там размножать — это его личное, хозяйское дело, был бы спрос. То, что

он гениально или случайно предугадал таинственное исчезновение из продажи яиц (как и кур, кстати), делает ему честь, как, впрочем, и то, что он взял на себя ответственность за прокорм семьи. Он-то знает, почему яйцо и кило картошки — достаточно на его руки посмотреть.

Так что — вперед, горожане? Спасение голодающих...

А если подумать — почему? Почему человек, мечтавший соорудить на даче бассейн, вынужден рыть погреб и сколачивать курятник, а вместо вождельных роз сажать капусту с картошкой? Нет, если ради любви к огородной флоре и фауне — ради Бога. Но что от страха перед голодухой? Каждый должен заниматься своим делом. А

какое же это дело, если у хирурга в понедельник трясутся руки оттого, что он за выходной раскидал по огороду три тонны навоза... Не отдыха ради, а исключительно прокорма для?

И вовсе это не депутатское и не государственное дело — кормить народ, как бы красиво с трибуны это ни звучало. Ему, народу, нужно единственное — свобода голове и рукам. Льгот побольше, и этих... с портфелями — поменьше. Накормит народ себя сам. И никаким рынком-базаром не запугаешь человека, знающего, что его благополучие не зависит ни от политических дрызг, ни от зигзагов государственной экономической мысли.

Выступая по телевидению в программе «Время», Валентин Павлов обнародовал новую сельскохозяйственную политику правительства: хочешь есть — выражай сам.

Но если теперь таков передовой взгляд нашего правительства на разделение труда, то, может, правительство будет последовательно — раздаст совхозные земли населению, и будут горожане вместе с крестьянами и сеять, и веять, и молотить... И если глава правительства считает, что горожане напрасно самоустраились от полевых работ, то пусть у нас каждый станет и сапожником, и пирожником, и шведом, и жнецом, и сам себе премьер-министром! Может быть, в этом сермяжная правда?

Кстати, в США три процента трудоспособного населения, занятые в сельском хозяйстве, кормят не только свою страну, но и нам зерно поставляют... Но, судя по всему, мы по-прежнему идем своим путем...

Иван Елистратов

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Коммунизм: за и против

Примерно половине населения страны кажется, что идеи коммунизма у нас себя исчерпали. Об этом свидетельствуют итоги массового опроса, проведенного в РСФСР, на Украине, в Казахстане и Эстонии Всесоюзным центром изучения общественного мнения по социально-экономическим вопросам (ВЦИОМ).

Распрошались с коммунизмом 60 процентов мужчин, 44 процента женщин (70 процентов опрошенных в возрасте

до 20 лет и 40 процентов тех, кому за 60).

Каждый третий обладатель институтского диплома — сторонник коммунизма, а среди тех, кто высшего образования не получил, — только каждый пятый. Ниже образование — проще людям расставаться с коммунистическими убеждениями?

Среди членов КПСС число сторонников и противников коммунизма почти совпало (38 и 40 процентов). Для сравнения: из каждых пяти членов новых неформаль-

ных движений и организаций трое отрицают коммунистическую перспективу.

Больше всего отступников в Эстонии — три пятых населения и в Казахстане — 55 процентов; в РСФСР и на Украине противников коммунизма не больше половины.

Самый коммунистический город — отнюдь не Москва, где сохраняют верность недавнему кумиру 27 процентов жителей. На это звание с большим основанием претендуют небольшие города, которые, кстати, по числу сторонников коммунизма почти вдвое обо-

гнали село (37 процентов против 19).

Всего отрицателей коммунизма сейчас в стране вдвое больше, чем твердых его последователей. Но между сторонниками и противниками коммунизма находится немалая часть населения, которая выжидает, не в силах присоединиться ни к тем, ни к другим. В любой момент она может выбрать четкую позицию и стать под знамена прежних идеалов. Тогда силы будут примерно равны и закрепятся в пропорции 50:50.

*Вера Никитина,
Вадим Сазонов*

На полпути куда?

Можно ли ожидать новых прорывов в советско-американских отношениях после визита Джеймса Бейкера в Москву

Судя по всему, Вашингтон подошел вплотную к переоценке своего курса на конструктивное взаимодействие с СССР, которым он руководствовался на протяжении последних полутора лет. Что же произошло? И куда пойдут Вашингтон и Москва в отношениях друг с другом — дальше вперед или дальше назад?

Мучительный отказ

Администрация Джорджа Буша, придя к власти, потратила немало времени на выработку курса в отношении Советского Союза. Однако она не просто выжидала.

В Вашингтоне сомневались. Сомневались в том, что перестройка — это нечто большее, чем перекраска прежнего режима. Сомневались в ее необратимости. Сомневались в том, что за декларациями в духе нового мышления стоит решимость пересмотреть подходы времен «холодной войны», а если и признавали глубину уже происшедших в советской внешней политике перемен, то скептически относились к способности советского руководства принять исключительно трудные решения в отношении Восточной Европы.

Не меняло дела и заинтриговавшее многих заявление президента Буша, прозвучавшее в мае 1989 года, о стремлении США «выйти за рамки стратегии сдерживания».

Реально новый отсчет времени в советско-американских отношениях начался чуть позже — со встречи двух президентов на Мальте в декабре 1989 года, прошедшей под знаком тектонических сдвигов в Европе. На этом этапе решающее воздействие на советско-американские отношения оказывала позиция Москвы в отношении перемен в Восточной Европе. Именно Москве приходилось принимать труднейшие решения, ибо отказ на деле от «доктрины Брежнева» неизбежно влек за собой необратимые геополитические изменения, вынуждал

пересматривать десятилетиями казавшиеся незыблемыми представления о путях и средствах обеспечения национальных интересов и безопасности СССР, да и сами эти интересы, саму концепцию безопасности. Менялась роль и место СССР в системе международных отношений.

Одним из важнейших факторов в расчетах советского руководства была, разумеется, позиция США. Насколько в Вашингтоне реально готовы отказаться от прежних правил игры с «нулевой суммой»? Не воспользуются ли США новой ситуацией для того, чтобы сдвинуть периметр системы «сдерживания» вплотную к советским границам и многократно усилить военно-политическое давление? А если США и дадут политические гарантии на этот счет, не окажутся ли они пустой фразой?

Никогда, наверное, проблема доверия не стояла так остро, как в те месяцы. И в этом плане встреча на Мальте была, пожалуй, переломным моментом.

Особое значение имело установление тесных рабочих отношений между двумя президентами, возникшая у обоих уверенность, что они могут доверять друг другу в очень непростой период советско-американских отношений, тающий в себе не только беспрецедентные возможности, но и непредвиденные опасности. Оба лидера сознавали, что даже при наличии объективных предпосылок улучшения отношений между двумя странами они станут реальностью лишь благодаря их целенаправленным усилиям.

Развитие советско-американских отношений на протяжении следующего года в целом не обмануло ожиданий, порожденных встречей на Мальте. СССР и США следовали параллельным курсом на преодоление раскола Европы, и какие бы сложные проблемы ни возникали перед Москвой в связи с объединением Германии или демонтажем ОВД, едва ли кто-то всерьез возъ-

мется утверждать, что их причиной были действия Вашингтона. Москве пришлось пройти «лишнюю милю» (и едва ли одну только милю) при подписании Договора об обычных вооруженных силах в Европе, но это опять-таки объяснялось не только и не столько американской настойчивостью — хотя она и была проявлена в полной мере, — сколько неизбежностью асимметричных сокращений из-за вывода советских войск из Восточной Европы и перекосами в военном балансе в нашу сторону. Продуктивная встреча в верхах в Вашингтоне, регулярные контакты на уровне министров иностранных дел — все это позволяло надеяться на необратимый характер перемен в отношениях двух стран и ожидать их поступательного развития на будущее. Последние несколько месяцев эту уверенность поколебали.

Дальше... дальше... дальше?..

Вплоть до конца прошлого года в Вашингтоне строили свою политику исходя из необратимости внутренних перемен в Советском Союзе, хотя некоторые члены администрации всегда резервировали особое мнение по этому вопросу. Администрация считала, что произошло предсказанное Джорджем Кеннаном еще в 1947 году «размягчение советской мощи», — и это-то и позволяло Вашингтону реально заняться пересмотром политики «сдерживания» СССР, оставшейся неизменной на протяжении нескольких десятилетий.

В Вашингтоне, видимо, пришли к выводу, что другая, более амбициозная цель «сдерживания» — добиваться «крушения советской мощи» — едва ли соответствует национальным интересам США, так как дезинтеграция СССР чревата глобальной дестабилизацией, перед которой померкнет «советская угроза» времен «холодной войны». В США предпочитают, чтобы развитие событий в Советском Союзе шло в направлении его дальнейшего «размягчения», такого его внутреннего переустройства, которое, с одной стороны, позволило бы ему сохраниться в качестве целостного и жизнеспособного государства, а с другой — свело бы к минимуму возможную угрозу американским интересам.

Однако теперь в Вашингтоне очень сомневаются в том, что внутреннее развитие СССР идет в прежнем направлении.

Конечно, ситуация в СССР далеко не так однозначна, как это видится из Вашингтона. Но возражения не меняют того факта, что картина нынешнего положения дел у нас выглядит с той стороны Атлантики в самых пессимистических тонах. В Вашингтоне опять настроены выжидать. Но если полтора-два года назад там ожидали перемен к лучшему, то теперь будут ждать новых свидетельств отката назад.

В Вашингтоне снова вырабатывается новая оценка событий в Советском Союзе, которая может стать основой и для новой политики администрации. Первые серьезные сигналы уже есть: ЦРУ фактически пересмотрело свой прошлогодний вывод о необратимом характере перемен в СССР и утверждает, что начался поворот вспять. На фоне мрачной картины положения в СССР потускнела еще недавняя симпатия американцев к Советскому Союзу и усилиям его руководства, зато громко звучат голоса — «мы вам говорили!» — тех, кто всегда выступал против каких бы то ни было «послаблений» в отношении СССР. В этих условиях «особое мнение» части членов администрации может стать ее общим мнением — в том случае, разумеется, если такой поворот санкционирует президент.

Под вопросом — доверие

Последние события в Советском Союзе — не единственный аргумент, которым оперируют сторонники пересмотра советско-американских отношений. Возникли проблемы на сохраняющем свое ключевое значение направлении ограничения и сокращения вооружений, осложнения появились и в ходе конфликта в Персидском заливе.

Под угрозой срыва ратификация Договора об обычных вооруженных силах в Европе — США, да и весь Запад рассматривают как нарушение договора переброску советской военной техники за Урал, а главное — поспешную передачу трех дивизий советских сухопутных сил, подлежащих сокращениям, в состав береговой обороны, сокращениям не подлежащей.

На карту оказалось поставлено доверие между СССР и его зарубежными партнерами, для достижения которого понадобился не один год и немалые усилия. Ситуация чревата ухудшением отношений СССР с окружающим миром.

Многие в Вашингтоне уверены — или делают вид, что уверены, — в

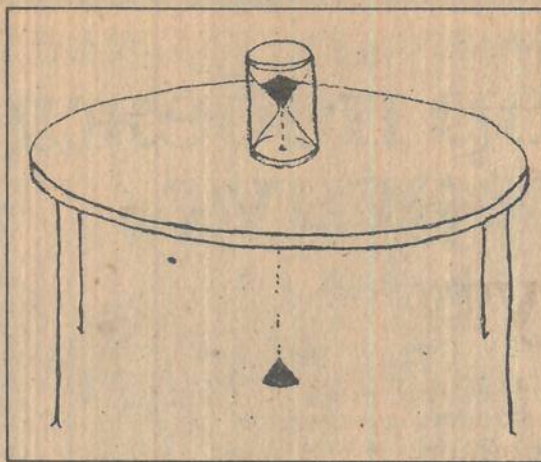

Рисунок Александра Митника

том, что Советский Союз, стремясь положить конец конфликту в зоне Персидского залива мирными средствами, слишком далеко пошел навстречу Ираку, действуя вразрез с интересами США. В адрес СССР был выдвинут целый набор претензий — от в чем-то обоснованных упреков в тактических просчетах в ходе переговоров с иракцами до совершенно абсурдных обвинений в том, что, выдвигая мирную инициативу, Москва пыталась спровоцировать Вашингтон на преждевременное начало боевых действий, к которым еще не были готовы американские войска.

Надо сказать, что давление справа в ходе конфликта не произвело особого впечатления на администрацию Буша: она надежно контролирует политический центр США и слишком много очков набрала благодаря успеху в Персидском заливе. Американское руководство предпочитало акцентировать чисто позитивную сторону советско-американского взаимодействия в ходе кризиса, подчеркивая важность советской поддержки резолюций ООН, признавать полезность миротворческих усилий СССР и, самое важное, необходимость его участия в формировании послевоенной системы безопасности в регионе. В этом духе в целом действовал госсекретарь Бейкер в ходе своей поездки по ближневосточным столицам, после которой он продолжил обсуждение комплекса проблем, связанных с послевоенным урегулированием, уже в Москве.

Ближний и Средний Восток был одним из основных регионов, где осуществлялась американская политика «сдерживания» Советского Союза. Поэтому пересмотр — по крайней мере частичный — этого подхода может рассматриваться как свидетельство того, что администрация Буша готова не на словах, а на деле выходить «за рамки сдерживания». Конечно, чтобы узнать вкус пудинга, надо его съесть, поэтому нам еще предстоит на практике убе-

диться, в какой мере американцы будут считаться с интересами Советского Союза в этом прилегающем к его границам регионе.

Администрация Буша не торопится, однако, выйти «за рамки сдерживания» на некоторых других направлениях советско-американских отношений, и прежде всего в области ограничения и сокращения вооружений.

Похоже, что американская неуступчивость в вопросе о том, как выйти из тулуповой ситуации, сложившейся вокруг договора по ОВС, связана не только с реально возникшими осложнениями, но с падением американской заинтересованности в этом

соглашении в свете вывода советских войск из Восточной Европы, который уже не остановить. Вашингтон, видимо, решил добиваться максимума и при решении остающихся спорными вопросов на переговорах по стратегическим наступательным вооружениям, откровенно увязывая их с проблемами ОВС и не останавливаясь перед опасностью затягивания переговоров и новой отсрочкой встречи в верхах. А в этом случае советско-американские отношения не получат новый импульс, исходивший в последние годы прежде всего от «саммитов», и будут и дальше терять обороты. И хотя визит государственного секретаря принес кое-какие подвижки, он едва ли стал обещанием нового прорыва в отношениях между двумя странами. Поэтому, даже если решение вернуться к тактике выжидания и не будет принято в ближайшее время администрацией, де-факто мы можем оказаться именно в такой ситуации.

Чьим интересам это соответствует? Нашим — едва ли: мы не утратили заинтересованности ни в снижении уровня военного баланса, ни в политическом взаимодействии с американцами в ключевых регионах, ни тем более потребности в торгово-экономическом сотрудничестве — словом, во всестороннем взаимодействии со сверхдержавой, которая, скажем так, вышла из «холодной войны» со значительно меньшими потерями, чем наша страна. Американским — тоже едва ли: сегодня, когда Советский Союз переживает период настолько критический, что ситуация полтора-двухлетней давности кажется едва ли не воплощением стабильности, как никогда справедливы старые слова Бейкера о том, что бездействие не даст Соединенным Штатам ничего.

Министры встретились. Слово за президентами?

Игорь Малащенко

Диктатор побежден — но не свергнут

Кто может бросить вызов Хусейну?

Оппозиция багдадскому режиму существовала в Ираке и до начала боевых действий союзников. Просто ее никогда всерьез не принимали в расчет. И лишь «легкая война» в Заливе заставила мировое сообщество обратить внимание на антисаддамовские силы.

Сразу после вторжения Ирака в Кувейт 2 августа прошлого года союзники приступили к разработке трех вариантов: физическое устранение иракского правителя, дворцовый переворот, подготовленный ближайшим окружением Хусейна, и, наконец, смена власти руками антисаддамовской оппозиции.

Благодаря космической технике американцы знали каждый шаг иракского президента. Еще накануне начала боевых действий во время январской встречи в Женеве между Бейкером и Азизом американские дипломаты презентовали иракскому коллеге видеокассету с космическими съемками одного дня из жизни Саддама Хусейна. Получив «подарок», Саддам предпринял фантастические меры предосторожности. Он перемещался лишь из бункера в бункер, заставлял своего племянника пробовать пищу, чтобы убедиться, что она не отравлена...

Впрочем, союзники быстро отказались от планов покушения — насильственная смерть автоматически превращала Хусейна в «мученика» в глазах арабов и могла привести к расколу антииракской коалиции.

План «дворцового переворота» при ближайшем рассмотрении также оказался нереальным. Практически всех более или менее авторитетных деятелей из своего окружения, на которых союзники могли бы сделать ставку, диктатор уничтожил. По свидетельству бывшего телохранителя диктатора Карима, страх иракского лидера чуть ли не каждый день требовал новых жертв. Карим вспоминает: «Как-то раз Саддам Хусейн посмотрел в глаза Сабаху Мирзе — одному из своих любимых телохранителей — и сказал: «Сабах, что-то в тебе изменилось. Лицо у тебя уже не то». И человек навсегда исчез». И все же полностью исключить возможность покушения на Саддама Хусейна не стоит. Ближайший соратник заме-

ститель премьер-министра Таха Ясин Рамадан, по непроверенным данным, пытался недавно выстрелить в президента, но был убит его телохранителем на месте.

Как бы то ни было, наиболее реалистичной союзникам показалась ставка на эмигрантскую оппозицию. Начались осторожное зондирование и секретные контакты.

Оппозиция: действующие лица

До освобождения Кувейта любые разговоры о возможности победы единой иракской оппозиции носили несерьезный характер. Ведь речь идет о самых разношерстных группировках: от исламских фундаменталистов до коммунистов, от курдских повстанцев до бывших членов правящей партии Баас. Упрощенно всю иракскую оппозицию можно разделить на три лагеря: мелкие светские партии, группы мусульман-шиитов, контролируемые Тегераном, и курдское повстанческое движение. Их объединяет только общая цель: свержение Саддама Хусейна.

Пока Запад в основном связывает свои надежды с эмигрантской светской оппозицией. Эти изгнанники (около миллиона человек) нашли убежище в Сирии, Египте, Великобритании и Франции. Наиболее авторитетные фигуры — генерал Хасан ан-Накыб, бывший командующий иракскими войсками в Иордании; генерал Ибрагим ад-Дауд, в свое время министр обороны и командующий республиканской гвардией, приведшей Саддама и партию Баас к власти в результате переворота 1968 года; генерал Абдель Гани Храуи, участник заговора против Саддама в 1970 году; Саад Джабр, состоятельный бизнесмен в Лондоне, сын бывшего иракского премьер-министра, правившего перед революцией 1958 года, когда была свергнута монархия в Ираке. В блок светской оппозиции входят и коммунисты, всегда выступавшие не только против баасистов, но и против шиитских мулл.

За светскими группировками стоят Сирия и умеренные арабские государства Персидского залива. Вскоре после того, как здесь разгоралась война, саудовское прави-

тельство пригласило Джабра и трех бывших генералов в Эр-Рияд, направив в Дамаск за ними специальный самолет. Судя по всему, в столице Саудовской Аравии шли переговоры о формировании правительства в изгнании. Одновременно контакт с «четверкой» поддерживал Лондон. Джабр, вернувшись в Великобританию, создает «Совет свободного Ирака». Программа этой организации включает несколько пунктов: недопущение развала страны, последствия которого были бы непредсказуемы; справедливое решение курдской проблемы; демократизация общественной жизни; проведение свободных выборов... В то же время Саудовская Аравия, являясь авторитарным суннитским государством, стремится привести к власти в Багдаде готовое к сотрудничеству правительство, не озабоченное демократическими идеями. С другой стороны, Эр-Рияд не восторге и от перспективы превращения Ирака в «фундаменталистский Иран».

В отличие от светских противников шииты противостоят Хусейну внутри страны, тем более что они составляют более половины населения Ирака.

Их недовольство существующим режимом вполне объяснимо: на командных постах в армии, полиции и в правящей партии находятся одни сунниты. На протяжении долгих лет правления Саддама Хусейна шииты подвергались не только правовой, но и религиозной дискриминации. Война в Заливе всколыхнула приверженцев аятоллы Хомейни в Ираке и привела к широкому антисаддамовскому восстанию. По словам лидеров шиитской оппозиции, «теперь настало их время».

Именно в районах Кербелы и Неджефа, где находятся мавзолеи с прахом Хусейна и Али — третьего и первого имамов этой ветви ислама, а также в Басре (в основном это шиитский город) начались после победы коалиции выступления против режима Хусейна, подготовленные проиранскими фундаменталистскими группировками. Их лидеры (Сайед Хади аль-Модаресси, Мохаммед Бакр Хаким, Мохаммед аль-Малик) всегда выступали против светского военно-бюрократического государства, созданного Саддамом Хусейном, и имели тесные связи с религиозными кругами Ирана. В секретном меморандуме от 4 марта 1991 года «стражем исламской революции» было впервые приказано оказывать полную военную поддержку шиитским диссидентам.

Встреча иракской оппозиции в Бейруте: от исламских фундаменталистов до курдских повстанцев

Телефото АП-ТАСС

Иранские руководители пытаются добиться того, чего так опасается президент Буш. Они хотят дестабилизировать потерпевший поражение Ирак и заменить его в роли самой могущественной державы Персидского залива.

Руководство шиитской общины в Ираке, как и их духовные вожди в Тегеране, придерживается жестких антиамериканских, антизападных взглядов. «Мы боремся против США и Саддама, защищая иракскую землю», — говорит Мохаммед Бакр Хаким. — Если в Багдаде придет к власти проамериканское правительство, то мы будем выступать против него. Наша цель — установление системы, которая уважала бы исламские законы, независимость и территориальную целостность Ирака». Понятно, что такая программа иракских фундаменталистов вряд ли может вдохновить вашигтонскую администрацию. Там еще хорошо помнят Иран времен имама Хомейни. Для США поверженный, но сохранивший власть Хусейн — пожалуй, меньшее зло, чем любая альтернатива ему в лице шиитских лидеров. В этом одна из причин того, что американцы с таким безучастием наблюдают за схваткой республиканской гвардии с шиитской оппозицией, не предоставляя последней даже трофейное оружие.

Что касается курдского движения (курды-сунниты составляют приблизительно 20 процентов населения Ирака), то их лидеры менее воинственны в отношении Америки. У них свои счёты с Саддамом Хусейном. Курды хорошо вооружены, обучены воинскому искусству и

сплочены. О задачах курдского движения лидер Патриотического фронта Курдистана Джалаль ат-Талабани, вот уже много лет ведущий вооруженную борьбу против багдадского диктатора, сказал так: «Мы, курды, не желаем независимого государства. Мы следим за трагической историей палестинцев и не хотим, чтобы с нами произошло то же самое: нам достаточно широкой автономии в едином Ираке».

Поговорили — и разошлись?

11 марта в Бейруте собрались 325 руководителей и представителей 23 группировок, выступающих за свержение в Ираке режима Саддама Хусейна.

Главной целью переговоров было скоординировать усилия всей иракской оппозиции в борьбе с Саддамом Хусейном, а также создать правительство в изгнании. Но благие намерения и единая ненависть для всех участников к багдадскому правителю не привели к осуществлению поставленных задач. В итоге трехдневной работы «Всеобщей конференции иракских оппозиционных сил» был принят итоговый документ — своего рода программа действий оппозиции на ближайший период. Он, в частности, предусматривает создание комитета национального спасения, организацию денежного фонда помощи восставшим, осуществление международных контактов в целях укрепления солидарности с борьбой иракского народа против режима Саддама Хусейна.

Но правительство в изгнании так и не было создано. Шииты с юга не смогли сговориться с суннитами-курдами с севера, коммунисты так и не нашли общий язык с лондонскими либералами... Участники бейрутской встречи кроме антисаддамовской риторики, одобренной злобными выпадами против США, Запада и, разумеется, Израиля, ничего конкретного добиться не смогли и разъехались фактически ни с чем. Хотя восставшие курды и шииты, по некоторым оценкам, контролируют до 40 процентов территории Ирака, раздробленность антисаддамовских сил облегчает диктатору возможность бить оппозиционеров поодиночке, тем более что армия (особенно ее элитные части) сохраняет верность Багдаду.

Так будет ли свергнут Саддам Хусейн? Одного желания оппозиции недостаточно. Да и на Западе, судя по всему, идет «игра в бисер», позиции сторон неоднородны и подвержены переменам. Возник парадокс. Американцам, удерживающим около 15 процентов иракской территории, по-прежнему не на кого опереться в самом Ираке. Светская оппозиция? Но она не имеет никакой широкой поддержки в массах, а также не располагает вооруженными формированиями. К тому же либералы, как правило, настроены не менее воинственно в отношении Америки, чем их оппоненты в лице Саддама Хусейна. Делать ставку на шиитов? Но это безумие для Вашингтона, ибо шиитские оппозиционные группы находятся полностью под контролем Тегерана, в отношениях с которым у американцев наблюдается устойчивая аллергия. Поддержку курдов? Но это может вызвать недовольство некоторых партнеров по антисаддамовской коалиции, особенно Турции. Так что же — сохранить Саддама у власти? Крайне неприятная в моральном смысле перспектива для США.

Ну а что же Москва? Что устраивает ее больше с позиций политической прагматики: сохранение Хусейна или приход к власти проиранских фундаменталистов? Можно предположить, что интересы СССР и США объективно не так уж далеки. И Москву, и Вашингтон устроил бы некий третий, увы, несуществующий вариант...

Я. Боровой,
А. Чудодеев

Договор дорожке денег

Объединение Германии было неизбежно. Советская дипломатия только признала европейские реальности

На вопросы редакции отвечает заместитель министра иностранных дел СССР
Юлий КВИЦИНСКИЙ

«Новое время». Что дает основания быть уверенным в соблюдении Германией взятых на себя обязательств? Не может ли случиться так, что Московский договор постигнет участь Версальского?

Юлий Квицинский. Думаю, что нет никаких оснований опасаться такого развития. Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии выработывался и на совершенно иной основе, чем Версальский договор 1919 года. Между ними мало общего. Напомню, что Версальский договор готовился без участия Германии, непосредственно после ее тяжелого поражения в первой мировой войне. Ее представители были допущены на Парижскую мирную конференцию лишь под занавес, для вручения немцам уже готового текста договора. Поэтому Версальский договор воспринимался ими и по форме, и по существу как навязанный силой извне и не отвечающий интересам народа Германии.

С Московским договором все было принципиально иначе. Оба германских государства с самого начала на равных правах с четырьмя державами, без какой-либо дискриминации участвовали в соответствии с формулой «2+4» в выработке окончательного германского урегулирования, в решении вопросов, которые остались после закончившейся 45 лет назад войны. Те ограничения, в том числе военно-политического характера, которые берет на себя по Договору объединенная Германия, она приняла добровольно, в сознании своей ответственности за мир и спокойствие в Европе. В этом одна из гарантий того, что Московский договор не будет впоследствии перечеркнут, как Версальский.

Есть и материальные гарантии, заключающиеся в возможности надежного контроля за соблюдением взятых на себя Германией обязательств. Так, выполнение обязательства о необладании оружием массового уничтожения будет контролироваться со стороны МАГАТЭ, тем более что Германия подтверждает все свои обязательства по Договору о нераспространении ядерного оружия. За численностью вооруженных сил Германии контроль устанавливается с помощью механизма, создаваемого по Договору о сокращении обычных вооруженных сил в Европе. Неразмещение иностранных войск на территории бывшей ГДР может проверяться, скажем, центром по предотвращению конфликтов. Кроме того, широкая инспекционная деятельность, разрешенная ныне на территории всей Европы, не позволит осуществлять в заметных масштабах какую-либо скрытую военную активность.

Главное же заключается в том, что Европа сегодня совершенно иная, чем в период Версальского договора. Массированное военное противостояние на континенте уходит в прошлое. Делаются первые шаги по созданию новых структур. Объ-

единенная Германия займет в них подобающее ей место на равноправных с другими государствами основах.

«НВ». Иногда приходится слышать, что за отказ от своих прав державы-победительницы Советский Союз будто бы слишком мало получил. Насколько действительны были эти права? Как они соотносились с существованием двух суверенных германских государств — ГДР и ФРГ?

Ю.К. Прежде всего хотел бы заметить, что все выгоды, приобретенные Советским Союзом в результате окончательного урегулирования в отношении Германии, а их немало, он получил в результате сложных поисков сбалансированных решений, учитывающих интересы всех участников. Каждому из государств, участвовавшему в переговорах «шестерки», пришлось чем-то поступиться. Отказ от прав и ответственности — это лишь часть германского урегулирования, хотя и весьма существенная и как бы венчающая его. Причем хочу подчеркнуть, что эти права именовались четырехсторонними правами, то есть они действовали лишь в совокупности с правами других трех держав, и от них в равной мере отказались все четыре державы-победительницы, а не только лишь Советский Союз.

По Московскому договору прекращается действие Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину от 3 сентября 1971 года и распускаются все соответствующие институты четырех держав. В наибольшей степени это решение затрагивает гарнизоны трех западных держав в Западном Берлине, которые финансировались немецкой стороной и имели в городе prerogативы высшей власти. У нас в ГДР таких prerogатив давно уже не было.

Теперь по вопросу о том, насколько вообще действенны были права, от которых СССР отказался. Сейчас не 1945 год. С тех пор многое изменилось. Более 40 лет на немецкой земле существовали бок о бок два германских государства. Мы все время вели линию на передачу максимального объема прав правительству ГДР, ее законным властям, поскольку это укрепляло суверенитет республики, повышало ее международный авторитет. Что же касается особых прав трех держав в ФРГ, то они систематически в течение многих лет переводились на иную основу путем заключения тремя державами новых соглашений с ФРГ. Эти соглашения носят срочный характер и могут быть денонсированы по воле сторон.

Одним словом, мы имеем дело с качественно новым состоянием этих прав по сравнению с первыми послевоенными годами. Мы не считали их фикцией, но вместе с тем

едва ли кто-либо всерьез представлял себе, что они могут быть реально задействованы.

Теперь, когда три западные державы, ратифицировав Договор, полностью отказались от своих прав, было бы иллюзией полагать, что отказ ратифицировать Московский договор и другие советско-германские документы позволил бы в какой-либо форме использовать свои прежние права в отношении Германии. Опять оставалось бы полагаться только на силу, тем самым противопоставляя себя, как в годы «холодной войны», западным державам, другим европейским государствам и самой Германии, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для мира и безопасности в Европе.

Не следует также забывать о том, что за нашу взвешенную, основанную на признании реальности линию в процессе объединения Германии мы, наряду с архиважными для безопасности СССР постановлениями Договора о германском урегулировании, получили признательность немецкого народа, которая еще принесет нам немалые дивиденды в будущем.

«НВ». Есть ли основания считать, что правительство ФРГ «купило» у СССР право на объединение Германии?

Ю.К. В связи с объединением Германии у нас в стране иногда раздаются голоса, что мы, мол, «продали» ГДР, пошли на односторонние уступки, сдали свои позиции. Решительно с этим не согласен. Никакого торга с Бонном в отношении ГДР мы не вели. Это противоречило бы элементарным нормам морали и международного права. Напротив, Советский Союз последовательно придерживался принципа самоопределения наций, уважения воли немцев к единству. Не мы стояли у истоков германского раскола. В 1945 году на Потсдамской конференции именно по инициативе СССР было принято решение рассматривать Германию как единое целое. Даже после того, как появились два германских государства, Советское правительство совместно с ГДР в течение длительного времени (практически до конца 50-х годов) продолжало отстаивать принцип единства Германии.

Качественно новая ситуация сложилась в Центральной Европе с осени 1989 года. Социально-политические перемены, происшедшие в восточноевропейских странах, объективно создали предпосылки для процесса объединения Германии; известные события, которые произошли в ГДР в ноябре 1989 года, показали, что население республики высказывается в пользу объединения, причем в пользу скорого объединения. Это нашло свое подтверждение в результате выборов

в Народную палату 18 марта 1990 года.

Таким образом, мы имели дело с волеизъявлением народа, и идти наперекор этому развитию можно было бы только с помощью силы. На это мы не могли пойти по принципиальным соображениям. Значит, надо было думать о другом — как наилучшим образом обеспечить в возникшей ситуации интересы Советского Союза. Это и было сделано.

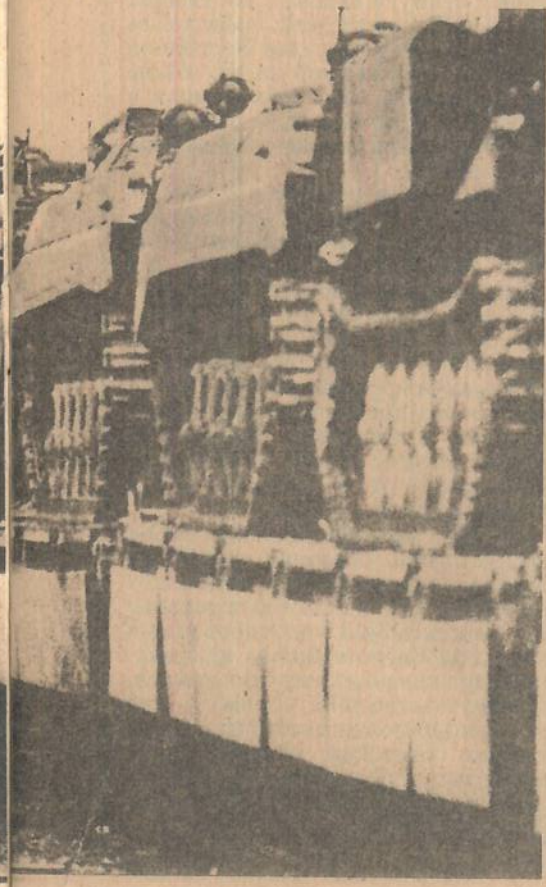
Заклучив Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии и пакет советско-германских договоров и соглашений, мы надежно решили вопросы, связанные с нашей безопасностью, и вышли на новый уровень взаимоотношений с объединенной Германией, приобрели в ее лице партнера, готового оказать нам моральную, политическую и экономическую помощь в нынешнее трудное для нас время.

За объединение Германии нам не было выплачено ни пфеннига. Да, собственно говоря, никто и не обязан платить за реализацию своего естественного права на свободу выбора. Те миллиарды марок, которые СССР получает от ФРГ, предназначены исключительно на расходы по содержанию и выводу советских войск из Германии, по их обустройству на советской земле.

«НВ». Почему в ходе переговоров не удалось добиться обязательства о выводе войск трех западных держав из ФРГ в ответ на договоренность о выводе советских войск?

Ю.К. Идеальных решений, как показывает практика, в политике не бывает. Всегда приходится чем-то поступаться, понимая, что желаемое и реально достижимое — это отнюдь не одно и то же. Что такое войска трех западных держав в ФРГ? Это прежде всего две с половиной сотни тысяч американских солдат, рассматриваемых в НАТО не только как материальная военная сила, но и как символ неразрывной связи безопасности США и Европы. Их уход из Германии означал бы уход США из Европы, что на данном этапе для США, для ФРГ, да и для многих других западноевропейских стран неприемлемо.

Помимо этого необходимо учитывать, что если изначально основа пребывания войск четырех держав была общей, одинаковой, а именно — оккупация побежденной фашистской Германии, то со временем она изменилась. Эти войска продолжали оставаться в ГДР и ФРГ уже на основании новых договоров между двумя германскими государствами и членами тех военных союзов, к которым они соответственно принадлежали: ГДР с СССР, а ФРГ с США, Великобританией и Францией. С объединением Германии, которое, как известно, остановить было не-

возможно, создалась парадоксальная ситуация, когда советские войска оказались на территории члена НАТО в кардинально иных условиях, чем войска трех западных держав. Разницу в их положении точно и емко обрисовали на переговорах «2+4» сами немцы: она в том, что «войска западных держав желанны в ФРГ и их просят там остаться». Комментарии здесь излишни.

Попытки оставить наши войска в бывшей ГДР на другой основе, чем это сделано сейчас, привели бы к созданию вокруг них атмосферы непереносимости и были бы чреваты серьезными конфликтами. Да и в финансовом отношении содержание за конвертируемую валюту почти четырехсот тысяч солдат стало бы для нас непосильным бременем.

Возвращение наших войск из Германии — это практический вклад в реализацию объявленной нами цели: выводу всех иностранных войск с чужих территорий. К 1995 году советских войск в других государствах не будет. Вывод наших войск из Германии сам по себе создаст такие условия, когда немцы будут вынуждены задуматься: а зачем им, собственно, держать на своей территории такие крупные силы союзников? Такие настроения будут также подпитываться дальнейшим продвижением общеевропейского строительства, созданием новых структур безопасности. Французы, бельгийцы и голландцы уже объявили о планах вывода своих войск из ФРГ, англичане также намереваются сокращать свою Рейнскую армию наполовину. Наверняка встанет в практическую плоскость и вопрос о существенном сокращении американских войск.

«НВ». Как решается вопрос о транспортировке наших войск, выводимых из Германии?

Ю.К. По Соглашению с ФРГ на оплату этих расходов выделен 1 миллиард марок. Некоторые осложнения возникли в связи с позицией правительства Республики Польша. Польская сторона поставила вопрос о выводе наших войск из Польши до конца 1991 года, то есть в совершенно нереальные сроки, и до решения этого вопроса не позволяет осуществлять транзит выводимых из Германии войск через свою территорию. С Польшей ведутся переговоры, и мы надеемся, что разумный подход восторжествует и будет найден взаимоприемлемый компромисс. Пока же пришлось пересмотреть маршруты транзита, и он сейчас осуществляется морским путем, минуя Польшу. График вывода войск и вывоза имущества из Германии при этом в основном соблюдается. Продумываются и иные варианты транзита на случай, если Польша, вопреки собственной выгоде, будет упорство-

вать и по-прежнему блокировать наш транзит. Мы рассчитываем также на то, что, если выделенных со стороны ФРГ средств окажется недостаточно, с немецкой стороны можно будет достичь взаимопонимания по этому вопросу.

«НВ». В западной прессе появляется много материалов о негативных явлениях в советских войсках в ФРГ — массовых случаях дезертирства, торговле оружием. Если все это имеет место, не лучше ли побыстрее завершить вывод войск?

Ю.К. Вопрос о возможном ускорении сроков вывода Западной группы войск непростой, он имеет несколько аспектов.

С точки зрения военно-стратегической нам необходимо определить для себя, какую роль при новой расстановке сил в Европе играют сейчас Западная группа войск и тесно привязанная к ней Северная группа войск в Польше. Возросла или снизилась угроза нападения или вооруженного вмешательства в наши внутренние дела со стороны других государств? В условиях, когда произошли кардинальные социально-политические перемены в восточноевропейских странах, являются ли далеко выдвинутые вперед группировки войск плюсом или минусом для решения задачи обеспечения безопасности нашего государства и его неподверженности любому шантажу извне? Компетентный ответ на эти вопросы дан прежде всего Министерством обороны. Понятно, однако, что многое здесь зависит и от руководства нашей страны, и Верховного Совета СССР, от их понимания степени военной угрозы в настоящее время.

Но, даже если мы придем к выводу, что с точки зрения военной стратегии размещение советских войск в Германии потеряло свое бывшее значение, остаются технические аспекты этого вопроса. А именно: сколько времени потребуется на транспортировку личного состава и военного имущества, на подготовку новых районов размещения на территории СССР, на строительство жилья, на реализацию принадлежащей советским войскам недвижимости, оставляемой на территории Германии.

Сейчас график вывода советских войск из ФРГ разработан с учетом всех упомянутых факторов и рассчитан на выполнение к концу 1994 года.

Что касается негативных явлений в Западной группе войск, то они во многом имеют то же происхождение, что и негативные явления, свойственные всему нашему обществу в этот переходный период. На это, конечно, дополнительно накладывается то, что наши военнослужащие находятся теперь в западной стране с твердой валютой и со всеми

ее соблазнами, не имея возможности ими в полной мере воспользоваться. Все это требует повышенного внимания к Западной группе войск, улучшения кадрового подбора офицеров, прапорщиков и сержантов, усиления политико-воспитательной работы.

«НВ». Какое содействие собирается оказывать ФРГ советским гражданам немецкой национальности? Не приведет ли это к образованию в СССР особых зон, в которых представители одной национальности будут пользоваться благами зарубежной помощи и процветать на фоне трудного положения представителей другой национальности?

Ю.К. В Советском Союзе проживает около 2 миллионов граждан немецкой национальности. В последнее время резко увеличилось число советских немцев, выезжающих в ФРГ на постоянное жительство. Только в 1990 году их уехало почти 150 тысяч человек. Озабоченность вызывает то, что это число постоянно растет. Причин тут много. Главное, конечно, в общей неустроенности нашей жизни. Но играют роль, очевидно, и трудности с развитием национальной культуры, изучением языка.

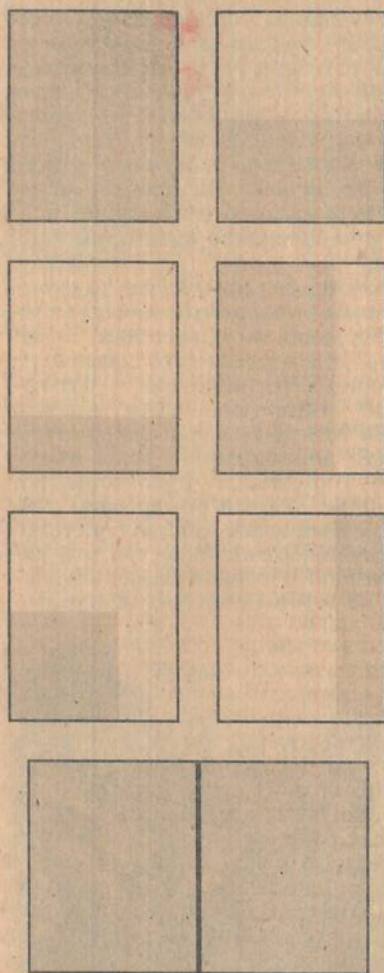
В последнее время в политике правительства ФРГ по отношению к иммиграции советских немцев произошли определенные изменения. Если раньше их приток в ФРГ активно стимулировался, то теперь, когда ФРГ имеет дело с массовым наплывом из ряда стран Восточной Европы, сделан упор на то, чтобы не побуждать советских немцев к выезду, а помочь создать для них в СССР соответствующие условия саморазвития.

Речь идет в первую очередь об оказании содействия советским немцам в развитии культуры и языка. ФРГ намерена осуществлять помощь в изучении немецкого языка в школах, высших и других заведениях, где учатся дети советских немцев; в обучении и повышении квалификации преподавателей. Германия готова предоставлять учебные пособия, в том числе предполагающие использование телевизионной, радио- и аудиовизуальной и компьютерной техники.

В ФРГ прорабатывается также возможность оказания советским немцам экономической помощи — например, строительство передвижных мясокомбинатов, сыроварен и тому подобного в местах компактного проживания советских немцев. Правительство ФРГ понимает, что эта помощь должна направляться не только советским немцам, но и всему населению регионов, в которых они проживают, независимо от национальности.

Фото из журнала «Штерн» (Германия)

НАЙДИТЕ ВАШЕ МЕСТО:

Так можно расположить рекламу на наших страницах

НОВОЕ
ВРЕМЯ
DESIGN

С «Новым временем» Вашу рекламу прочтут в ста странах мира на шести языках. Звоните нам по телефону 209-92-82 или пишите по адресу: 103782, ГСП, Москва, К-6, Пушкинская пл.
Наши эксперты, художники, фотографы — к Вашим услугам!

Скажи мне, кто твой друг

Бывшего хозяина ГДР Эриха Хонеккера нелегально вывезли из Германии. Это ухудшило отношения между Бонном и Москвой, где, кажется, подумывают и о спасении бывшего министра госбезопасности Эриха Мильке

Советские военные базы на территории Германии пользуются правами экстерриториальности. В частности, пограничная полиция и таможенная служба не имеют права досматривать советские военные самолеты. На одном из них 13 марта бывший председатель Госсовета ГДР и генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эрих Хонеккер был вывезен в Советский Союз. Его адвокат, а также советский посол Владислав Терехов объяснили, что 78-летний Хонеккер нуждался в срочной медицинской помощи.

Уверенность Москвы в превосходстве советской медицины Бонн явно не разделяет, и даже очень осторожный в оценках министр иностранных дел Ганс-Дитрих Геншер потребовал немедленного возвращения гражданина Германии Хонеккера на родину. Германское, как и советское, законодательство запрещает человеку, находящемуся под следствием, покидать страну. 30 ноября прошлого года берлинский суд выдал ордер на арест Эриха Хонеккера, но полицейские стучались в закрытые ворота.

Первые несколько месяцев после своего падения в 1989 году выселенный из виллы в правительственном поселке Вандлиц Хонеккер прожил у одного протестантского пастора, а весной прошлого года перебрался на советскую военную базу. Через два дня после выдачи ордера на его арест Хонеккера перевели в армейский госпиталь. На просьбу передать германского гражданина правосудию следовало категорическое «нет».

Похоже, его охране что-то помешало — нападение на базу, тайная операция по похищению Хонеккера? Для верности его вывезли из Германии. Нет человека — нет вопроса? Напротив, если прежде судьба Хонеккера была предметом «тихой дипломатии», ведь нынешнее германское правительство, наверное, задачей номер один считает разумное устройство советско-германских отношений, то эта акция создала первый после объединения ГДР и ФРГ конфликт между Москвой и Бонном.

Зачем же ставить под удар отношения с крупнейшей континентальной державой? Может быть, речь идет о невинном человеке, который стал жертвой карательной судебной машины? Из опыта нашей страны хорошо известно, как может поступить с человеком несправедливый суд, который делает орудием расправы с инакомыслием. Или речь идет о юридическом крючкотворстве, когда незначительное прегрешение хотят использовать для того, чтобы добить хорошего, ничем не замаравшего себя человека? И в том и в другом случае похищение гражданина другой страны — грубое, недопустимое нарушение международного права и подлежит немедленному исправлению, но по крайней мере мы поймем и оценим движущие мотивы организаторов этой акции.

Итак, в чем же обвиняет Эриха Хонеккера германское правосудие? В том, что он отдал приказ убивать невинных людей. И по этому приказу был убит 201 человек.

Эрих Хонеккер, глава коммунистической партии Восточной Германии, подписал приказ, на основании которого пограничная полиция без предупреждения стреляла в тех, кто пытался покинуть «первое на немецкой земле государство рабочих и крестьян». Хонеккер же приказал установить вдоль границы с ФРГ и вдоль берлинской стены мины и автоматические скорострельные пулеметы — не против лазутчиков с той стороны, а против собственных граждан, пытавшихся бежать из ГДР.

С самого создания ГДР немцы бежали на Запад миллионами, бросая дома и могилы предков. Западная граница была закрыта, и берлинская стена возведена не для защиты от мифического врага, а для того, чтобы все не убежали. ГДР еще работала на нежелании своих сограждан жить в социалистической стране. Восточный Берлин прибыльно торговал восточными немцами, получая за каждого отпущенного на свободу, то есть в ФРГ, от 40 до 96 тысяч западногерманских марок. Благо Бонн готов был платить.

Эрих Хонеккер руководил страной больше половины ее недолгого существования. Итог его правления был подведен народным восстанием осенью 1989 года, которое привело к крушению социалистического режима и покончило с 40-летним разделением Германии на две части.

Создание одновременно социалистической ГДР и капиталистической ФРГ было чистым экспериментом. В социалистическом лагере ГДР считалась передовой, но по сравнению с ФРГ у нее не было ни одного преимущества. За исключе-

нием

Создание одновременно социалистической ГДР и капиталистической ФРГ было чистым экспериментом. В социалистическом лагере ГДР считалась передовой, но по сравнению с ФРГ у нее не было ни одного преимущества. За исключе-

Генерального секретаря ЦК СЕПГ, председателя Госсовета ГДР Эриха Хонеккера на Внуковском правительственном аэродроме столицы встречали члены Политбюро ЦК КПСС, руководители партии и государства. Фото 1985 года. Кто встречал Эриха Хонеккера, ордер на арест которого выдан берлинским судом, на сей раз?

нием партийной элиты, все восточные немцы хотели жить в ФРГ и добились своего. Режим создал образцовую социалистическую экономику, оказывающую абсолютно неэффективной, ее провал не компенсировали даже замечательные качества немецкой рабочей силы.

Сейчас советские газеты помещают тоскливые репортажи из восточных земель Германии. Но восточные немцы переживают тяжелые времена не потому, что присоединились к ФРГ, а потому, что теперь, когда исчез камуфляж, стал ясен бедственный итог сорокалетней жизни при социализме. Для интеграции в нормальную экономику, для того, чтобы достичь жизненного уровня западных немцев, понадобятся годы тяжелого труда...

Бывшие руководители несуществующей более ГДР кажутся иногда титанами, ведь от каждого их слова зависела судьба целой страны. Подсудны ли титаны человеческому суду? Не сажать же, в самом деле, на скамью подсудимых за создание образцового социалистического государства?

Но титанов низвергли дважды. Они лишились не только постов, но и мнимого величия. Хонеккера обвиняют в выдаче лицензий на убийство. Его товарищей по политбюро — в коррупции, растратах и присвоении государственного имущества. В январе начался судебный процесс над бывшим членом политбюро и руководителем восточногерманских профсоюзов Харри Тишем, который распоряжался профсоюзной кассой как своей. Судебная скамья ожидает еще двоих членов политбюро — бывшего первого заместителя главы правительства Вернера Кроликовского и секретаря ЦК Хермана Аксена. Обвинения те же — использование государственной казны в личных целях. Руководители компартии строили социализм в отдельно взятом поселке Вандлиц, где находились виллы партийной элиты.

Впрочем, те, кто вывез Хонеккера в Советский Союз, уверены в том, что бывший генеральный секретарь и его товарищи ни в чем не виновны. Разве другие руководители компартий в социалистическом лагере поступали по-другому?

Выступая в Верховном Совете СССР, председатель КГБ Владимир Крючков призвал помочь и своему бывшему коллеге Эриху Мильке, который 32 года возглавлял министерство госбезопасности ГДР.

83-летний Мильке не успел укрыться на советской военной базе и находится сейчас в тюрьме. У него тяжелый паркинсонизм, старческое слабоумие, и суд вряд ли состоится, но следствие по его делу идет. Эрих Мильке командовал солдатами по-

граничной охраны, стрелявшими в несчастных беглецов, и оперативниками госбезопасности, которые отправляли в тюрьмы невинных людей.

После крушения ГДР немецкие газеты много пишут о Мильке, который казался воплощением зла, мистической фигурой, заставившей бояться всю страну. Газеты словно берут реванш, снимая с этой фигуры покров мрачной таинственности, и посему увлечены изучением

Этот немец пытался бежать из ГДР. Подстрелен у берлинской стены солдатами Эриха Мильке

обстоятельств личной жизни бывшего всемогущего главы тайной полиции. Пишут о его увлечении охотой и футболом и о том, что еще до прихода нацистов к власти, в Веймарской республике, он обвинялся в убийстве двух полицейских, и о том, какими интригами и махинациями он расчистил себе путь к креслу министра, устранив возможных соперников, и о том, как старательно собирал материалы, компрометирующие его соратников по политбюро, начиная с самого Хонеккера.

На немцев особое впечатление произвело то, что Мильке спас и приютил в ФРГ членов террористической группы Баадера-Майхоф, которых искала полиция всей Европы, чтобы отправить на скамью подсудимых по обвинению в убийствах и грабежах. И то, что Мильке помогал ближневосточным террористам и дал, в частности, возможность ливийцам взорвать западноберлинскую дискотеку, где в тот день собрались сотни людей. За это к таким почетным наградам, как Золотая Звезда Героя Советского Союза, Мильке смог прибавить двухметровый меч, украшенный бриллиантами и надписью «Муамар Каддафи».

Но был ли Мильке суперзлодеем? Исчезаю ада, опутавшим своими сетями всю страну? Заманчиво возложить вину на какого-нибудь одного человека, родившегося с дья-

вольской отметиной, сказать с облегчением: «Все дело в нем!» Но в таком случае восточные немцы, взбунтовавшиеся в ноябре 1989 года, удовлетворились бы отставкой Хонеккера и Мильке...

Эрих Мильке был таким человеком, который требовался тому ведомству, в котором он проработал всю жизнь. Другой на его месте делал бы то же самое. В какой-то степени могущественный министр госбезопасности был всего лишь одним из винтиков этой гигантской системы, которая существовала как бы сама по себе. Но он же и подкручивал, налаживал и заводил весь этот механизм, который на самом деле мог работать только потому, что 200 тысяч кадровых сотрудников госбезопасности (в 16-миллионной стране) и многие сотни тысяч «добровольных помощников» сознательно выбрали себе эту службу и гордились ею.

Они превратили Германскую Демократическую Республику в полицейское государство, где на каждого третьего гражданина завели досье и все структуры общества были пронизаны шпионами. Они развратили восточных немцев, сделав из них нацию доносчиков, где приличные, казалось бы, люди, за деньги, квартиры, поездки за границу, просто в надежде на благодарность начальства доносили на родных, соседей и сослуживцев. Мильке и его подчиненные занимались торговлей оружием, незаконными валютными сделками, грабили чужую почту, покрывали международных террористов, сажали в психушки инакомыслящих. Они создали идеальную систему слежки за собственным народом.

Даже Эгон Кренц, который несколько месяцев был генеральным секретарем, назвал МГБ «государством в государстве». Кренц несколько лет курировал в ЦК органы госбезопасности и говорил со знанием дела: «Аппарат госбезопасности управлял всем обществом и лишил прав весь народ».

Но для московских коллег Эрих Мильке опять-таки не преступник, а соратник, обеспечивавший Комитету государственной безопасности СССР, по некоторым оценкам, примерно 60 процентов разведывательной информации о положении в ФРГ и в НАТО, словом, друг, которому нужно помочь. Непонятно только как. Может быть, развернуть международную кампанию в защиту Мильке как узника совести, политического заключенного, пострадавшего за свои убеждения? Не похищать же его в самом деле...

Виталий Шувалов

Фото ТАСС

и из газеты «Цайт» (ФРГ)

Блеск и нищета компромиссов

Крупнейшая международная организация на распутье. Что необходимо, чтобы восстановить ее авторитет?

С президентом Шведской ассоциации содействия ООН Карлом-Эриком СВАРТБЕРГОМ беседует корреспондент «НВ» Александр Полухов

«Новое время». Можно спорить, умышленно отказывается СССР от роли сверхдержавы или утрачивает ее против своей воли, но факт остается фактом: Москва более не ввязывается в противоборство с Вашингтоном или Пекином, оставляя вакуум на «полях сражений» политической, идеологической, а то и военной конфронтации. Кому суждено его заполнить — США, Китаю, другим государствам, или «наследство» должно перейти к ООН?

Карл-Эрик Свартберг. Для малых и средних государств предпочтительно усиление ООН. Поэтому столь велика была их радость, когда Михаил Горбачев заявил на Генеральной Ассамблее об изменении в позитивном духе советской линии в ООН. Поддержка Москвой ООН, например ее операций по поддержанию мира, немедленно привела к ощутимым успехам организации в 1988–1989 годах. Примеров немало, я приведу лишь два: урегулирование конфликтов в Намибии и вывод советских войск из Афганистана.

«НВ». Но кризис в Персидском заливе странным образом вызвал не укрепление авторитета ООН, а поставил его под сомнение. Согласитесь, многим просто непонятно, почему Совет Безопасности, приняв серию резолюций против захвата Ираком Кувейта, «вдруг» самоустранился от руководства боевыми операциями, отдав их проведение на откуп США.

К.-Э.С. Да, Совет Безопасности допустил ошибку, не использовав статью 42 Устава для организации военных акций против Ирака. Безусловно, следовало сохранять контроль за действиями США, а не ограничиваться предоставлением карт-бланша «Кувейту и его союзникам» на принятие «необходимых мер». В результате все важные решения диктовались не ООН, а

США, взявшими на себя командные функции. Совет Безопасности не смог приостановить войну, когда Ирак пошел на попятную и освобождение Кувейта могло, как многие считают, осуществиться мирным путем. Деятельность Совета Безопасности оказалась блокированной до достижения военного разгрома Ирака. Если бы США действительно избрали вариант «возврата Ирака в каменный век» при помощи неограниченной войны (а такие требования раздавались), то они вполне могли бы и его осуществить без санкции ООН, опираясь на... принятые ООН резолюции. Такое положение нетерпимо.

«НВ». На сей раз Вашингтон сохранил разумное самообладание и не стал провоцировать ООН. Однако в прошлом отношение США к ООН нередко было негативным, а то и враждебным. Кто знает, каким оно будет в будущем... Не слишком ли велика свобода толкования великой державой резолюций ООН и ее Устава? Вопрос далеко не праздный сейчас, когда на мировой арене более не существует прежнего баланса силы между Востоком и Западом, между СССР и США.

К.-Э.С. Конечно, приятно слышать нынешние заявления президента Джорджа Буша о примате международного права, о необходимости соблюдения резолюций ООН. Тем не менее вспомним, что совсем недавно Белый дом отказывался выполнять решение Международного суда (высшего юридического органа ООН. — А.П.) о недопустимости минирования США портов Никарагуа. Вашингтон нередко блокировал механизм принятия решений в ООН, как, например, в случаях с вторжением американских войск на Гренаду и в Панаму.

Увы, ранее СССР не раз действовал в таком же духе, но сейчас США претендуют на новую роль в мире и поэтому должны доказать, как это делает СССР, свою привержен-

ность идеалам ООН. Не следует забывать, что СССР приступил к погашению своего долга перед бюджетом организации, а США все еще должны ей около 500 миллионов долларов. Финансовое давление на ООН сохраняется, что ограничивает ее эффективность, особенно в части крупномасштабных акций по предотвращению конфликтов.

«НВ». Вероятно, необходимо взяться наконец за создание структур Военно-штабного комитета ООН, который по Уставу является своего рода «Ставкой международного главнокомандования». Иначе операции по пресечению следующей вооруженной агрессии опять придется передоверять отдельным государствам.

К.-Э.С. Разумеется, без действующего Военно-штабного комитета может вновь возникнуть соблазн для Совета Безопасности и генерального секретаря «отойти в сторону» и уступить кому-то ответственность за принятие решений. А вдруг жертвой мощного агрессора окажется не нефтеносный Кувейт, имеющий богатых союзников, а нищая страна? Кто рискнет миллиардами долларов и тысячами солдат ради ее спасения? Никто, кроме ООН, этого не сделает.

«НВ». Есть ли иные пути укрепления ООН? Ведь ее Устав разрабатывался в конце второй мировой войны и вряд ли способен удовлетворить все современные потребности. Не стоит ли провести его ревизию к 50-летию организации, которое приходится на 1995 год?

К.-Э.С. Воля стран-членов к сотрудничеству определяет силу ООН. Чем крепче воля, тем выше авторитет и действенность организации. Самоустранившись от войны в Персидском заливе, ООН вынуждена теперь восстанавливать доверие к себе.

Не думаю, что изменения Устава — подходящий путь для этого. Во-первых, они трудно осуществимы, а во-вторых, Устав не так плох. Просто в некоторых областях надо творчески переосмыслить практику его применения. Скажем, военные действия в районе Персидского залива, как полагает часть экспертов, не отвечали Уставу: статья 42 не пущена в ход, а статья 41 применена в расширенном толковании. Юристы шутят, что резолюции СБ «застрали между 41-й и 42-й статьями». Напомню, что Устав не предусматривает и операции ООН по поддержанию мира в том виде, как это практикуется с 1961 года, хотя они и проводятся весьма широко: только шведов в них участвовало 50 тысяч человек. Жизнь доказала их полезность, сложилась и соответствующая практика.

Дело не в юридическом крючкотворстве, а в выработке и соблюдении

нии четких правил формирования и применения военной силы под флагом и командованием ООН. Резолюции на сей счет должны быть «водонепроницаемыми», чтобы не оставалось лазеек для «размывания» их смысла.

«НВ». Международные силы ООН по поддержанию мира родились по инициативе генерального секретаря Дага Хаммаршельда. Он рискнул подняться над уровнем «главного чиновника» ООН, выступить в качестве лидера мирового сообщества. В результате на него обрушилась сильнейшая критика, а затем он загадочно погиб в авиакатастрофе в Конго, другие обладатели высшего поста поражали и поражают своей бесцветностью и стремлением быть «удобным» для всех. Каким должен быть настоящий генеральный секретарь ООН?

К.-Э.С. Господствует мнение, что после столкновения с Дагом Хаммаршельдом великие державы, они же постоянные члены СБ, никогда не позволят сильной личности возглавить ООН. Они хотят иметь контроль «над ситуацией», то есть над ООН. Символом подобного порядка вещей служит Перес де Куэльяр: он как лист на ветру — то взлетает вместе с ООН вверх, то опускается вниз. Трагично, когда генеральный секретарь стоит на обочине, а мимо грохочет опаснейший кризис в Персидском заливе. Мировая общественность недовольна пассивностью ООН, а он оправдывается: «Это не война ООН, войну ведут союзники».

Трудно найти генсека, обладающего гармоничным набором сильных личных качеств, имеющего смелость не идти на поводу у великих держав, способного выражать волю большинства стран-членов и могущего стать лидером мирового сообщества. Увы, возведенная в абсолют осторожность и доведенная до предела склонность к компромиссам — типичные черты традиционных кандидатов. Не уверен, что СБ даже в новых условиях сможет отказаться от традиции отбора претендентов именно по данным параметрам.

«НВ». Кстати, системы отбора вообще не существует: кандидат может начать кампанию сам или быть выдвинут группой государств, а то и просто появиться неведомым образом после закулисных маневров в СБ...

К.-Э.С. Удивительно, но в специализированных органах ООН больше порядка при выборе высшего руководителя. Разумно распространить их опыт и на избрание генерального секретаря: заранее определить, какой тип политика подходит для этого поста, затем подыскать несколько кандидатур, рассмотреть их и предложить Генеральной Ассамблее выбор. До сих

Рисунок Игоря Шеина

пор искали не нужного для укрепления ООН человека, а фигуру, которая хотя бы минимально подходила и максимально не противоречила вкусам США, СССР, Китая, Великобритании и Франции. Часто выбор делался в последнюю минуту.

«НВ». Высказывается идея провести выборы генсека не нынешней осенью, когда истекает срок полномочий Переса де Куэльяра, а уже весной, чтобы «новичок» мог к моменту вступления на свой пост подготовить пакет предложений по укреплению ООН. Насколько это реально?

К.-Э.С. На сей раз наступает «черед» представителя Африки быть избранным на высший пост. Африканские страны готовят общую кандидатуру, но пока нет официальной информации о конкретном претенденте. Искренне надеюсь, что в этом году ООН возглавит политик

из «третьего мира», которому удастся по-новому взглянуть на роль ООН. Правда, решающим опять будет подход постоянных членов СБ. Есть надежда, что не только СССР, но и США откажутся от поиска «удобных» фигур, однако многие и сегодня сомневаются, придут ли постоянные члены СБ к согласию относительно сильной и яркой личности.

«НВ». Похоже, ситуация будет меняться медленно, пока ООН остается организацией для правителей, а не для народов. Ведь понятие «Объединенные Нации» в принципе шире, чем просто совокупность дипломатов из стран-членов ООН. Швеция — исключение из общего правила — сумела добиться заметного внимания граждан к ООН и участия общественности в работе шведской делегации. Как это достигается?

К.-Э.С. Да, Швеция, Дания и Норвегия обязательно направляют на Генеральную Ассамблею кроме «постоянной делегации» также и посланников общественности. Ежегодно 20 представителей шведского парламента, Центрального объединения профсоюзов, Промышленного союза и других массовых организаций получают за государственный счет возможность выехать на целый месяц для участия в заседаниях различных органов ООН. Это позволяет лучше узнать, что происходит в ООН, получить качественную информацию «из первых рук» по любой тематике. Важный вклад вносят и шведы, служащие в войсках по поддержанию мира или занятые в ооновских проектах.

Шведская ассоциация содействия ООН распространяет в стране знания о деятельности мирового сообщества, информирует население о роли Швеции в данной организации. В ассоциацию входят все народные течения и крупные политические группировки Швеции. Они имеют в общей сложности 26 миллионов членов, что в 4 раза больше численности населения. Естественно, правительство Швеции учитывает положительное отношение большинства граждан к ООН и содействует усилению ее роли в мире.

«НВ». В таких условиях руководителям Швеции трудно «провернуть» тайную комбинацию в ООН или против ООН, действовать в обход или вопреки ее решениям?

К.-Э.С. Безусловно. Шведы считают, что национальный курс в ООН должен быть свободен от соображений внутренней политики страны, интересов отдельной партии. Желательно, чтобы подобное положение сложилось в большинстве или хотя бы во многих странах. Тогда противодействие укреплению ООН и деструктивная критика ее усилий стали бы непопулярными или невозможными.

Как торговать на доллары, когда их нет

Или почему польские товары исчезли с советских прилавков

ДАРИУШ ЛЕДВОРОВСКИЙ и **ГЕОРГИЙ ЩУКИН** могут не только компетентно объяснить подоплеку сложившейся ситуации, но и заглянуть в перспективу наших экономических взаимоотношений. Первый — самый молодой министр, ему около сорока. В нынешнем правительстве Польши руководит одним из важнейших ведомств — экономического сотрудничества с загранией. Будучи вице-министром в прежнем кабинете, вел переговоры с Москвой о новых принципах польско-советских торговых отношений. Второй — человек многоопытный, работал в США, теперь вот уже четвертый год возглавляет торговое представительство СССР в Польше.

Записав интервью с каждым из экспертов, я сопоставил их взгляды на заданную проблему. Получилось что-то вроде «заочного круглого стола».

«Новое время». Польша, треть всех внешне-торговых операций которой приходилась на СССР, сегодня как бы вовсе исчезла из поля зрения нашего покупателя. Что случилось?

Георгий Щукин. В 1991-м, по нашим прогнозам, сумма оборота сократится вдвое в сравнении с итогом 1990 года. Причина очевидна: с 1 января мы перешли на взаимные расчеты по мировым ценам и в свободно конвертируемой валюте. Валюты же ни у нас, ни у поляков как раз и нет!

Дариуш Ледворовский. Да, сегодня нашим главным партнером в торговле становится объединенная Германия. Отмечу, что переход на расчеты в СКВ менее болезненно прошел в наших экономических связях с бывшей ГДР — частью нынешней Германии. Гораздо труднее он налаживается с Советским Союзом.

«НВ». Как же вы выходите из положения?

Г.Щ. На 1991 год мы подписали договор о так называемых взаимовязанных товарах и поставках. Советская сторона будет экспортировать около 20 видов продукции. К сожалению, главным образом сырье: нефть, газ, железную руду, алюминий, электроэнергию. Из Польши мы получим куда более широкий ассортимент...

Д.Л. У нас по поводу договора о взаимовязанных поставках тоже есть свои «к сожалению». В нем указаны только те товары, под которые выделяются средства из централизованного (общесоюзного) бюджета. Для

СССР это прежде всего медикаменты, уголь, сера. В списке не оказалось многих видов продовольствия и изделий легкой промышленности, которые Польша традиционно ввозила в Союз. Нам объяснили, что эти товары отныне не будут закупаться за счет госбюджетных средств, а станут предметом «регионального» интереса. Наши поставщики выжидают, ваши контрагенты пока молчат. А жаль! С прошлого года мы имеем переизбыток и продуктов питания, и товаров широкого потребления.

«НВ». Почему же молчат контрагенты?

Г.Щ. Потому что они не готовы к валютному обеспечению своих контрактов. У нас решили: пусть республики, заводы, кооперативы сами ее зарабатывают. Прекрасно. Но 40 процентов валютных поступлений отбирают в госбюджет, еще 10–20 — в республиканскую, муниципальную кассу и так далее. Заинтересованность производителя в экспорте своего товара, естественно, пропадает. Кроме того, где ему взять валюту? У польских партнеров хоть злотый стал внутренне конвертируемым...

Д.Л. Ситуация в Польше действительно благополучнее. Мы начали экономические реформы еще год назад, и психология наших предпринимателей имела запас времени, чтобы дозреть до новых правил игры на внешнем рынке. Вы же, как мне представляется, все еще топчетесь на месте.

Дальше. Нашему купцу уже не нужны от государства какие-либо разрешения — лицензии, концессии и прочее. Имеешь валюту — покупай, имеешь товар — продавай. У вас таких независимых предпринимателей пока нет или почти нет.

«НВ». А бартер, то есть прямой обмен товара на товар без участия денег?

Г.Щ. Бартер запрещен, и в целом этосправедливо. Ведь не секрет, что предприятия не однажды предлагали к обмену продукцию, которую сами не производили: бензин, мазут и прочее. Это недопустимо.

«НВ». Где же выход?

Г.Щ. Нужен переходный этап, и достаточно длительный. Вводить расчеты в СКВ надо было не вдруг, с сегодня на завтра, а постепенно, может быть, и через «честный» бартер, через клиринговую систему и другие «эволюционные» меры.

«НВ». Про «честный» бартер понятно. А как вы представляете клиринг?

Г.Щ. Как честную систему безналичных расчетов путем зачета взаимных обязательств. Например, в обмен на газ мы покупаем в этом году сахар, сигареты, идут переговоры о закупках сливочного масла, молочного порошка, мяса, птицы. Расчеты ориентируются на цены лондонской биржи. Для финансовых операций клирингового характера Внешэкономбанк СССР и Банк развития экспорта Польши уже открыли взаимные счета. Причем если мы, скажем, в своих поставках газа опережим наших партнеров с их продовольствием, то получим еще 6,5 процента годовых. Или, наоборот, замешкаемся — будем платить мы.

«НВ». В чем выгода клиринга?

Г.Щ. В погашении взаимной задолженности без перевода валюты по каждой отдельной операции. Мы ведь можем подводить баланс взаимных поставок поквартально, раз в полгода, в конце года. Это дает возможность накопить обеим сторонам необходимый запас валюты, которой сейчас катастрофически не хватает. В один прыжок проблему не решить.

Д.Л. Расчеты по каждой сделке имеют еще и то неудобство, что они идут через американские банки, а те за посредничество, естественно, берут проценты...

Г.Щ. Переходные формы торговли очень пригодились бы сейчас тем предприятиям в СССР и Польше, которые функционировали до сих пор на основе длительной кооперации и специализации. Для 170 польских и 400 советских заводов, целиком «завязанных» друг на друга, клиринг был бы просто спасением.

«НВ». Георгий Сергеевич, проясните, пожалуйста, ситуацию с польским долгом. Он, по некоторым данным, составлял еще недавно около 5 миллиардов «переводных» рублей. А сегодня?

Г.Щ. Действительно, по состоянию на 1 января 1990 года РП должна была СССР 4,7 миллиарда инвалютных рублей и 1,5 миллиарда долларов. По просьбе польской стороны на долларовую часть долга была дана рассрочка в 10 лет. Что касается «рублевого» долга, то на протяжении прошлого года платежный баланс составил 6,3 миллиарда... в пользу Польши.

«НВ». Иными словами, поляки не только погасили свой долг, но еще и нас сумели сделать своими должниками в 1,5 миллиарда рублей! Мы что, не умеем торговать?

Г.Щ. В 1990 году мы резко снизили поставки в РП. Не выполнили обязательства по нефти, бензину, дизельному топливу, электроэнергии. Практически не ввозили машин и оборудования. СССР объявил запрет на поставку телевизоров, холодильников, велосипедов и другой бытовой техники.

«НВ». Но, похоже, польский рынок быстро возместил эти потери, по крайней мере в части ширпотреба, импортом из Западной Европы, Южной Кореи, Японии...

Г.Щ. Вот именно. Свято место пусто не бывает, а нам теперь вернуться с этими товарами на польский рынок будет очень трудно. Я считаю ошибочным решение советской стороны о сокращении экспорта в Польшу продукции бытового назначения. Даже при огромном ее дефиците на внутреннем рынке этого нельзя было делать. Недальновидно.

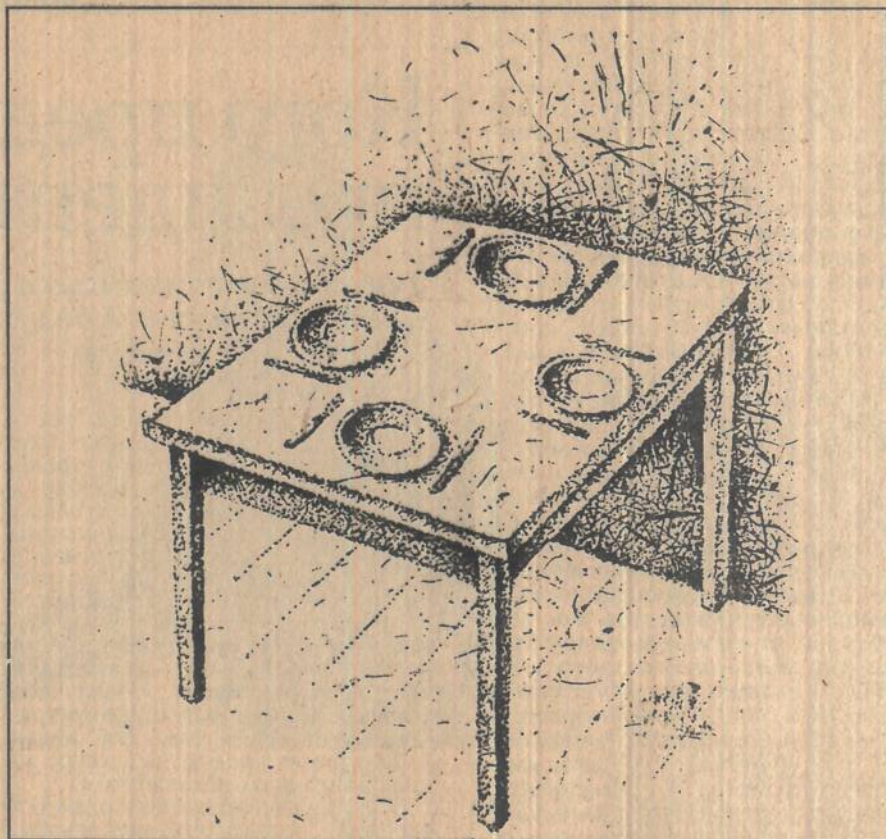

Рисунок Рейна Лаукса

«НВ». Бытует мнение, будто СССР искусственно создал ситуацию собственного доминирования в торговле Польши с внешним миром. Говорят, что главной нашей уловкой был тот самый нематериальный «переводной» рубль. Он как насос выкачивал не только польское достояние, но и вкладываемые польскими предприятиями доллары. Скажем, строя по нашим заказам корабли, поляки вынуждены были за валюту приобретать для них двигатели, электронное оборудование и тому подобное, а продавать готовую продукцию за рубли. Словом, страна вроде бы систематически доплачивала к экспорту в СССР...

Г.Щ. Разговоры эти — чисто пропагандистские. Расчеты в рублях были скорее невыгодны для нас, чем для наших партнеров. Во-первых, для экспортируемых в Польшу товаров мы тоже многое закупали за границей в твердой валюте. Например, кинескопы для телевизоров, детали для автомобилей, оборудование для нефте- и газопроводов. Завод холодильников целиком закупали во Франции. Перечислять можно долго. Это нормальная, принятая во всем мире практика. Во-вторых, сырье (а оно в объеме наших поставок в Польшу составляло 75 процентов) мы продавали, как правило, по ценам ниже мировых. Сами поляки заявили, что с переходом на мировые

цены они на нефть будут терять несколько миллиардов долларов.

Д.Л. Пока наша торговля опиралась на искусственный «переводной» рубль, к тому же по пяти разным тоже вымышленным курсам, мы постоянно подозревали друг друга, что каждый в чем-то делает своему партнеру одолжение, доплачивает к своему экспорту и тому подобное. Теперь, когда в Польше субъектом внешнеэкономических связей становится сам производитель, он на собственном опыте начинает осознавать, какие выгоды открывает перед ним советский рынок — и как источник приобретений, и как огромное пространство сбыта. Когда этот новый субъект начинает действовать на свой страх и риск, все толки насчет того, кто кого надувает, сами собой испаряются. Уже неважно, вкладывает ли он доллары в те товары, которые продает затем на Восток, ибо расчеты теперь идут только в СКВ и только по мировым ценам. Значит, формируется единственный критерий: выгодно — невыгодно продавать — покупать, ничто иное! Убежден, что через какое-то время многие наши недоверчивые командиры хозяйственники сообразят, какой резерв возможностей таит для них советский рынок.

«НВ». Каковы перспективы нашего сотрудничества? Чего мы ждем друг от друга? Что можем друг другу предложить?

Г.Ш. Здравый смысл подсказывает, что было бы просто преступно разрушать десятилетиями создаваемую инфраструктуру наших экономических связей. Налажена кооперация в десятках отраслей промышленности, проложены ширококолейные железнодорожные пути между сырьевыми базами и перерабатывающими заводами, построены нефте- и газопроводы. Понятно ведь, что ту же нефть или газ нам гораздо выгоднее продавать ближайшим соседям, а им — покупать у нас, чем в любой иной стране, хотя бы потому только, что ни нам, ни им для этого танкеры не нужны. Очень перспективны, на мой взгляд, различные формы приграничной торговли. Большие надежды я связываю с открытой экономической зоной в Калининграде, имеющей протяженную границу с Польшей. Не сомневаюсь, что в конце концов мы найдем взаимоприемлемые принципы сотрудничества. Вообще я убежден, что нам друг без друга не обойтись. И потому я оптимист.

Л.Д. Я ожидаю, что развитие наших связей пойдет в сторону расширения территориальных контактов — с республиками, с отдельными производителями. А зависимость нашего сотрудничества от центральных ведомств — как промежуточных инстанций — будет неизбежно уменьшаться. Но, пока не определены внешнеэкономические компетенции республик, подписать двусторонние соглашения не можем.

«НВ». Пора, иначе говоря, вводить рыночные отношения и во внешнюю торговлю...

Л.Д. ...что отнюдь не означает самоустранения государства из этой сферы! Государство обязано поддерживать, поощрять торговлю прежде всего в отраслях, жизненно необходимых для всего хозяйственного комплекса страны — стоять на страже общенациональных интересов. Это первое. Во-вторых, государство должно взять на себя инициативу организации разного рода представительств, торговых палат и других посреднических центров. В-третьих, государство может и обязано формировать фонды, стимулирующие внешнюю торговлю. Мы создали, например, Корпорацию страхования экспортных кредитов, чтобы обеспечить нашим бизнесменам определенные гарантии (раньше эта роль возлагалась на госбюджет). Что касается польско-советского экономического сотрудничества, то я разделяю оптимизм своего коллеги и вижу свою обязанность на посту министра в том, чтобы сделать все возможное для развития наших отношений на конструктивной и взаимовыгодной основе.

Рудольф Борецкий,
собр. корр. «Нового времени»
ВАРШАВА

Кого предал президент

Демократические шаги президента Фредерика де Клерка раскололи белую общину и пока не объединили черную

Не утихают страсти, порожденные февральской речью президента страны Фредерика де Клерка в парламенте. Он призвал отменить основные законы апартеида — акты о раздельном проживании и пользовании землей по расовому признаку, а также регистрацию населения с учетом цвета кожи. Консерваторы прерывали выступление президента выкриками: «Нет!», «Предатель!», «Палач африканеров!» — а затем демонстративно покинули зал. Их лидер А.Треурнихт провозгласил курс на конфронтацию с президентом.

В кулуарах парламента одни поддерживали консерваторов, считая, что Ф.де Клерк слишком торопится. Другие же осудили президента за то, что он медлит.

Относительно единству белых пришел конец, в то время как до единства черных еще очень далеко...

Год назад президент ЮАР снял запрет на деятельность Африканского национального конгресса (АНК), компартии, других организаций и высказался за диалог с черным большинством. Из заключения были освобождены политические деятели, в том числе лидер АНК Нельсон Мандела. Процесс преобразований стал набирать силу.

АНК провозгласил 1991-й годом массовых акций в поддержку создания в стране безрасового, демократического общества. Конец вражде между конгрессом и правительством вроде бы положили переговоры в резиденции президента в Гроуте Схюр. Было решено создать совместную комиссию для выработки общей политики, но это решение было заблокировано позицией военного крыла АНК — «Умkonto ве сизве», которое отказалось прекратить вооруженную борьбу с властями. Претория настаивала на том, что активность бойцов АНК противоречит официальному заявлению конгресса о приостановке боевых акций. Лидеры АНК пытались спасти ситуацию, доказывая право «Умkonto ве сизве» на «самооборону». Но согласие так и не было достигнуто.

Между тем правительство провело переговоры с другими политическими организациями черного большинства в Южной Африке. Это

вызвало недовольство у руководителей АНК, обвинивших администрацию в использовании зулусского движения «Инката» для подрыва единства черных.

Отношения руководителей АНК, опора которых — народ коса, и лидера движения «Инката», вождя зулусов М.Бутелези, развиваются не просто. В январе в который раз разгорелась «война слов», за которой последовали новые баталии с новыми жертвами. Президент АНК О.Тамбо заявил о возможности «создания своей собственной военной структуры».

Встреча лидеров противостоящих сторон в самом крупном отеле Дурбана высветила разногласия по принципиальным вопросам. Движение М.Бутелези изначально не поддерживало политику международных экономических санкций и культурного бойкота ЮАР, отрицало вооруженную борьбу как метод ликвидации режима апартеида, не приняло идею национализации основных отраслей промышленности в случае прихода к власти. Не сошлись стороны и в оценке необходимости созыва Конституционной ассамблеи, создания временного переходного правительства. АНК — за, «Инката» — против. И все же два лидера договорились прекратить атаки друг на друга, отказаться от политики взаимного устраниения.

Но наступил март, и между сторонниками конгресса и приверженцами «Инкаты» вновь вспыхнули кровавые столкновения.

Еще одна мощная сила в движении черных — Панафриканистский конгресс Южной Африки (ПАК).

В 60-е годы наметились серьезные разногласия в тактике борьбы АНК и ПАК за будущее безрасовой Южной Африки, ликвидацию апартеида. В ту пору паковцы выступали с радикальных, экстремистских позиций; лидеры же конгресса в основном придерживались тактики мирного, политического диалога с властями. АНК стремился создать широкое антирасистское, демократическое движение, боролся за введение всеобъемлющих экономических санкций против Претории. ПАК же в основном готовил боевиков, осуществлял террористические акты. Разногласия привели к открытой борьбе.

Лидеры АНК первыми сошли с

Президент де Клерк и лидер АНК Н. Мандела: пришло время решений

«тропы войны», сделали ряд шагов навстречу. В свою очередь, паковцы поначалу откликнулись на предложение АНК создать единый фронт против апартеида. Полгода назад Н. Мандела и один из лидеров ПАК Дж. Мламбо пришли к компромиссной формулировке: апартеид должен быть полностью уничтожен, и ради достижения этой цели приемлемы все формы борьбы. Но призывы АНК искать с властями компромиссы для политического решения проблем ПАКом были решительно отвергнуты. И идея создания единого фронта, таким образом, осталась нереализованной.

На недавнем конгрессе ПАК подтвердил свою жесткую позицию, заявив, что не намерен вступать в какие-либо переговоры с режимом, пока не будут проведены всеобщие демократические выборы и созвана Конституционная ассамблея. ПАК призвал к усилению «борьбы на всех фронтах».

На следующий же день после февральской речи Ф. де Клерка Н. Мандела сделал заявление, суть которого: апартеид не умер, поэтому АНК призывает международное сообщество не ослаблять политику санкций.

Говоря о возможном развитии со-

бытий, лидер АНК подчеркнул, что конгресс заинтересован в создании смешанного правительства или других форм переходного правления, что, выступая за созыв Конституционной ассамблеи, АНК не намерен сотрудничать с какой бы то ни было правительственной структурой, созданной без участия черного большинства. «Режим меньшинства хочет осуществить переход к демократии под своим контролем и по своим рецептам», — отметил Н. Мандела. Вывод: режим апартеида должен быть ликвидирован немедленно и без всяких оговорок. Категоричность требований и их тональность, казалось, предполагали новый конфликт. Однако 12 февраля неожиданно для многих состоялись 11-часовые секретные переговоры АНК с правительством. Времени для согласования протокольных условий было в обрез, поэтому драматическая работа велась в зале для почетных гостей Кейптаунского аэропорта. Одно то, что по улицам не мчались кортежи автомобилей, не выставлялись многочисленные посты полиции, не было предварительных публикаций в печати, свидетельствует: переговоры носили исключительно рабочий характер. Стороны заинтересованы в них в равной степени.

Постепенно становятся известны итоги диалога. Правительство разрешило АНК возвратиться домой всех политических изгнанных, пообещало ускорить процесс освобождения политзаключенных. Руководители же АНК взяли на себя обязательство остановить военную подготовку боевиков на территории страны, прекратить «войну слов».

Не так давно нам довелось участвовать во встрече президента с журналистами. Руководитель ЮАР выступал за то, чтобы темпы преобразований были ускорены. Он признал, что без ликвидации режима апартеида Южная Африка может лишиться будущего... Ф. де Клерк назвал нынешний год годом кардинальных реформ, мира и стабильности в регионе в интересах всех южноафриканцев.

Итак, намерения АНК и администрации Претории в основном сходятся. Но надеяться на объединение усилий было бы излишне оптимистично.

Истер Во,

политический обозреватель
газеты «Претория ньюс» (ЮАР),

Николай Решетняк,

собр. корр. «Нового времени»
ПРЕТОРИЯ

Боевики «Инкаты»: снова на «тропу войны» против АНК

Фото из журнала «Шпигель» (ФРГ)

Где русский дух?

Российские патриоты и русские националисты. Со времен Ивана Грозного это не одно и то же

Джеффри Хоскинг, профессор факультета славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета

На первом Съезде народных депутатов летом 1989 года писатель Валентин Распутин сказал, что ввиду растущей волны антирусских настроений, захлестнувших республики, Россия, возможно, поступит правильно, отделившись от Советского Союза. В то время мало кто принял его заявление всерьез; за границей же многие, вероятно, и не поняли, что он сказал. Для девяти десятых журналистов мира Россия и СССР остаются синонимами.

Однако через год то, что предложил Распутин, начало осуществляться. Российская республика провозгласила свой суверенитет, который, хотя и не привел к фактическому отделению, означал утверждение ее права на владение собственными ресурсами. Последовали настойчивые заявления о верховенстве юридических актов России над актами, издаваемыми Союзом (я чуть не сказал «Москвой», что привело бы к путанице, но показало бы парадоксальный характер ситуации). Это был очень важный момент в истории России, означавший основание российского национального государства.

Знать, крестьянство, церковь...

Россия как политическое образование всегда была империей и никогда — нацией. Киевская Русь представляла собой непрочное объединение княжеств, но не национальное государство, и задолго до того, как Московия собралась воедино народы Руси, она вступила на путь имперской экспансии, вбирая в себя нерусские территории и племена. С тех пор,

пожалуй, наиболее важным фактом истории России является то, что империя всегда подавляла нацию. Строительство государства препятствовало формированию нации. Почему же так происходило?

В основном по геополитическим причинам. Открытые границы северной Евразии были проклятием России и ее благом. Они позволили монголам завоевать и разорить Русь в XIII веке, но они также позволили ей четыре столетия спустя, изгнав завоевателей, установить господство над обширнейшей территорией, какой никогда не владело ни одно государство, — причем эта территория продолжала увеличиваться до середины XX века. Каждый раз, когда Россия расширяла свою территорию, она делала это для того, чтобы нейтрализовать источник какой-либо опасности, часто реальной, но порой и воображаемой. В конце концов Россия стала крупнейшей из всех империй в истории, значительно превосходя по размерам своих ближайших соперников — британскую и китайскую империи.

Трезво оценивая положение, можно сказать, что размер империи намного превышал способность населения России защищать и управлять ею. Для того чтобы вообще делать это, требовались чрезвычайная концентрация ресурсов, а также привлечение инородцев. Этим объясняется образование специфически русского типа знати — дворянства, созданного абсолютистским государством (частично из аристократии покоренных народов) и привязанного к нему воинской повинностью. Это же было причиной безжалостного закрепощения русского крестьянства. Крестьяне должны были нести службу государству как путем уплаты налогов, так и отбыванием воинской повинности и еще работая в имении помещика. Крепостничество, установление которого в большинстве стран Центральной Европы было продиктовано соображениями прибыли, в России было вызвано потребностями государства.

Даже церковь была подчинена этим же императивам. В середине XVII века, когда дипломатия и оружие Московии начали добиваться успеха в Европе, православная церковь стала готовиться к выполнению экуменической роли: требники и литургическая практика направились в соответствии с тем, что считалось лучшими международными образцами. Государство в лице царя Алексея добивалось осуществления церковных реформ самым безжалостным образом, что привело к раскольническому движению, которое сохранилось до наших дней. В начале XVIII века Петр Великий сделал еще один шаг, упразднив патриаршество, которое было символом независимого положения церкви. Екатерина II завершила процесс, экспроприировав земельные владения церкви и сделав ее в финансовом отношении зависимой от государственной казны.

Вместо России — Романовия

Российская империя не являлась принципиально наднациональной или даже чисто династической: она получила название от России, исповедовала русскую православную веру и носила на своих знаменах символы России. В начале XIX века граф Канкрин (грек по национальности) предложил переименовать Россию в Романовию. Константин Аксаков считал, что со времени Петра Великого Россия была страной, оккупированной иностранным бюрократическим режимом, но это упрощенная точка зрения. Существовал имперский патриотизм, который был подлинно русским.

Всегда присутствовали две формы русского национального сознания: имперское, которое делает упор на государство, и этнически-культурное — с тенденцией отчуждения от государства. И два вида патриотизма — российский и русский.

Славянофилы первыми попытались сформулировать идеи антипатриотического русского патриотизма языком, адекватным современной европейской политической и философской мысли. По иронии судьбы, состояние русской культуры было тогда таковым, что для этого им пришлось широко заим-

Рисунок Виктора Казачека

ствовать фразеологию немецкого идеализма. Важно отметить, что за идеал они взяли две социальные структуры, которые, вероятно, больше всего страдали от устремлений империи, — крестьянскую общину и церковь, видя в обеих проявления соборности, духа общности, которые, по их мнению, выгодно отличали Россию от, казалось бы, более успешных социальных и политических систем Запада.

Славянофилы неправильно толковали историю: зло, которое они осуждали, началось не с Петра Великого, придавшего радикальный характер уже существовавшим тенденциям, а с Ивана Грозного, то есть фактически с первого выхода Московии за этнические границы Руси, с установления власти над нерусскими, то есть с создания империи.

Можно ли назвать Советский Союз русской империей? Ни название государства, ни его атрибуты, ни идеология теоретически не дают оснований для такого вывода. Режим нанес такой ущерб русской церкви, русской культуре, крестьянству и природной среде, что Солженицын отказывается называть эту власть русской.

Но в республиках многие считают, что их десятилетиями угнетали именно русские, для них советское государство — это русское государство. Ядро партийно-государственного аппарата является в основном

русским (или украинским, то есть малороссийским); то же относится к высшим кадрам вооруженных сил и сил безопасности. Русский является языком армии, а также идеологии и в значительной степени системы образования.

Советское государство, или, скорее, коммунистическая партия, подавляло и эксплуатировало русскую культуру во имя интересов империи даже более безжалостно и разрушительно, чем царский режим. Русское национальное сознание резко разделялось на два основных потока, которые американский ученый Джон Данлоп назвал национал-большевизмом и возрожденчеством. Первый представляет российское, второй — русское.

Национал-большевики и возрожденцы

Национал-большевики чтут Сталина как лидера, который расширил пределы российского государства до грандиозных размеров; возрожденцы проклинают его за то, что он уничтожил их церковь, культуру и деревню. Национал-большевики готовы терпеть православную церковь и заключать с ней в случае необходимости союз по расчету для сохранения общественного строя. Возрожденцы рассматривают церковь как центральный связующий фактор в рус-

ской национальной самобытности.

В воззрениях возрожденцев есть своя логика, хотя они недооценивают степень «обрусения» марксизма. Взгляды национал-большевиков страдают непримиримым противоречием. Они относятся с уважением к Российской империи, сокрушив, однако, царский режим; но почитают также и коммунизм, который повел борьбу с русским национализмом и стимулировал сепаратизм нерусских народов. Они также с большим трудом объясняют, кто именно угнетает и эксплуатирует русских. В отличие от других наций у русских нет «старшего брата», которого можно было бы во всем обвинить. Поэтому национал-большевики хватаются за миф о международном заговоре сионистов и масонов, которые коррумпировали коммунистическую партию изнутри и толкнули ее на преступления против русских, такие, как расстрел Николая II и уничтожение храма Христа Спасителя.

С середины 60-х годов до середины 80-х национал-большевики и возрожденцы все больше отдалялись друг от друга. Однако с 1985 года под давлением политического кризиса и все более настойчивых требований нерусских возрожденцы раскололись. Некоторые из них (Распутин, Белов — называю наиболее известные на Западе имена) сблизились с национал-большевизмом, опасаясь, что без российской империи невозможно сохранение русской национальной самобытности. Другие — например, Можжев, Залыгин, академик Лихачев — присоединились к демократическому лагерю.

Русские национальные ценности лучше всего могут быть сохранены и развиты в русском национальном государстве, таком, какие большинству европейских наций удалось построить к XIX веку или началу XX века. При создании такого политического образования возникнут огромные трудности. Российская республика сама характеризуется этнической пестротой, и должны быть найдены какие-то средства для обеспечения того, чтобы национальные меньшинства, живущие в ней, могли удовлетворить свои устремления в не меньшей мере, чем сами русские. Существует также трудноразрешимая проблема многих миллионов русских, живущих вне Российской республики на территориях, население которых часто враждебно относится ко всему, что им напоминает о бывших властелинах.

Вот почему подходящим политическим мировоззрением для русских патриотов в настоящее время может явиться либерально-демократическое. Русские должны не составлять оппозицию Руху и Саудису, а быть в союзе с ними.

«Я был пациентом секретного отделения»

Воспоминания человека, который хотел уехать за границу, а попал в институт Сербского

Юрий Осмушко

В самом начале 1955 года меня перевели в Институт общей и судебной психиатрии имени профессора В.П. Сербского с Лубянки. Мне тогда только исполнилось 18 лет, но я уже был осужден по статье 58^а за попытку бежать из Союза. Вряд ли у меня в то время были какие-то твердые политические убеждения. Я просто понимал, что в этой стране слишком много лжи, фальши и несправедливости. До ареста я учился в вечерней школе. Помню, мы тогда только начали изучать сталинскую конституцию — очень демократичную, гарантирующую всем всякие права и свободы. А я уже знал к тому времени, что даже из дома, где я жил, очень многих «забрали»... Я понял, что не хочу так жить, и начал звонить в иностранные посольства. В одном отказали сразу. С представителем второго мы встретились и побеседовали в машине. Когда я из нее вылезал, меня схватили. Так я очутился на Лубянке.

Поместили меня в одиночку. Я тогда с тюремными порядками был мало знаком. Кто-то мне сказал, что если арестованный объявляет голодовку и соблюдает ее 12 дней, то его выпускают. Я тоже решил объявить голодовку, но уже на третий день меня начали насильно кормить, и от затеи пришлось отказаться. Но этот жест послужил поводом для того, чтобы отправить меня в институт Сербского.

Помню, сижу в камере, на допрос не вызывают уже несколько дней. Вдруг — еще далеко до обеда — открывается дверь, заходит дежурный и, как всегда, шепотом называет фамилию, имя и отчество. Я, согласно тюремным правилам, так же шепотом отвечаю. Раздается команда выходить с вещами. Выводят во двор внутренней тюрьмы. Вижу: стоит автобус, на окнах голубые занавески. Изнутри он оказался обыкновенным воронком, состоящим из одностенных боксов.

Куда-то повезли... Слышу, по всем признакам машина проезжает через контрольно-пропускной пункт. Дверь отворилась, конвой

заводит в помещение, напоминающее больничный приемный покой. Женщина в белом халате начинает задавать вопросы, которые обычно задают врачи в поликлиниках. Спрашивает, догадываюсь ли я, где нахожусь? Высказываю предположение: «Скорее всего, в учреждении, связанном с медицинской судебной экспертизой. Может быть, это больница Матросская Тишина?» Говорит как-то разочарованно: «Нет, потом узнаешь». Затем стрижка и ванная, и в сопровождении одной только старушки-санитарки поднимаюсь по лестнице. Как-то странно — без конвой. Она и сообщила, что я нахожусь в знаменитом Институте общей и судебной психиатрии имени Сербского. Поинтересовалась, за что меня поймали, а когда услышала, что я хотел уехать за границу, говорит: «Значит, ты шпион». Я с ней не согласился.

Моим врачом-экспертом была Мария Леонидовна. Вообще все испытуемые в четвертом отделении

института закреплялись за четырьмя врачами: Марией Леонидовной — начальником отделения, Маргаритой Феликсовной Сологуб, Кирой Львовской и еще одной женщиной-врачом, фамилию и имя которой я не помню. Но в принципе фамилии персонала держались в секрете.

Про Маргариту Феликсовну ходили легенды — она якобы доводилась дочерью Дзержинскому. Среди эзеквель мифы не редкость. Говорили, например, что стрелявшая в Ленина Каплан до глубокой старости работала в Бутырьках библиотекарем, а затем это место досталось по наследству ее дочери...

В отделении постоянно находились 24 заключенных, функционировали две палаты и изолятор. Кроме того, в резерве имелись две свободные палаты с четырнадцатью заправленными кроватями. Обычно пребывание в институте ограничивалось пятью неделями. Экспертиза заканчивалась комиссией с участием всех врачей отделения и представителя КГБ. Председательствовал чаще всего доцент Лунц, реже — профессора Дубинин или Введенский. Лунц, очевидно, пользовался наибольшим авторите-

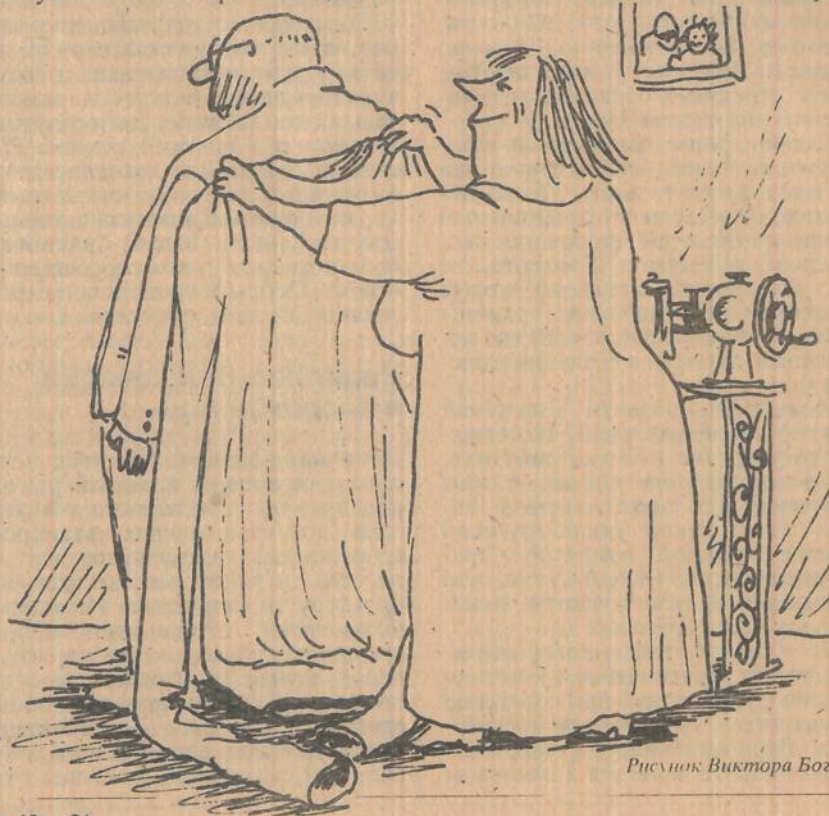

Рисунок Виктора Богорада

том среди представителей карательной системы. Пациенты же считали его самым беспринципным.

Мария Леонидовна вызывала на беседы, спрашивала о деле, выясняла мои склонности и интересы, готовила к комиссии.

После одиночной камеры на Лубянке институт Сербского казался тюремным курортом. Окна хоть и из толстого корабельного стекла, но без решеток. После завтрака до обеда клеили коробочки; за это выдавали по 10 папирос «Прибой». Питание по сравнению с тюремным приличное, на 1 и 9 Мая дали красную икру.

Среди обитателей были и симулянты, спасавшиеся от 58-й статьи. Она оставалась самой страшной, хотя наступил уже 1955 год. От нечего делать я подражал некоторым симулирующим — все-таки никогда не думал, что меня признают психически больным и поместят в соответствующую клинику. Вот ради шутки и примерялся, каково быть психом.

В отделении было несколько человек с такими же обвинениями, как у меня. Мы завидовали солдатам, служившим в ГДР и сумевшим уйти на Запад. Радовались за Кравченко, которому не только удалось вырваться на свободу, но и дать пощечину деспотии.

Майор Виктор Кравченко, работавший советским военным представителем за рубежом, не только остался на Западе, но и подал в суд на одного из наших журналистов, обозвавшего его подонком. Помню, еще на свободе я прочитал в «Крокодиле» пасквиль на Кравченко. Автор, изодрываясь в ругательствах, пересчитывал его выигрыш в суде по древнему курсу и злорадствовал, что истец не дотянул до тридцати сребренников.

Попадали в это же специальное отделение и за анонимные письма с критикой партийных органов и правительства. Органы успешно вычисляли анонимщиков.

Больше всего было заключенных с астрономическими сроками — 25 лет спецлагерей и 5 лет последующей высылки, осужденных за «измену Родине». На самом деле это были бывшие военнопленные, попавшие к немцам в плен. После смерти вождя они стали писать жалобы, ведь их осуждение было явной бессмыслицей и нарушением международных конвенций о военнопленных. Вот, очевидно, наше руководство и нашло решение, поместив «изменников» в психушку. Несколькими месяцами позже их все-таки амнистировали.

Был один эсэсовец — двухметровый белорус. Его перевели из лагеря. То ли он симулировал, то ли на самом деле у него были слуховые галлюцинации, но ему все время

слышался стук пишущей машинки и голос, диктующий машинистке его смертный приговор.

Не миновал Сербского и тщедушный пожилой рабочий Святкин. Он учился в вечернем университете марксизма-ленинизма. При конспектировании работ классиков обнаружил какое-то противоречие между Марксом и Лениным. Отметил это в конспекте и о своем открытии рассказал на семинаре. Привлекли по статье 58^ю. И антисоветская агитация налицо, и изготовление антисоветского документа (конспект) тоже.

Следовательно Святкин просто-душно заявил: «Оказывается, как была Россия тюрьмой народов, так и осталась». На что услышал: «Вот тебе и будет тюрьма».

Теперь я догадываюсь, что на нас — обитателей института Сербского тех лет — режим «прокручивал» новый вид репрессий над инакомыслящими, намереваясь широко распространить его в дальнейшем. Я слышал от персонала, что существовала установка о направлении на психиатрическую экспертизу поголовно всех, обвиняемых по 58-й статье. Например, в институт привезли с Лубянки одного профессионального шпиона, тайно вывезенного из Западного Берлина. Направление его на психиатрическую экспертизу явно не имело никакого смысла.

Наступил день моей комиссии. Председествовал древний, полупарализованный старик, кажется, профессор Дубинин. Особняком в зале сидел представитель КГБ. Я попросил представить мне «экзаматоров». Профессор несколько растерялся, ответил, что комиссия медицинская. Я выразил комиссии недоверие, профессор рассердился: «Ты хочешь, чтобы тебя обследовали немцы или американцы?» Я ответил, что желаю иметь дело с независимой комиссией, а не с той, которая идет на поводу у КГБ. Профессор рассердился еще больше. Назвал меня нулем без палочки. Затем начал задавать вопросы. Поинтересовался моим философским мировоззрением, уточняя, идеалист я или материалист. Я ответил, что у меня недостаточная теоретическая подготовка, так как образование всего в объеме семи классов.

На другой день я спросил у Марии Леонидовны о результатах. Она сказала, что меня признали больным.

Но вот проходит неделя, других увозят, а меня нет. Еще через неделю снова вызывают на комиссию. На этот раз председательствует доцент Лунц. Он задает вопросы, связанные с моей попыткой уехать за границу. Я все отри-

цаю. Представитель КГБ не выдерживает и бросает реплику: «Вина Осьмушко следствием доказана».

Через неделю меня отвезли в Бутырку, а оттуда отправили на принудительное лечение в Ленинградскую тюремную психиатрическую больницу. Бывали случаи, когда питерские медики не признавали диагноз института имени Сербского. Заключенного возвращали в Москву, но институт, блюдя честь мундира, обычно настаивал на своем, и — опять Питер... Главный врач ленинградской больницы любил подчеркивать свою независимость от института Сербского и особенно гордился тем, что больница работает под руководством пяти инстанций: МВД СССР, КГБ СССР, Минюста СССР, Прокуратуры СССР и Минздрава СССР.

Я просил врача организовать встречу с моим защитником, на что он отвечал, что администрация больницы является и попечителем, и защитником.

К больничным палатам примыкала женская тюрьма. Некоторые из пациентов пытались через женщин-заключенных переслать жалобы в партийные или правоохранительные органы. Письма возвращались, подшивались в дело, а против автора усиливались репрессии.

После повторной многомесячной экспертизы мне заявили, что заключение института Сербского пересмотрено, что я здоров и мою судьбу будет вновь решать Военный трибунал.

По определению трибунала меня освободили, вручили билет на поезд и выпустили за ворота. А в Москву направили письмо — на адрес главного психиатра города. Ему сообщали о моем освобождении и просили оказать мне необходимую помощь. Начались мытарства с получением паспорта, пропиской, с устройством на работу... Паспортный стол не выписывал паспорт без военного билета — неизвестно, как заполнить графу «Отношение к воинской обязанности» (паспорт старого образца). Военный билет не выдавали, так как не было заключения медицинской комиссии о годности к службе, а комиссия не могла решить эту проблему без выписки из психоневрологического диспансера. Психоневрологический диспансер не имел права выдавать выписку до тех пор, пока не пришли документы из Питера и из института Сербского. А они все не приходили и не приходили...

В 1976 году решением Верховного суда СССР меня реабилитировали за отсутствием состава преступления.

Следствие ведут журналисты

Американские коллеги предлагают сотрудничество в расширении источников информации

Роберт К. Манофф,
директор Центра войны,
мира и средств массовой
информации (США)

Возможно, советскому читателю, уставшему от бесконечных политических словопрений, может показаться странным, что многие американцы считают политическую жизнь в СССР куда более живой и интересной, чем в США.

Два года назад во время президентской избирательной кампании многие американцы бурно выражали недовольство по поводу того, как поверхностно высказываются кандидаты о важнейших проблемах. Особенно критически были настроены журналисты, освещавшие предвыборную кампанию. Они тщетно старались заставить политиков не уходить от сложных экономических, социальных и политических вопросов. Вот тогда-то комментаторы и вспоминали Советский Союз, Восточную Европу, где проблемы, правда, более серьезные, но и их обсуждение проходит несравненно активнее.

Право знать

Большинство западных теоретиков демократии пришло к заключению, что для успеха демократического процесса необходимо уделять особое внимание созданию и защите того, что они называют «публичной сферой» (что-то вроде механизма формирования общественного мнения).

Что такое «публичная сфера»? Если честно, то идея еще не осознана до конца, поскольку сам процесс становления демократии, которому всего два столетия, еще не завершился. Однако со всей определенностью о публичной сфере можно сказать следующее: это политическое «пространство» (духовное, а не физическое), в котором граждане имеют возможность собираться вместе, обдумывать и обсуждать свои общие социальные, политические и экономические дела. Это пространство, с другой стороны, создается широким спектром институтов, обеспечивающих условия для того, чтобы все важные для

общества вопросы могли быть свободно обсуждены, все точки зрения полностью представлены. Но одних институтов недостаточно. Подлинная публичная сфера может существовать, только если сами граждане вырабатывают и развивают в себе определенные качества (такие, как терпимость к противоположным мнениям) и создают социальные условия (такие, как доступ к информации), которые делают возможной осмысленную дискуссию.

Пресса, разумеется, является одним из основных элементов публичной сферы. Обеспечивая «право обществу знать», она ответственна за поддержание условий общественного диспута.

Однако диспут ради диспута еще не есть подлинная публичная сфера, если обсуждение не носит для общества характер самопознания. Дру-

гими словами, демократия требует не просто дискуссии — выражения разных мнений, но дискуссии компетентной и разумной. Недавние политические дебаты в Америке зачастую не отвечали этим критериям.

В таком общественном обсуждении важны не столько чьи-то личные предпочтения и мнения, сколько широкая и полная информация, предоставляющая гражданам всю палитру выбора. Ибо изложение разных точек зрения дает обществу лишь выбор между противоположными позициями. А ей по большому счету нужны факты, которые дадут людям возможность самим определиться, получив правдивое представление об окружающем мире.

Репортеры и обозреватели

Мне кажется (так, во всяком случае, представляется из Америки), что марксистско-ленинский взгляд на мир не придает большого значения фактам. Хотя марксистско-ленинское учение стало вызывать сомнения в СССР задолго до того, как КПСС утратила монополию на политическую власть, многие ее основные положения тем не менее успели глубоко укорениться в общественной жизни. Стало, например, принято считать, что точки зрения приоритетны над фактами. Правда уступала идеологии.

Ныне такое мнение широко отвергается. Но в журналистском корпусе комментаторы преобладают, и редкий журналист не стремится заменить репортерский блокнот на более престижную жизнь обозревателя. С позиции демократической теории очень вдохновляющий признак, что многие лучшие журналисты страны в течение последних лет занялись раскапыванием новых важных фактов относительно ее прошлого и настоящего и что в последнее время заметно возрос престиж «расследовательской журналистики». Ничего необычного, однако, нет в том, что с укреплением публичной сферы журналистика во все большей мере приобретает характер расследования. Журналистское расследование — это отказ от имени общества принимать на веру объяснения и факты, лежащие на поверхности, и стремление вгрызаться вглубь, чтобы добыть факты, не доступные большинству в обществе. В

Рисунок Жана Оганёра

этом смысле журналисты-расследователи — это собственная разведка общества, и потому они так необходимы публичной сфере и, следовательно, демократии.

Именно потому, что демократия так зависима от состояния журналистики, в 1985 году в Нью-Йоркском университете был образован Центр войны, мира и средств массовой информации. Чтобы оказывать помощь американским журналистам в освещении таких тем, как американско-советские отношения, контроль над вооружениями, ядерное оружие и политика Советского Союза. Последние пять лет Центр помогал американским журналистам в США и СССР. С 1987 года Центр проводил ежегодные встречи в Москве для аккредитованного там американского журналистского корпуса, каждый раз привлекая лучших экспертов по Советскому Союзу, дабы они обсудили свои взгляды с корреспондентами американской прессы. Центр также предоставлял в распоряжение журналистов свои досье, в которых собраны лучшие публикации по событиям в СССР (экономика, межнациональные отношения, внешняя политика...). Вся деятельность Центра основана на убеждении, что результаты дискуссий в Соединенных Штатах о путях развития американско-советских отношений во многом зависят от качества работы американских корреспондентов в Советском Союзе.

За фактами — в американский центр в Москве

С течением времени и советские журналисты заинтересовались работой Центра и стали обращаться с просьбами об оказании аналогичной помощи органам советской печати. Как выяснилось, в целом советские журналисты имеют весьма ограниченный доступ к той информации, с которой американские журналисты в США работают ежедневно, и стало ясно, что Центр может снабжать информацией всех заинтересованных работников советских средств массовой информации.

В 1991 году в столице СССР открывается наш филиал — Московский центр демократической журналистики (МЦДЖ). Планируется обеспечить советскому журналистскому корпусу (а также иностранным корреспондентам) широкий круг информационных услуг, которых нет даже у самых больших агентств новостей. Центр ведет переговоры с различными московскими организациями в поисках партнеров и определения рамок проекта. МЦДЖ намерен предоставить следующие услуги:

- компьютерный банк данных. Связь через спутник с Соединенными Штатами даст возможность ознакомиться с тысячами газет, журналов и другими источниками информации разных стран, которые закладываются в компьютерные программы на Западе. Информацию можно получить в любом удобном виде. Центр может также отыскать в США любые статьи и в короткий срок (в течение суток) переправить их в Москву. В дополнение Центр организует курсы по использованию компьютерной информации;

- библиотека американской и иностранной литературы и периодики. Многие издатели уже дали согласие предоставлять нам свои публикации даже прежде, чем они будут напечатаны на Западе. Так что в Москве соберется самая современная информация по различным вопросам;

- программа брифингов. Сейчас многие западные специалисты проезжают через Москву, но большинство репортеров никогда не слышало о них и не знакомо с предметом их изучения. Центр выберет лучших из них и организует встречи с прессой;

- еженедельный бюллетень. Поскольку нет возможности пригласить всех западных специалистов на брифинг, Центр договорился с американскими экономическими, политическими и академическими организациями о составлении списка приезжающих экспертов с указанием гостиницы с тем, чтобы советские журнали-

сты могли установить индивидуальные контакты на предмет консультации или интервью;

- стипендиальные программы. Центр войны, мира и средств массовой информации уже установил программу предоставления стипендий советским журналистам, чтобы они могли в течение шести недель поработать в американских газетах и на телевизионных станциях, а американские получили возможность приехать в Советский Союз.

С развитием Московского центра, без сомнения, появятся и другие программы, предложенные советским советом, который будет состоять из советских журналистов. Все будет зависеть от воображения участников и щедрости организаторов-спонсоров.

Возможно, вам покажется необычным, что инициатива исходит от американской организации, но нами руководят те же бескорыстные устремления, которыми мы руководствовались в работе с американской прессой. Наш интерес зиждется на преданности демократическим ценностям, а также на убеждении, что демократия в конечном счете не может процветать где-то в отдельно взятой стране, если она не присутствует повсюду в мире. В этом смысле будущее и советской, и американской общественных систем тесно связано, и это та связь, которую мы надеемся упрочить своим проектом. Информация — это общий язык, на котором говорят все демократии.

Наши услуги бесплатные!

**Московское инвалидное
кооперативное объединение**

Биржа труда Мико предлагает

организациям, предприятиям и кооперативам

СПЕЦИАЛИСТОВ ИЗ ЧИСЛА ИНВАЛИДОВ

**радиомехаников, архивистов, диспетчеров,
слесарей, чертежников, бухгалтеров и др.**

338-34-35

**Сотни инвалидов-москвичей
ждут ваших предложений!**

Конечный пункт бегства

Автор этой книги был уверен, что никогда не позволил бы превратиться себя в палача и садиста. Могут ли быть так же уверены в себе его читатели?

Долгое пребывание в зале суда не располагает к оптимизму. Даже в роли зрителя. Даже при условии, что совершается правосудие и каждому воздается по делам его. Даже если всем вокруг кажется, что к прошлому возврата нет.

Петер Вайс высидел на скамье для зрителей весь процесс над охранниками Освенцима, который проходил четверть века назад в суде Франкфурта-на-Майне. «Третий рейх» писатель счастливо пережил в эмиграции и, пожалуй, только тогда понял, что же происходило в Германии.

Обвиняемые не признавали себя виновными. Они говорили о верности долгу и подчинении приказу. В этом был вызов всем, кто брался их судить: а вы сами, оказавшись в той же ситуации, разве повели бы себя иначе?

Подростки обычно жалеют, что, родившись слишком поздно, опоздали, лишились возможности участвовать в чем-то героическом и прекрасном. Канцлер Гельмут Коль несколько лет назад ввел в оборот формулу обратного свойства: «Милость позднего рождения». Он выступал в Иерусалиме, и его слушатели прекрасно поняли, что хотел сказать этот высоченный немец: если бы наше поколение родилось так же рано, как те, кто начал вторую мировую войну и построил Освенцим, кто знает, может быть, и мы стали бы преступниками.

Сомнительное признание: не совершил преступления только потому, что не представилось подходящего случая? Но у Гельмута Коля на руках весомые доказательства его правоты. Миллионы немцев были вполне добропорядочными гражданами, но в «третьем рейхе» они оказались соучастниками величайших в истории злодеяний.

Преступников по натуре, от рождения, по призыванию не так уж много. В грехопадении остальных виноваты обстоятельства? Послевоенная немецкая литература пытается понять, почему добропорядочные люди при определенных обстоятельствах ведут себя подло. Большинство немцев на поверку оказалось крайними детерминистами: в широком диапазоне ответов от «я ничего не знал о концлагерях» до «я вынужден был выполнять при-

каз» скрывалось твердое убеждение в том, что во всем виновато само время, когда просто нельзя было по-вести себя иначе.

Петер Вайс был уверен, что он бы не поддался обстоятельствам, не позволил бы превратиться себя в палача и садиста. К счастью для себя, он был лишен возможности проверить свою убежденность на практике. Тогда он решил обратиться к истории. Ведь были люди, которые сопротивлялись влиянию обстоятельств и сохранили свою честь. Таких людей Петер Вайс находит среди участников Сопротивления. В первую очередь его интересуют немцы. Это не стремление к национальному самооправданию, а желание рассмотреть самый трудный случай.

Это для нас участники Сопротивления — герои, борцы с абсолютным злом — фашизмом. Но в нацистской Германии они считались предателями, которые вместе с врагами сражались против собственной родины.

Петер Вайс умер девять лет назад. Все последние годы он посвятил грандиозной работе — трехтомному роману «Эстетика Сопротивления». В нашей стране у этой книги не было ни единого шанса. Ее нельзя было переводить, потому что она вторгалась в запретную зону: московские процессы, Троцкий, свобода слова, цензура. Издавать его книгу теперь тоже почти что безнадежное дело, но уже по другой причине: кто ее станет читать?

Почти тысяча страниц, плотный, без абзацев и разбивок, текст. Не поймешь, что это такое: эссе, исторический очерк, искусствоведческое исследование? Автор знает толк во всех этих жанрах. Уже в первых своих повестях и пьесах он бесстрашно экспериментирует с текстами, демонстрируя одновременно способность писать интеллектуальную прозу и искрометные буффонады. Он легко вводит в художественную ткань документ, пытаясь модернизировать классический язык литературы. И он, разумеется, может судить о живописи, потому что сам прекрасно рисует. Его работы выставлялись в Швеции, где он обосновался еще до войны.

Но автор называет все это романом. Конечно, со времен Гоголя автору позволительно избегать кано-

Петер Вайс. Автопортрет

нов в определении жанра своих творений. Петер Вайс искренне считал, что может безболезненно включить историю и политику в эпическое пространство романа. Петер Вайс задался целью описать историю левого движения в Европе с 1917 по 1945 год.

Но кого это еще интересует?

Герои Вайса, коммунисты, подпольщики, бойцы интербригад, жаждут истинного марксизма, очищенного от ошибок и преступлений. Они предъявляют счет партии: «Ужас состоял в том, что партия, задачей которой было работать во имя освобождения культуры, уничтожала своих творцов-мыслителей и оставляла только шаблоны». И требовали от партии обновления.

Но разве есть партия, которая на это способна?

Еще вчера партийная история была средоточием всех духовных и интеллектуальных дискуссий. Возвращение в анналы имен революционеров, признанных когда-то ревизионистами, оппортунистами, соглашателями и социал-предателями, казалось великим достижением. Но только что воссозданный пантеон старых борцов уже накрыт новой разрушительной волной — теперь уже полного отрицания социалистической идеи. Кто же захочет сейчас вслед за Вайсом вспоминать классовые битвы Веймарской республики или подробно ознакомиться с историей рабочего движения Швеции?

Петера Вайса старались привечать в Восточном Берлине и в Москве, переводили и ставили его пьесы, хвалили за то, что «связал себя с передовыми идеями эпохи». В га-

зете «Нойес Дойчланд», центральном органе не существующей теперь СЕПГ, Вайс писал: «Из двух возможностей выбора, которые сегодня остаются для меня, я вижу только в социалистическом строе возможность устранения несправедливостей, существующих в мире. Сам я вырос в буржуазном обществе, и в моей работе, и в личной жизни затратил большую часть времени на то, чтобы избавиться от узости, предубеждений и эгоизма, навязанных мне этой средой». Но Петер Вайс часто огорчал своих поклонников, то выражая сомнения в возможности построения справедливого общества на основе марксистской теории, то выпуская пьесу «Троцкий в изгнании», которая «фальсифицирует историю Октябрьской революции и Советского государства».

Член компартии Швеции Петер Вайс должен был быть для Восточного Берлина и Москвы «своим», но почему-то не стал им. Левые европейские интеллектуалы отворачивались от социалистического лагеря, Вайс же считал социализм позитивной альтернативой окружающей его действительности, пытался доказывать это в своих книгах, но вызывал кислую реакцию в восточном блоке. Его пластическое мастерство и интеллектуальный блеск не радовали Москву и Восточный Берлин. Здесь все же предпочитали простых и надежных пролетарских писателей.

Просиживая день за днем на заседаниях франкфуртского суда, Петер Вайс пытался понять тех, кто охотно сотрудничал с режимом. Работая над романом, он думал о многих других, кто противостоял режиму. Большинство из них были коммунистами. Но они были странными коммунистами. Они черпали духовные силы для борьбы не в «Кратком курсе» и речах вождей, а в овладении богатствами мировой культуры и искусства. В его романе Вилли Мюнценберг (реально существовавший деятель довоенной компартии Германии, убитый товарищами-коммунистами) говорит: «Искусство является средством, способным разрушить косность политических институтов». Освоение искусства, по Вайсу, — это единственная точка опоры в зыбкой атмосфере коммунистического движения: смятение и подозрительность, низкий культурный уровень и отсутствие единства, внутренний распад и террор, подкарауливающий товарищей-коммунистов.

Вайс ничего не утаил, воссоздавая трагическую эпопею левого, коммунистического движения в Европе середины нашего века. Вайс не судья, составление обвинительного акта его не интересует. Он испытывает другие чувства: боль и стыд. Он сожалеет, что светлую и прекрас-

ную социалистическую идею постигла такая судьба. «Эстетика Соппротивления» — это эпитафия коммунистическому движению, написанная рукой соратника.

А как же быть с Соппротивлением? Не перечеркнуто ли и оно расчетом с тоталитарным коммунизмом? Если Сталин был таким же преступником, как Гитлер, если сталинский большевизм был вариантом национального социализма, если войну кто-то называет теперь бойней, устроенной одним фюрером и одним отцом народов, за что превозносить немецких подпольщиков?

Грехи коммунистов послевоенного поколения ложатся на участников коммунистического подполья. Новые восточноевропейские руководители не хотят, чтобы памятники участникам Соппротивления были памятниками и коммунистам, сражавшимся против Гитлера.

Опасности подстерегали участников Соппротивления со всех сторон. Их ловила тайная полиция, они не могли раскрыться перед самыми близкими людьми, боясь обвинений в измене родине, а теперь еще выясняется, что они не тем помогали.

Сталин не был лучшим союзником в борьбе с Гитлером. Но другого не оказалось. Стоит прочитать Петера Вайса для того, чтобы понять нравственный императив участников Соппротивления. В романе Вайса практически нет персонажей-нацистов, за исключением чисто эпизодических фигур. Ему не нужно рассказывать о нацизме, порядочный человек знает, почему должен вступить в борьбу с ним. Вопрос в другом. Патристично ли прибегать к помощи внешних сил? Генералы, пытавшиеся 20 июля 1944 года убить Гитлера, в этом отношении безупречны. Они не сотрудничали с иностранными разведками и не желали победы Сталина и Рузвельта. А как быть с остальными?

Летом 1943 года английские бомбардировщики за три налета почти полностью разрушили Гамбург. Эта воздушная операция ставится англичанам в вину: нельзя было наносить удар по густонаселенному городу, где гибло в основном гражданское население. А вот как воспринимал это немец, который не участвовал в Соппротивлении, но считал Гитлера преступником:

«Те три дня налетов я стоял на крыше моего домика в пригороде Гамбурга. Над головой пролетали английские бомбардировщики. «Наконец-то! — кричал я снова и снова. — Наконец-то!» Союзники слишком долго тянули — Гитлер безостановочно бжедал, собираясь добиться мирового господства. Миллионы убитых лежали вдоль улиц и дорог, по которым проходило его триумфальное шествие. Наконец-то они пришли, англичане! А потом, после отбоя воздушной

тревоги, мне нужно было пройти по разрушенным улицам с полуобгоревшими трупами. Что я тогда испытывал? Ужас и сострадание, конечно. Но я думал также: вы, мертвые, этого хотели и потому принесли смерть нашим детям и тем, кто этого не хотел. И за кого же я боялся во время того налета? За пилотов, которых проклинали другие немцы. Они были смелыми людьми и сделали то, что я от них ожидал и на что надеялся. Я всегда любил свою страну. А тогда мне пришлось желать чуть ли не гибели ее самому красивому городу...»

Был ли этот человек меньшим патриотом Германии, чем тот немецкий зенитчик, который, когда другие орудия уже замолчали, разбитые прямым попаданием, продолжал вести огонь по самолетам британских королевских военно-воздушных сил, сжигающих его родной город?

Эта моральная ловушка становится еще более опасной, если в это уравнение вместо союзников подставить Сталина. Помогая Сталину, подпольщики приближали крушение Гитлера, но уготовили своим соотечественникам в восточной зоне новую сорокалетнюю диктатуру, которая будет свергнута народным восстанием осенью 1989 года. Что же из этого следует? Не было смысла сражаться против Гитлера, чтобы из огня попасть в полымя?

Ответ поищем у Петера Вайса, книга должна скоро выйти в русском переводе. В «Эстетике Соппротивления» много страниц посвящено «Красной капелле» — подпольной группе, которая передавала советской разведке самую секретную информацию о военных планах вермахта и экономическом потенциале Германии. Повествование приведет читателей в гестаповскую тюрьму, куда бросили участников «Красной капеллы», и на место казней в Плетцензее. Читатель может провести несколько минут вместе с «изменниками и шпионами», которых сейчас казнят. Они сознают свой долг: порядочный человек обязан бороться с тираном в своей стране. В конечном счете их борьба привела к освобождению Германии.

В подлые времена человеку бывает трудно и страшно принять решение. Гнущься или сопротивляться? Вайс написал не исторический очерк, а роман. Его интересуют вечные истины, уроки на все времена. Среди них нравственный императив Соппротивления — борьба с любой диктатурой, любым преступным режимом.

Можно ли укрыться от этой схватки? Не сотрудничать с режимом, но и не бороться против него? Бежать? Спрятаться в глухой деревушке или в башне из слоновой кости?

Конечный пункт бегства — все та же развилка. И все тот же выбор. Гнущься или сопротивляться?

Леонид Млечин

День после проводов

Уезжают друзья, знакомые. И ничего будто не меняется. Просто гаснут окна, не отвечают телефоны...

Побледила луна, посерело небо... Светает. Вот и солнечный луч пробрался ко мне на кухню. Высветил пятна протечек на потолке, скользнул по шербатым стенам. Разваливается потихонечку панельная скорлупка.

Оживает, просыпается мой мирок: засуетились вокруг холодильника кошка с собакой, грохнул на лестнице лифт. Разбегается народ по делам. И мне бы надо...

На столе лежат неубранные после ухода Юли фотографии. Вот весь наш класс. Сорок человек. У

каждого на груди звездочка с изображением кудрявого мальчика. Непосвященный в таинства наших обрядов вряд ли сможет определить, кто это. Четверо осталось сегодня в стране из 1-го «Б». Уже без Юльки...

Юлька заходила прощаться. Она полна планов. В будущее смотрит с оптимизмом. Уже точно знает, где будет работать, сколько зарабатывать. Называла астрономические цифры.

Уезжала она основательно. Вперед поехали самые молодые, здоровые, энергичные, захватив с

собой научные разработки Юли и ее мужа. Там — в Америке — ими заинтересовались. Все вроде бы хорошо. Она даже точно знает, в какой школе будут учиться дети. Но...

Юлька вдруг замолкала, потом опять начинала говорить:

— Ты остаешься. Ты еще веришь? Кому?

Что я могла ей ответить? Что — гласность? Плюрализм? Демократизация? А что гласность, что плюрализм? И какова цена демократизации, если... Впрочем, что это я? Мне — пора. Хозяйство... Теперь оно отнимает столько сил, столько времени... Юлька уехала... Мы всегда вдвоем ходили. Веселее было, сподручнее.

В химчистке выясняю, что зал самообслуживания давным-давно не работает. Значит, надо выстоять длинную очередь на сдачу. Приемщица объясняет:

— Плохо чистим? Это потому, что химии нет. Экономим валюту. Да вы вещи-то держите при себе, не раскладывайте. Воруют. Прямо из-под рук.

Она на удивление любезна. Утро: еще не вызверилась.

Отделавшись от химчистки, отправляюсь на почту — не доставляют журналы. Дородная почтальонша жалуется: от постоянного таскания тяжестей у нее опущение желудка случилось. Тележек, машин не дают. Зарплату не прибавляют. А почему не доставляют журналы, она не знает. Впрочем, ее незнание меня не очень расстраивает. Я с трудом заставляю себя сейчас читать прессу — сил не хватает.

Кто мы здесь? Почему мы здесь? Зачем нас выплюнула на свет божий природа-мать?

— Скажешь, я «крыса»? Бегу с тонущего корабля? — с тревогой спрашивала меня Юлька. — Уезжать я не хочу, но и позволить себе остаться не могу. У меня дети. Не хочу растить кроликов для экспериментов. И не хочу больше ничего строить. Жизнь одна, и я хочу — жить.

Юлька имеет право на такой шаг. Это право оплачено жизнями нескольких поколений ее семьи. Дед Юли вернулся из эмиграции «строить». И строил. С тридцать седьмого по пятьдесят третий. На лесоповале. В пятьдесят седьмом умер. Бабушка тоже с тридцать седьмого «строила». За то, что была женой дедушки. Прошлым летом она умерла... У нее был перелом шейки бедра, Частая, к сожалению, болезнь стариков: хрупкость костей. В больницу не взяли, чтобы статистику не испор-

тять. Два месяца она непрерывно кричала. Соседи милицию вызывали: думали, истязают кого-то.

Врач не мог выписать ей сильных обезболивающих: с таким диагнозом наркотические средства не полагаются. А достать их без рецепта невозможно ни за какие деньги. Она есть не могла от боли. В короткие просветы твердила, чтобы внуки с правнуками уезжали: это гиблое место, здесь не только жить, здесь и умереть по-человечески невозможно.

— Гуманный социализм у нас еще не наступил, — убеждала меня Юлька. — Ты уверена, что доживешь до него? Какую цену заплатит каждый за свою долю социалистической гуманности? Посмотри на себя в зеркало. На кого ты похожа? А Лешу с Таней видела? У меня синие дети! У одного гастрит, у другой колит. А голода-то еще нет...

Погрузившись в грустные размышления, я продолжаю свой «хозяйственный» маршрут. По дороге с почты тыкаюсь в табачный киоск. Юлька мне оставила талоны. Царский подарок. Есть «Беломор»... Купить, что ли? Мне вроде не надо... Подарю кому-нибудь... Наискосок от киоска виднеется школа. Обыкновенное красное кирпичное здание. У подъезда, спрятавшись за мусорным контейнером, курят старшеклассники...

— Мама, а что такое «еврей»? — спросил у Юли сын, возвратившись первый раз из первого класса этой школы. А через несколько дней пожаловался, что с ним никто не хочет сидеть за одной партой.

— Что вы хотите, у мальчика такая фамилия, — раззявила первая учительница Алеши его родителям.

— Что касается чувств, то мы их оставили при себе, — заключила Юлька. — У нас ведь, знаете, национализм, что бытовое, что глобальный, замечается только тогда, когда надо обвинить каких-нибудь демократов.

Помню, в программе «Время» показывали, как президент Миттеран шел во главе демонстрации под антинационалистическими лозунгами. Кто-то тогда надругался над еврейскими могилами во Франции. В этой же программе рассказали, что президент Буш резко выступил против антиарабских настроений в Америке. Там побили стекла в витринах нескольких магазинов и кафе, принадлежащих арабам... У нас национальные чувства задевать начинают в момент выдачи «серпастого-молоткастого»: надо указать национальность в паспорте. Многим приходится скрывать свое истинное происхождение. Это было даже статьей дохода у паспортников. Впрочем, времена меняются.

Меняются ценности. Но паспортники не остались без доходов. Только теперь от них требуется прямо противоположное...

— Хватит. Не хочу. Не хочу, чтобы мои дети росли ущербными! Им нечего стесняться своего прадеда, фамилию которого они носят. Его расстреляли большевики за то, что он был образованным, интеллигентным, состоятельным человеком. А капитал пустили по ветру.

Большевистский ветер все еще дует в нашей стране. Он выдувает напрочь наши кошельки, опустошает сбережения... Вне зависимости от национальной принадлежности их владельцев. Юлька права.

Миновав школу, автоматически захожу в аптеку. Мы ведь теперь покупаем все, и лекарства в том числе, не потому, что нужно, а потому, что не будет, когда понадобится. У полупустого прилавка с надписью «Дезинфицирующие средства» молодая мамаша с ребенком. Улучив минуту, когда народ разбрелся по другим отделам, она что-то тихо спрашивает у провизора. Слух невольно ловит:

— Педикулез...

Вши — по-русски. Бедная. Ее ребенок стал очередной жертвой «чистоты» детских учреждений. Она уходит с пустыми руками...

— Знаешь, — Юлька злилась, — есть минимальная, а есть необходимая степень личной независимости. Так вот для меня это — право на личную гигиену. Алеша за тот короткий промежуток времени, что учился в школе, подцепил вшей. Заразилась и Танечка. Долго мы их лечили. Сначала думали, что вода плохая, потом доктор сказал, что авитаминоз... Чем только мы ребят не травили! В конце концов кто-то принес отечественный шампунь «Бим». Для кошек и собак. Уничтожает вшей, блох, власоедов, клещей... Заодно он еще бог знает во что превращает волосы и кожу. Потом мы обрили наголо обоих.

Юлька еще способна злиться! Тараканы, клопы, прочую живность можно приобresti в больнице, в гостинице, в поезде... Где угодно! На днях в продовольственном магазине по моим ногам прошлась крыса. Спокойно и уверенно.

«Скажешь, я «крыса»?» — вспомнилось вдруг.

Нет. Не скажу. Не балованные мы — люди Страны Советов. Нужно-то всем нам не так уж и много. Минимальную степень независимости, личной свободы. Юлька тоже хотела в этой стране жить так, как она считала нужным. Но независимость — немислимая категория для нашего социалистического сознания.

Они с мужем создали кооператив. Своими руками построили дом

в деревне, завели ферму... Кооператив разогнали. В связи с «саботажем» — слово такое опять вспомнили.

Саботаж у нас действительно есть. Более того, есть тотальный саботаж. Но его не там ищут. Он — в каждом отдельном гражданине Советской страны. Каждое слово, каждая инициатива властей воспринимается в штыки. Люди стараются не нарушать законы, а избегать ситуаций, в которых необходимо ими пользоваться...

Неужели я еще верю? Во что? Почти через шесть лет после аварии на Чернобыльской атомной станции, после многочисленных достижений отечественной гласности — репортажей о несчастных больных детях, выключивающих деньги на собственное лечение, — вдруг новый поворот темы: а так ли уж поражены эти пораженные радиацией территории?

Может, я ступаю краски? В воздухе навис удушливый запах то ли горячей обмотки, то ли еще чего-то. Ветер опять в нашу сторону. Запах этот давит, раздражает глаза, вызывает тошноту, странное ощущение беспокойства. Знакомый врач сказал мне, что это признаки отравления.

— Чего ты ждешь? Следующей «волны»? — спрашивала меня Юлька.

Действительно, чего я жду? Так и не найдя толкового ответа, продолжаю свой привычный бег по магазинам. В третьем по счету встречаю хлеб. В пятом — с боем отхватываю кусок колбасы. Не слишком отягощенная добычей, иду домой. Про себя прикидываю, смогу ли драться в очереди за хлебом, если голод будет. Видела я как-то драку за яйцами...

Чем хвостатых накормить? Вот задача. Собака еще полбеда. А кошка... Ее не проведешь. Никак не могу доказать ей, что добытая с таким трудом колбаса и в самом деле съедобна. Не ест.

День ушел. В печальном перезвоне весенней капли растаяли последние его отзвуки. Ночь. Юлька вчера заходила. Прощаться. Уже вчера?

Скоро Саша приедет. Тоже прощаться. Они с женой и дочкой в Минске живут. У девочки плохо с кровью. Пока положение не критическое.

Что-то нервов стало не хватать на все эти прощания и проводы. Уехало уже столько друзей, знакомых. И ничего будто не меняется. Просто гаснут окна, не отвечают телефоны. Словно не было людей. Так, раз в полгода, письмом, весточка с оказией.

Ярослава Рахманова

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Статья выдающегося русского юриста Иосифа Покровского вновь возвращает нас к тому направлению в отечественной политической мысли, которое защищало идею права, правового государства и правовой культуры. Но, занятые столь благородным делом в течение долгих лет — еще задолго до эпохи исторического материализма, — это направление нередко оказывалось зажатым в тиски между казенщиной режима и нигилизмом радикалов, социалистов и анархистов. Обе силы, правые и левые, особенно в крайних своих ипостасях, как бы поддерживали друг друга: вспышки радикализма вызывали жесткие меры властей, а эскалация конфликта только способствовала росту политического напряжения, тормозя освободительный импульс, общенный российскому обществу александровскими реформами. Демократизация и либерализация общества

сдерживались революционаризмом одних и косностью других. Но все-таки развитие шло, рос экономический потенциал страны, развивались общественные слои и группы, складывалась социальная инфраструктура, совершенствовались, несмотря на все зигзаги, правовая и политическая системы общества, разрастался «культурный слой». Тот факт, что Россия от рубежа XIX и XX веков и до 1917 года дала миру целую плеяду замечательных мыслителей, политиков, ученых — социологов, правоведов, философов, — достаточно красноречив. Но война, кризис и общественно-политические взрывы 1917 года направили развитие общества в совершенно иное русло. В русской революции 1861—1917 годов надолго победила реакция...

Иосиф Покровский в статье, опубликованной в 1918 году в сборнике «Из глубин», как бы принимает эстафету от Богдана Кистяковского, писавшего на ту же тему десятилетием раньше в «Вехах» («НВ» № 20/90). Заметим, что книга «Из глубин» продолжает «веховскую» тра-

дицию, но уже с опытом пережитой катастрофы. Его авторы — в большинстве своем участники и «Вех», статьи в которых вместе с более ранним изданием, сборником «Проблемы идеализма» (1902 г.), действительно стали важнейшими вехами в движении российской политико-философской мысли.

Профессор Покровский — фигура, увы, почти совершенно забытая. Забытая незаслуженно. Из жизни он ушел рано (между прочим — в один год с Б.Кистяковским). Ушел, когда его творчество выходило на круто восходящую траекторию. В некрологе в альманахе «Дела и дни» о Покровском говорится как о человеке и мыслителе, принимавшем близко к сердцу беду и недуги Отечества. Наверное, это сказалось и на судьбе мыслителя. Он умер от приступа стенокардии — среди голода, притеснений, разрухи, принесенных разбушевавшимися страстями. А тема публикуемой статьи — одной из последних работ ученого — как раз разруха, та самая, которая, по словам булгаковского героя, начинается в головах.

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

Как и у «веховцев», статья Покровского содержит суровую критику «интеллигенции» — именно так, «интеллигенции» в кавычках, — потому что речь идет не только и не столько о социальном слое, сколько об определенной его части, зараженной разрушительными идеями, и о том, что Мережковский называл «гордыней ума», не контролируемого ни нравственными императивами, ни правовой идеей. Именно она и привносит в мышление чувство социальной ответственности, которой лишены бунтующая бессознательность толпы и ограниченная «революционная сознательность» ее вождей...

Перуново заклатье

Иосиф Покровский (1868 - 1920)

С таринная новгородская легенда рассказывает: когда новгородцы при Владимире Святом сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: «Вот вам, новгородцы, от меня на память». С тех пор новгородцы в урочное время сходятся с палками на волховском мосту и начинают драться как бешеные...

Так мстил низверженный Перун новгородцам: выходило так, что новгородцы, сбросив его, стали управляться в конечном счете палкой.

Но ограничилась ли месть Перуна одними только новгородцами? Увы, мы знаем теперь, что нет: злое заклатье легло на весь русский народ и на всю до сих пор его историю. ...Вечевое народоправство сменилось палочным самодержавием — жезлом Ивана Грозного, дубинкой Петра Великого, пшипругами Николая I. Наступившее недавно «освобождение» завершилось «диктатурой пролетариата», и снова повторяется, но уже в огромном всероссийском масштабе, нарисованная выше картина старорусского «народоправства»... Разница, конечно, в том, что вместо сравнительно скромных архаических палок теперь действуют... пулеметы, да вместо маленького волховского моста у нас появилось множество больших внутренних фронтов...

Палка Перуна гуляет. Либо мы сами себя неистово колотим, либо нас неистово колотят, иного способа жить вместе, иного способа осуществлять свое национальное «самоопределение» мы как будто не знаем.

Переход от монархии к республике является вообще

моментом критическим и опасным... Современные социологи отмечают, что демократизация государства приводит сплошь и рядом к ослаблению психологического влияния власти и психологической силы закона. ...Ведь в сущности всякий демократический и парламентарный режим есть не что иное, как господство критического духа; в этом его самое лучшее и самое худшее...

При таких условиях совершенно понятно, что наш русский революционный переход от монархии к народоправству представлял в этом отношении исключительные опасности. Весь вопрос заключался в том, сумеет ли наш народ сразу и быстро, в необыкновенно трудной обстановке, в деле порядка и повиновения перейти от иррациональной основы к рациональной, сумеет ли он уловить свои подлинные национальные интересы и водворить в своих рядах надлежащую дисциплину... Если можно было на что надеяться, так только на здоровый инстинкт народа, да... на разумное руководство им со стороны интеллигенции.

Уже давно отмечался слабый интерес нашей интеллигенции к вопросам права. Правда, за последнее время положение дела как будто несколько улучшилось, но...

Интеллигенция... идеалистического лагеря страстно и, надо думать, искренне ищет абсолютного добра и абсолютной правды... доходит даже до глубочайшего религиозного пафоса. Но в то же самое время в деле практического устройства жизни она оказывается какой-то беспомощной, а иногда даже, приходится сказать, и бесчувственной. Ища абсолютной правды, она

совсем не обращает внимания на тот мир относительно, в котором мы живем; жажда абсолютного добра, она плохо следит за тем практическим путем, по которому нам по необходимости приходится идти. Вследствие этого часто случается, что мы, как бы ослепленные нашим внутренним видением, идем напролом, безжалостно сокрушая множество таких ценностей, которые мы сами хотели бы утвердить. Ради «дальнего» мы душим «ближнего», ради свободы мы совершаем бездну насилий. И так получается то, что, погруженные в мечты о насаждении царства Божия на земле, мы совершенно не умеем устроить нашего обыкновенного нынешнего царства. ...Мы свысока и с презрением относимся к праву. Мы целиком в высших областях этики, в мире абсолютного, и нам нет никакого дела до того в высокой степени относительного и несовершенного порядка человеческого общения, которым является право...

Но и для другой стороны, для материалистического лагеря нашей интеллигенции, право также не имеет самостоятельной ценности. История человечества движется не такими или иными идеями о правде и справедливости, а чисто материальными силами — интересами общественных групп и классов; право лишь санкционирует созданное

борьбою этих интересов фактическое соотношение сил... Если верховным критерием политики является наиболее полное осуществление классовых интересов пролетариата или крестьянства, то с этой точки зрения всякие правовые нормы или гарантии... (например, гарантии правосудия, недопустимость смертной казни и т.д.) связывают действие пролетариата или крестьянства, или ими поставленных властей. Тогда они (эти гарантии) нежелательны, вредны и тягостны. И вот, таким образом, право оказывается просто некоторым барьером, за которым прячутся, пока приходится обороняться, но который является помехой, как только почувствуют достаточно силы, чтобы перейти в наступление. Поэтому в устах представителей этого лагеря речи о праве имеют всегда неискренний характер... То, что они в сущности признают и перед чем они в действительности преклоняются, есть исключительно сила: прав, поскольку силен. Опыт русской революции с ее «диктатурами», «революционным правосознанием», «правотворчеством снизу» и разными другими тому подобными вещами подтверждает сказанное самым наглядным и ощутительным образом...

Мы знаем, что уже с самого начала революции было немало людей, которые предостерегали против бесцеремонного обращения с правом, которые звали народ к дисциплине и строгому соблюдению порядка и законности, но их голоса были скоро заглушены. «Сила крика» осталась за теми крайними флангами обоих направлений, о которых была только что речь и в которых равнодушие к праву переходило в прямое отрицание...

...Действительность превзошла, однако, самые мрачные опасения. «Материалистическое понимание истории» претворилось в грубейшее материалистическое понимание жизни... Пренебрежение к «идеологическим надстройкам» выросло в чудовищную враждебность ко всему, что носит на себе печать интеллигентности и культуры.

Классовый эгоизм совершенно вытравил представление о государстве и народе как целом. «Пролетариат», как особый класс, границы которого, впрочем, так и остались неясными, выделил себя из общего тела народа и занял по отношению ко всему остальному нетерпимое, воинствующее положение. Классовая борьба вылилась в самую озлобленную ненависть ко всему, что «не с нами». Нет народа, а есть только мы, «пролетарии»; все другие либо вовсе не должны существовать, либо должны нам беспрекословно служить. Так обри-

совалась... «диктатура пролетариата»: озлобление и ненависть составляют ее душу, разрушение — ее стихию, всеобщее рабство — ее результат...

Когда этот дух безудержного классового эгоизма, вызванный общей социалистической проповедью, стал приносить свои грозные плоды, часть самой социалистической интеллигенции пришла в смущение и стала звать назад — к идее отечества, к поддержанию порядка, к дисциплине в труде. Но народ уже ее не слушал... Быть может, в некоторые «светлые промежутки» у отдельных вожаков большевизма и мелькала мысль о необходимости остановиться и начать делать хоть какую-нибудь положительную работу (в такие минуты мы слышим даже от них по адресу пролетариата призывы к труду и дисциплине), но на этом пути положительного строительства они роковым образом были обречены на неудачу...

Так продолжается и поныне...

Вот к чему привело «учительство» нашей социалистической интеллигенции! В великий героический момент призванная провести свой народ через все исторические искушения и опасности, она сама ввергла его в пропасть и выдала его врагам. Обязанная помочь народу в деле творческого устройства нового свободного уклада, она вместо этого

вызвала всенародную гражданскую войну и анархию. Как зарвавшийся биржевой игрок, увлекшись погоней за еще невиданным на земле социальным строем, она проиграла тот дар свободы, который народ уже имел. Вместо благородного величия освободившегося гения она явила миру низость взбунтовавшегося раба, а русский народ выставила в виде опьяневшего Калибана на позор всему миру и всем векам.

Велик грех, велико должно быть и искупление... Не буду говорить о необходимости безусловной честности и искренности в проповедовании своих идей; но и при этом условии мы должны помнить, что сплошь и рядом высказанная мысль вызывает в коллективной психологии масс совсем иные эффекты, чем те, которые вытекают из объективного содержания самой этой мысли. Всякое умственное общение есть двухсторонний процесс, зависящий от свойств и особенностей психического аппарата обеих сторон, и, если мы хотим добиться правильного понимания нашей мысли, мы должны считаться с особенностями аппарата воспринимающего. В противном случае могут получиться самые прискорбные побочные психологические рефлексии и ужасающие искажения, как это случилось ныне с такими понятиями, как демократия, социализм, буржуазия и т.д. Мы должны помнить вообще, что коллективная психология есть нечто в высшей степени сложное, полное явлений иррациональных и капризных: иной раз легко вызвать в ней бурю, но трудно эту бурю потом утишить.

Однако первое, что должна сделать наша интеллигенция, — это честно и тщательно пересмотреть свой собственный идейный багаж... признаться, что в нынешних тяжелых испытаниях она оказалась несостоятельной даже с точки зрения своей интеллигентности, т.е. с точки зрения своих знаний и своего понимания. Она оказалась полужающей, а иногда и вовсе не знающей того, за разрешение чего... так смело бралась. Надо, таким образом, прежде нежели учить других, тщательнее поучиться самим. И прежде всего, полагаю, надо изменить свое отношение к идее права.

В частности, материалистическому лагерю нашей интеллигенции надо подумать о следующем. Утверждая, что пролетариат или крестьянство вправе добиваться осуществления своих классовых интересов только потому, что это суть его интересы, вы ставите этим самым защищаемые вами интересы этически на одну доску с интересами прямо противоположными. Интерес капи-

талистов или помещиков при такой постановке вопроса этически так же законен, как интерес рабочего: там класс и здесь класс, и если тот класс вправе бороться за свои интересы, то не менее вправе делать то же самое и этот. Не признавая над интересами и классами никакой высшей этической инстанции, вы разрешение подобного столкновения интересов предоставляете исключительно борьбе, т.е. факту, силе. А при таких условиях и ваш противник может сказать: если так, то мы еще посмотрим, кто кого — вы ли меня, или я вас. Другими словами, вы сами своим учением оправдываете и борьбу против вас, вливаете в душу противника нравственную энергию, сознание своей правоты.

В действительности вы, конечно, такой этической равноправности капиталиста или землевладельца не допускаете; вы считаете требования рабочего или крестьянского класса более правильными, более заслуживающими признания и одобрения. Почему? Какие бы основания ни выдвигались при этом, все равно вы должны признать, что, прибегая к этим основаниям, вы оставляете вашу голую теорию интересов, как таковых, и подвергаете мысленно борьбу за них некоторой высшей этической оценке. Над борющимися интересами вы невольно мыслите какую-то высшую надклассовую инстанцию, которая одно одобряет, другое отвергает — независимо от того, что из них побеждает в фактической борьбе. Перебирая мысленно претензии противников, вы невольно про одни из них думаете: этого он *вправе* требовать, а про другие: этого он *не вправе*.

Вы, таким образом, сами против своей воли оперируете понятиями «право» и «неправо». Да иначе, конечно, и быть не может. Ведь не всякий свой интерес вы лично признаете правым и подлежащим осуществлению; некоторые ваши интересы вы сами отвергнете как недопустимые по тем или иным основаниям. Но то же самое нужно сказать и относительно интересов целых общественных групп или классов. Ведь и у этих последних могут быть такие интересы, которые придется признать недопустимыми, например, интерес в привилегированном, эксплуататорском положении по отношению к другим группам. Если до сих пор в этом были повинны классы капиталистов или помещиков, то в будущем могут возникнуть такие же эксплуататорские поползновения в классе промышленных рабочих по отношению к земледельцам или, наоборот, в классе квалифицированных рабочих по отношению к неквалифицированным или наоборот и т.д. До тех пор, пока род человеческий будет несовершенным, всяческие конфликты на этой почве неизбежны, и потому даже по отношению к целым группам, классам, обществам необходимо твердо помнить известное правило: *не на все то, в чем мы имеем интерес, мы имеем уже и право*. Критерий права доминирует, таким образом, над критерием интереса и составляет такое понятие, без которого мы не можем ни мыслить, ни действовать...

Недовольство существующим правопорядком несколько не оправдывает небрежения к праву вообще: если нынешние оценки правого и неправого ошибочны, то тем необходимее разработка и выяснение новых, верных. Как бы ни рисовался нам будущий желательный социальный строй, он прежде всего должен быть оправдан как строй правый и справедливый; без этого он будет ощущаться всеми, даже теми, для кого он выгоден, как голое насилие. Если дифференциация труда не исчезнет, то не исчезнет в обществе и известное деление на группы с особыми интересами каждой, и если мы не хотим, чтобы сожительство этих групп представляло из себя непрерывную междоусобную войну, мы должны регулировать их сотрудниче-

ство на известных справедливых, правовых основаниях...

Конечно, право есть порядок внешний и условный, но это не значит, что оно есть нечто, по существу, для человеческого общения ненужное...

Людям же как-никак нужно жить вместе, а для этого нужно создать такой условный порядок взаимных отношений, при котором каждой личности была бы гарантирована в одинаковой мере возможность ее физического и духовного существования, возможность нравственного совершенствования...

Ведь всякое общежитие есть непременно сотрудничество, а всякое сотрудничество предполагает известное упорядоченное приложение сил и организацию. Пусть в каком-нибудь тесном обществе все члены его любят друг друга и готовы всячески помогать друг другу, но, если им нужно сделать совместными усилиями какую-нибудь общую работу, им необходима упорядоченная организация труда, иначе самоотверженные, но несогласованные усилия всех израсходуются бесплодно... Право дает такую необходимую организацию, и в этом качестве оно никогда не утратит своей необходимости для всякого человеческого общежития...

Таким образом, более внимательное размышление должно убедить наших идеалистов в том, что отрицание права или небрежение к нему отнюдь не вытекает из существа их идеалистического мировоззрения; оно объясняется, напротив, лишь их собственной недостаточной внимательностью к некоторым сторонам этого последнего. Когда же эта ошибка будет исправлена, они сами увидят, как много ценного и важного для правового устройства жизни они со своей точки зрения смогут сказать.

Правовая и государственная организация создается, как известно, коллективной, соборной в широком смысле слова, психической деятельностью народа. Есть народы, которым это созидание дается относительно легко и просто — разумная самоорганизация как будто у них в крови; и есть народы, которым оно дается с большим трудом, путем тяжких и мучительных испытаний... Сколько тяжелых и постыдных страниц вписали мы в свою историю исключительно благодаря нашему неумению разумно столкнуться друг с другом, благодаря нашей роковой склонности «раздираться на части»! В настоящий момент мы вписываем, быть может, страницу самую постыдную...

В тоске оглядываешься кругом: где же спаситель? И какой-то голос подсказывает: он там, в том же русском народе, ныне столь яростно рвущем себя на клочки; он там — в его здоровом инстинкте и здоровом смысле, ныне столь затуманенном и извращенном налетевшими на него крикливыми лозунгами. Он там, ибо сам народ еще не сказал своего слова: за него пока говорили другие. Оторопев от внезапности и колоссальности совершившегося переворота, он пока молчал, ждал и думал, и тут-то налетели на него эти другие, перевернули его мысли, разбудили в нем зверя...

Ему дали попробовать... братской крови... И вот, отравленный ею, он мечется в каком-то безумном отчаянии из стороны в сторону, от одного убийства или грабежа к другому, а они это нравственное отчаяние принимают за социализм!..

Кошмар пока растет и ширится, но неизбежно должен наступить поворот: народ, упорно, несмотря на самые неблагоприятные условия, на протяжении своего здравому смыслу, строивший свое государство, не может пропасть. Он, разумеется, очнется и снова столетиями начнет исправлять то, что было испорчено... Народ скажет еще свое слово!..

Социалисты разбудили в народе темные инстинкты и вспоминают о праве, лишь когда хотят подчинить себе массы

Он чем-то напоминает Фишера

Около девяти вечера 20 января претендент на шахматную корону Василий Иванчук появился в небольшом комфортабельном отеле «Ридзене» в центре Риги. Он оставил вещи в номере и отправился со своим тренером мастером спорта Феликсом Левиным поужинать в ресторан. Там же в банкетном зале находились Председатель Верховного Совета Латвии Анатолий Горбунов, маршал Сейма Польши, множество дипломатов и иностранных журналистов.

В начале десятого в гостиницу ворвались омовцы и открыли беспорядочную пальбу, прошивая автоматными очередями стены и окна. Это был тот самый трагический вечер, когда рижский ОМОН пошел на штурм МВД республики... В ресторане погас свет; телохранитель польского маршала сделал предупредительный выстрел. «Черные береты» не решились на захват банкетного зала, посетителей удалось эвакуировать на кухню. Между тем омовцы вломались и в соседнее здание, установили в окне второго этажа пулемет и прямой наводкой открыли огонь по дому напротив — министерству внутренних дел Латвии.

После таких переживаний Иванчук и его команда собрались было покинуть Ригу, а матч с Леонидом Юдасиным сыграть где-нибудь в другом месте. Но на следующее утро Василий все же решил остаться.

Гроссмейстер Юдасин, прибывший в Ригу утром 21 января, тоже не из робкого десятка, а его тренер международный мастер Александр Черепков — человек и вовсе бесстрашный: сражался с фашистами на многих фронтах, был дважды ранен, награжден боевыми орденами и медалями!

Словом, матч состоялся. Итог его впечатляющий, почти «фишеровский» — 4,5:0,5 в пользу Иванчука (играли на большинство из 8 партий). В чем секрет триумфа?

Феликс Левин: «Иванчук — короткий самородок. В игре и в анализах он часто непредсказуем, вели-

колебно считает варианты, уверенно чувствует себя в осложнениях. Нередко он даже не смотрит на доску — фигуры и пешки ему только мешают. Василий еще в детстве поража́л всех тем, что без доски решал сложные этюды. К тому же он феноменально работоспособен. Во время матча мы готовились к партиям почти все свободное от игры время. Другой шахматист мог бы «сломаться», но Иванчук привык к такому режиму работы. И

весьма необычны. Порою Вася бывает настолько углублен в себя, что может не заметить находящегося рядом человека. Он поразительно талантлив, даже гениален в шахматах, но помимо этого его мало что интересует».

Так что же, тренеры не видят у молодого гроссмейстера шахматных недостатков? «Кое-какие есть, — признает Феликс Левин. — Иногда случаются безвольные партии. В целом же, чтобы его победить, надо придумать что-то такое, чего он не видел. То есть удивить (а это дьявольски трудно) да еще и сломить психологически. По стилю игры Иванчук напоминает Роберта Фишера (он и родился, как Фишер, под знаком Рыбы — 18 марта). Он тоже играет с удвоенной энергией ради побед и чересчур эмоционально переживает поражения. Не уверен, правда, что даже сам Фишер видел за доской и в анализах так много, как Вася...»

«Ну, это уж слишком! — протестует Иванчук. — Можно подумать, будто мы видели, как иг-

рает и анализирует Фишер! Феликс, конечно же, сильно меня приукрасил».

Сильно или нет — покажет время. В августе Василию Иванчуку предстоит четвертьфинальный матч с москвичом Артуром Юсуповым. Соперник, которому чуть за 30, также имеет печальный «опыт»: в прошлом году в него стреляли грабители...

В трех других поединках встретятся: 40-летний экс-чемпион мира Анатолий Карпов — с одаренным индийцем Висванатханом Анандом (ему всего 21 год); 23-летний минчанин Борис Гельфанд — с 26-летним Найдзелом Шортом (Англия); ровесник Карпова голландец Ян Тимман — с неутомимым Виктором Корчным (Швейцария), отметившим 23 марта свой 60-летний юбилей.

Все они будут играть в Брюсселе, где, надо полагать, обойдется без автоматных очередей.

**Владимир Федоров,
Дмитрий Плесецкий**

Фото Бориса Долматовского
(Журнал «Шахматы в СССР»)

Львовский студент Василий Иванчук может вмешаться в «вечный» спор между Гарри Каспаровым и Анатолием Карповым за мировое первенство. На днях 22-летний гроссмейстер одержал блистательную победу в супертурнире в Линаресе, обыграв и Каспарова, и Карпова! Рейтинг львовянина (2735) уступает теперь лишь космическому рейтингу чемпиона мира (2800). Как знать, не доведется ли им встретиться в матче 1993 года? Для этого Иванчуку надо пройти через сито жесткого претендентского отбора. Первый матч, с 31-летним ленинградцем Леонидом Юдасиным, проводился в январской Риге...

еще: когда соперник допускает ошибки, Василий их не прощает».

А вот что говорит об Иванчуке его прежний тренер, мастер Михаил Некрасов: «Василий «дышит» шахматами по 15 — 20 часов в сутки. В его голове постоянно крутятся различные позиции — идет непрерывный анализ. Шахматы для него своеобразный наркотик, без которого он просто не может жить. Его психика, восприятие внешнего мира

Незадолго до референдума о судьбе Союза сопредседатель Гражданского движения Казахстана «Азат» **Марат Чорманов** выступил в независимой общественной-политической газете республики «Бирлесу» с программным заявлением своей организации. Он объявил, что главная цель «Азата» — «обречение Казахстаном государственного суверенитета в рамках сотрудничества свободных независимых государств, объединенных международным союзным договором». В качестве одного из примеров будущего построения этого сотрудничества Чорманов привел Европейское сообщество. Республики, по его мнению, должны стать «субъектом международного права со всеми вытекающими отсюда последствиями».

Хотя в других республиках о неформалах Казахстана знают мало, они существуют и создали с десяток партий и движений: от национально-демократической партии «Желтоксан» до Движения «зеленых». Наиболее развито демократическое движение — социал-демократическая партия Казахстана, «Партия Справедливости», интердвижение «Единство», Гражданское движение «Азат». Марат Чорманов говорит, что сейчас идет поиск точки соприкосновения.

Что касается отношения неформалов к властям, то его Чорманов характеризовал так: «Кое-кто поет Нурсултану Назарбаеву дифирамбы, в которых этот сильный политик не нуждается. Что ему действительно необходимо, так это поддержка и практическая помощь единомышленников — мыслящих и энергичных».

Советские колдуны, чародеи, маги, знахари и экстрасенсы съехались

в Таллинн и в соответствии с законом об общественных организа-

циях создали «Ассоциацию белой и черной магии». Возглавил ее колдун **Альберт Степанян**.

— Мне это «звание» дали сами люди, — утверждает президент. — Так что меня можно считать народным колдуном.

Альберт говорит, что относится к добрым колдунам: еще никому его дар не принес зла. Трудно сказать, можно ли рассчитывать на добро и милосердие «черных» магов, поклоняющихся дьяволу,

но ассоциация под руководством Степаняна занялась прежде всего благотворительностью и лечением страждущих. Проведены лечебные сеансы в Таллиннском обществе диабетиков. В результате, утверждает Степанян, у 72 из 200 человек уровень сахара в крови снизился до нормы. Маги посетили и колонию общего режима города, чтобы «открыть души заключенных». Планируются поездки в Нарву, Тарту, Кохтла-Ярве.

В ассоциации работают в основном люди с медицинским образованием. Но сам Степанян, по его словам, получает знания и силы из космоса. Спектр болезней, которые он может исцелять, велик. Бывали случаи, когда он лечил людей по фотографии. Утверждает, что и его фотография тоже лечит, если он «вошел в определенное состояние», когда его снимал фотограф. Отнюдь не солидаризируясь с «Советской Россией» и не желая копировать опыт «Вечерней Москвы», «НВ», со слов Степаняна, утверждает, что фотография выше «заряжена» целебными свойствами.

В скором времени выйдет в свет книга Степаняна «Секреты магии и старинные рецепты». Вслед за ассоциацией откроются «Школа магов и чародеев», а также «Школа знахарей».

Защищает заветы Фучика

Прежде чем стать уборщиком пассажирских вагонов на пражском вокзале, 44-летний **Ян Елинек** тринадцать лет работал в редакции газеты чехословацких коммунистов «Руде право». После того как он выразил свое несогласие с изменившимся курсом издания, переставшего быть органом КПЧ, Ян остался без работы. Своей нынешней работы не стыдится — мыть вагоны тоже кто-то должен, считает он. Помимо этого занимается общественной работой.

— Мы вынуждены отбиваться от усиливающихся атак экстремистов, желающих перечеркнуть даже положительные моменты в истории партии, стремящихся предать забвению многие достижения Чехословакии в области обеспечения социальных гарантий трудящихся в период социалистического развития, очернить наши интернациональные традиции, — говорит Елинек.

Особую горечь у него вызывает то, что «беспочвенные обвинения» недавно были выдвинуты в адрес героев антифашистского Сопротивления. Оскорбления подверглось и имя писателя Юлиуса Фучика. «Мертвые защищаться не могут, но мы, коммунисты, — подчеркивает Елинек, — не можем молча наблюдать за тем, как Фучику нынешние ревнителю демократии стараются приклеить ярлык предателя и освдомителя гестапо».

В начале 1990 года на страницах «Руде право» в защиту Фучика выступила инициативная группа журналистов, в составе которой был и Ян. А в октябре организовали в Доме советской науки и культуры вечер воспоминаний о Фучике, посвященный 45-летию выхода в свет первого издания знаменитого «Репортажа с петлей на шее». Подготовили журналисты и видеофильм «Последний бой Фучика».

Ян Елинек стал председателем клуба «Заветы Фучика». Задачи нового формирования, по словам его лидера, — «защищать и популяризировать революционное наследие всех патриотов, прогрессивных деятелей чехословацкой и мировой истории».

Рассказывая об осквернении исторических мест в Праге, связанных с деятельностью Юлиуса Фучика, надругательстве над его памятным бюстом, установленным до недавнего времени в специальной нише в доме, где жил писатель, Ян Елинек поведал, что после длительных поисков ему удалось обнаружить бюст на складе предприятий бытового хозяйства. Сейчас члены клуба организовали сбор подписей под петицией с требованием к муниципалитету провести реставрацию бюста и вернуть его на прежнее место. Тревожным сигналом, по словам Елинека, является то, что в этом же районе в течение короткого времени был совершен акт вандализма по отношению к памятнику журналисту и коммунисту Йожке Ябурковой (его облили краской), но муниципальные власти не осудили это хулиганство.

И.Шамшин
Прага

Сибирское информационное агентство (СибИА) заявило о себе в прошлом году информацией о забастовке в Кузбассе, резко отличавшейся от официальной версии. Теперь СибИА утвердилось как одно из самых интересных региональных агентств. Среди его создателей — 34-летний **Алексей Мананников**, по совмести-

тельству и редактор изданий Сибирской ассоциации правозащиты «Вена-89».

Алексей дипломированный экономист, работал преподавателем в институте, учился в аспирантуре. Научную карьеру прервала тюрьма, где он провел три года за «умышленное распространение ложных сведений» о нашем государстве по бывшей 190-й статье УК РСФСР. Вел с кем-то переписку, написал что-то не очень доброжелательное о советском социалистическом... Потом побывал и безработным, и чернорабочим.

Мананников, «Вена-89» и СИБИА пропагандируют идею автономии Сибири, возрождения культурных центров, «регионального самосознания».

Отношения с местными властями у Алексея до сих пор напряженные. Весной неформалов в Новосибирске разгоняли специальные наряды милиции; летом позапрошлого года арестовали тираж пресс-бюлетеня «Вена-89». Но, по словам Мананникова, «властям пришлось закрыть уголовное дело и вернуть тираж. С тех пор слежка прекращена...»

Теперь СИБИА взялось освещать дело Шоленберга — активиста общества советских немцев «Возрождение», арестованного осенью прошлого года органами госбез-

опасности по обвинению в незаконных сделках с зарубежными фирмами. О нем «НВ» писал в № 44/90.

Председателя наблюдательного совета «Дойче банк» 69-летнего доктора **Фридриха Вильгельма Кристианса** называют «архитектором» торговли Западом с Востоком, европейским Рокфеллером. Он считается одним из авторитетнейших германских финансистов, знатоком Советского Союза, ценителем русского авангарда. В конце 60-х годов высказал предположение, что разделение Европы не может продолжаться вечно, и начал убеждать других в необходимости тесного сотрудничества между ФРГ и СССР.

Доктор Кристианс принимал участие в по-

дготовке и реализации «сделки века» — строительстве газопровода из советской Сибири в Западную Европу. О своем опыте работы с советскими предпринимателями, министрами и партийными руководителями В.Кристианс рассказал на страницах книги «Дороги в Россию».

Первый раз он оказался на советской земле 22 июня 1941 года. В тот день выпускник Потсдамского военного

училища получил приказ вместе со своим подразделением проследовать до Баку, где должен был обеспечить безопасность нефтяных скважин. Несколько раз молодой лейтенант был ранен, чуть не погиб от пули русского снайпера. Война для него закончилась под стенами Кёнигсберга. После войны он приехал в этот город с предложениями создать здесь промышленно-технологический центр для советско-немецких совместных предприятий, открыть высшую школу науко-техно-экологического профиля, преобразовать Калининградскую область в зону совместной торговли. Зная о создающемся Фонде Канта, банкир предлагает избрать днем его учреждения 22 июня 1991 года — русские и немцы должны одна-

жды окончательно примириться.

4-летняя американка **Нарель Джордан** принесла своим родителям немало хлопот и огорчений. Из-за нее они даже чуть не попали в тюрьму.

Как все дети, она училась ходить, падала, но при этом очень часто падения оканчивались печально — девочка попадала в больницу с переломами. К трем годам — девять раз. В детской клинике, куда отвозили Нарель, забеспокоились — нормальный здоровый ребенок не может так часто и так сильно падать. В отделении социальной службы, какое есть в каждом американском госпитале, решили, что родители измываются над дочкой, и обратились в правоохранительные органы.

Пришлось родителям обратиться к специалистам-ортопедам. И при более тщательном обследовании выяснилось, что у девочки редкое заболевание — несовершенный остеогенез, встречающийся у одного ребенка из 30 тысяч. Врачи заверяют, что с возрастом это пройдет.

А семья Джордан после всего пережитого выступает за то, чтобы, прежде чем возбуждать уголовное дело против родителей, подозреваемых в жестокости по отношению к детям, проводилась тщательная медицинская экспертиза.

Плохой ученик военрука

«Захлопну драную дверь в мир, где блуждали мы... Наверное, это весна — если птицы и облака. И тот, кто встал в полный рост, уже видит дальше стены. Сегодня сбьются сны», — написал год назад 15-летний ученик московской школы **Андрей Губин**. Это строки из его песни «Аве Мария», которая получила первую премию на фестивале детской и юношеской песни «Звездный час» в Кишиневе. Сам Андрей за ее исполнение удостоился Гран-при. Теперь он учится на первом курсе музыкального училища имени Гнесиных на вокальном отделении.

А еще раньше он крикнул: «Наша школа с военным уклоном нам глаза открывает на мир... За железным забором жуткий образ врага: резче клады затвором, если жизнь дорога... И заветных мечтаний предел, чтоб главой государства Советов военрук нашей школы сидел...»

Песни начал писать года три назад: «Не о политике и не ради конъюнктуры. Дух такой в воздухе витал. Правда, я всегда ненавидел такой наш школьный предмет, как начальная военная подготовка, — это единственная «двойка» у меня после окончания школы. Учился я в Медведково. Вокруг нашей школы — сплошные дома военных, а их дети со мной в одном классе. Когда написал эту песню и спел им, они смеялись. Дети военных смеялись над своими родителями».

Он пишет о том, что видит, и сам поет. Может быть, в его песнях видно влияние Б.Г. или «Наутилуса помпилиуса», но есть и он сам.

Он выступал с концертами в Лужниках и в Олимпийском. «Украдены вера, мечта и свобода, а боги пируют во время чумы. Они давно разучились плакать, а вот смеяться разучились мы». Это одна из последних песен. Андрей утверждает, что протеста в ней нет: он закончил песню совсем не протестом: «Мальчик, рожденный в саду любви, с надеждой смотрит нам вслед...»

«Сейчас протест не получается, сейчас хочется петь о любви, о надежде. Тоже, наверное, время такое».

Разбитый колокол

Искусство говорит нам, что главные испытания впереди и что мы к ним не готовы

Виктор Божович

Два года подряд советские фильмы завоевывают на Берлинском фестивале второй по значению Специальный приз жюри — Серебряного медведя: год назад — «Астенический синдром» Киры Муратовой, в этом году — «Сатана» Виктора Аристова. Можно вспомнить, что еще раньше там был премирован «Слуга» Вадима Абдрашитова. Три картины — три варианта безжалостного диагноза, поставленного нравственному состоянию нашего общества.

Слышу раздраженные голоса некоторых читателей: «Опять вы о нравственных проблемах и прочих трудноуловимых материях, когда впору говорить о том, что к горлу подступило, — о развале страны, росте преступности, угрозе голода и гражданской войны, бессилии власти и так далее». Это «и так далее» может быть развернуто в бесконечное перечисление, куда, в зависимости от политических взглядов перечисляющего, войдут самые разные вещи. Но нравственность? — кого она сейчас интересует, кроме зануд-«шестидесятников»!

В общем, все сводится к знаменитой формуле, давным-давно с цинической бравадой брошенной Бертольтом Брехтом:

«Сначала дайте нам пожрать не много,

А уж потом учите честно жить».

«Сначала хлеб, а нравственность — потом!»

Но вот что оказалось — и этот вывод из нашего горького опыта должен быть наконец четко сформулирован: народ, у которого разрушены нравственные основания жизни, теряет способность поддерживать даже самые элементарные физические условия своего существования. Он перестает сеять хлеб, строить дома, торговать, воспитывать детей... Тень оцепенения и обреченности ложится на людей.

Вот и герои упомянутых фильмов Абдрашитова, Муратовой, Аристова живут, словно в дурном сне, под властью какого-то наваждения. Они и действуют-то не по своей воле, хотя порой и очень активно, а кто-то другой, какая-то внешняя сила действует в них и через них. Их поступкам порой не хватает бытовых и психологических мотивиро-

вок, но в том-то и дело, что перед нами не бытовые истории, а притчи.

Через странные отношения между «хозяином» и «слугой», через путаницу, казалось бы, необязательных перипетий в фильме В. Абдрашитова прокладывает себе дорогу неумолимая логика извращенной жизни, где каждый перестал быть самим собой, каждый является чьим-то двойником, «заместителем», «исполняющим обязанности». Как тот дирижер (в прошлом — шофер), который машет руками сам по себе, а хор тянет что-то свое. И за всем этим бесстрастно наблюдают расставленные повсюду безликие фигуры в однотипных серых костюмах, ожидающие чьего-то сигнала, чтобы произвести мгновенную перемену декораций.

Не могу отделаться от впечатления, что эта мизансцена была подсказана режиссеру V съездом Союза кинематографистов, когда в зале заседаний Большого Кремлевского дворца кипели непривычные тогда, политические страсти, и только невозмутимые молодые люди в серых костюмах, стоявшие в дверях и сидевшие в проходах, сохраняли профессиональное спокойствие.

Да, сейчас, оглядываясь назад, трудно удержаться от иронической

улыбки в собственный адрес. Мы казались себе дерзкими ниспровергателями, а нам просто давали немного пошуметь и побужить под внимательным присмотром власть предержащих. И не из этого ли ощущения рухнувших иллюзий, распавшегося времени возник застылый, оцепеневший мир «Астенического синдрома»?

Сатана — нормален

Не будем обманываться: странные и страшные, забавные и жалкие персонажи, суесящиеся и гримасничающие на экране, — это мы с вами. Их озлобленность, раздражительность и усталость, их нищеты и душный быт, их жизнь, пропитанная запахом беды, — это все наше, нынешнее, узнаваемое. Это мы походя ненавидим, унижаем и оскорбляем друг друга, в упор не видим соседа, спим на ходу, смеемся на похоронах, машинально перешагиваем через упавшего человека, спорим, не слыша собеседника.

Фильм В. Аристова «Сатана» явился несколько позже, когда многие вещи были уже осознаны. Может быть, поэтому в нем чувствуется некоторая иллюстративность, начиная с откровенно формулировочного названия. Связи литературного замысла с Достоевским бросаются в глаза. Герой фильма, молодой человек по имени Виталий Сергеевич, это что-то вроде современного Родиона Раскольникова, но без угрызений совести, потому что совести-то у него уже и нет — атрофировалась. Убийство, изнасилование, растление, вымогательство, шантаж — нет такого преступления,

Берлинский фестиваль. Джуди Фостер в фильме «Молчание агнцов»

«Путешествие товарища Сталина в Африку» режиссера Ираклия Квирикадзе

которое он не совершил или не мог бы совершить. При этом в поведении героя нет ничего патологического, он совершенно **нормален**. Вот в этом-то раскрытии нормальности аномального, обыденности чудовищного и заключена почти гипнотическая сила воздействия многих сцен «Сатаны».

Вспоминается первая картина В.Аристова «Порох», где зритель в течение полутора часов был вброшен в пекло войны, в ад воздушных налетов, когда на человека непрерывно обрушивается смерть и поделаться с этим ничего нельзя. Кажется, что в таких условиях людям существовать вообще невозможно, а вот, поди ж ты, существуют и даже выполняют те задания, на которые запрограммированы. «Порох» — это ад уничтожения как ежеминутная, ежесекундная данность, — пространство и время, заполненные смертью.

Где подъем духа?

Нечто подобное ощущается и в «Сатане». Атмосфера фильма насыщена микробами зла (вспомните — «трихины» Достоевского). Улицы и дома, фигуры и лица людей на улицах, квартиры и мебель, ресторан и театр — все пропиталось злом, как будто плесенью проросло. Герой фильма в этой атмосфере чувствует себя как рыба в воде. Легкий, подвижный, он то появляется, то исчезает, улыбаясь, смотрит прямо в лицо ясными бесстыжими глазами. Его сила и неуязвимость в том, что он такой же, как все.

Чем, в сущности, отличается от него Алена Николаевна, мать убитой им девочки? Важная номенклатурная дама, одно из первых лиц в городе, ярая хищница и провинциальная мессалина, она тоже

живет по ту сторону добра и зла. Но вот ее осеняет догадка о гибели дочери, и в это мгновение подлинность ее страдания обжигает зрителя. Ужас в том, что и страдание ее бесплодно, оно не очищает героиню, а только глубже погружает ее в стихию зла; мы чувствуем, что, представься такая возможность, она, не задумываясь, принесла бы в жертву чужих детей, лишь бы спасти свою дочь.

Итак, три фильма — три ответа на вопрос: «Что же с нами происходит?».

Несколько лет назад, в эйфории начинавшейся перестройки, нам казалось, что самое трудное позади, что обретение свободы — дело веселое. От искусства мы ожидали если не оптимизма (казенным оптимизмом мы уже были сыты по горло), то, во всяком случае, произведений пусть трагических, но широкого, вольного дыхания (таких, как «Покаяние» Т.Абуладзе). Каково же было наше удивление, когда вместо мощных ударов венозного колокола мы услышали дребезжащий, надтреснутый звук. Многие из нас испытывали разочарование и даже досаду: мол, что же это вы, художники? где ваше чувство современности? где подъем духа и радость освобождения?

И лишний раз мы убедились, что искусство умнее каждого из нас, что интуиция художника опережает время. Искусство сказало нам, что главные испытания впереди и что мы к ним не готовы. Нам еще предстоит завоевать право на свободу, а для этого — перестроить душу. Слабый, надтреснутый звук разбитого колокола — это звук нашей собственной души. И, пока мы не нашли в себе силы обрести внутреннее достоинство, этот колокол, как и прежде, звонит по каждому из нас.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ «ПОД КЛЮЧ» СИСТЕМ ТЕЛЕСВЯЗИ И ИНФОРМАТИКИ

ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ — Государственное экспериментальное проектно-технологическое бюро по телевизионным системам и информационному обслуживанию.

ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ — создание региональных широкополосных сетей связи на базе систем кабельного телевидения с расширенными функциональными возможностями:

районные студии;
дополнительные платные каналы;
новые информационные системы;
системы теледиагностики и телесигнализации...

ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ — использование более чем 20-летнего опыта, накопленного на предприятиях и в организациях Министерства связи СССР, по разработке оборудования, проектированию, монтажу, настройке и обслуживанию систем кабельного телевидения.

ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ — комплексное выполнение работ «под ключ»:

разработка специального оборудования;
изыскания и проектирование;
поставка оборудования и кабелей;
монтаж и настройка систем;
эксплуатация (по желанию заказчика).

ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ — исполнение Ваших желаний и специфических требований на любую телесистему от простых систем распределения телевизионных программ до многофункциональных широкополосных систем связи с высоким качеством.

125239, Москва,
Старокоптевский пер., 7
Факс: 2926511 — ТЕЛЕКАНАЛ — 5003;
Тел. 154-45-52
ГОСТЕЛЕКАНАЛПРОЕКТ

Я пришел дать вам водку

Я жил уже при четырех лидерах. Увы, все они ставили неоригинальную и, видимо, неосуществимую, раз им это не удалось и все они умерли, задачу: накормить меня. Этот лозунг перестал меня привлекать. Я хочу чего-то принципиально нового

Вместо лидеров, которые обещали меня накормить, я хочу такого, кто пообещал бы меня напоить. В конце концов я имею право на разнообразие.

Если хотите, это мой наследственный выбор. Завещано дедами и отцами...

Мой дед в 30-е, во время переговоров с китайской делегацией, сгоряча раздавил в руке граненый стакан (чай мой дед не пил). Мой отец был одним из немногих, кого в сентябре 45-го не свалил японский технический спирт, захваченный его ротой в Маньчжурии.

Итак, я хочу услышать с трибуны:
— Я пришел дать вам водку! Закуску вы найдете себе сами — я верю в вас!

Я знаю, что люди пойдут за этим человеком. Женский батальон мстительниц сметет с пути последних юнкеров Столешникова переулками, травящих нас ради денег, продающих нам водку за 40 рублей при средней зарплате в пять бутылок. Нам покажут их на экранах — этих мутантов с непереносимой расщелиной во лбу, потому что в конце своего спекулянтского дня они кошунственно дерутся теми бутылками, за которые мы страдаем.

— Они стояли между вами и водкой, — скажет нам лидер. И лагеря, которые, по слухам, приводят в готовность, заполнятся продавцами и грузчиками, перед которыми мы трепетали, пока в наших стаканах был застой.

Вооруженные патрули на броне-

транспортерах очистят дорогу в винные погреба, не открывая огонь и тщательно управляя гусеницами: люди в форме знают, что бутылку можно неосторожно разбить. Такого они себе не позволяют.

Проблем не будет. Европа даст нам закуску, опасаясь, что мы придем за ней сами. А мы — мы перестанем путаться, кто прав, кто виноват, кто хороший, а кто — подбрасывает, потому что возобладает другая, кристально чистая система ценностей. Пьешь — не пьешь, с закуской или без. Газеты больше не смогут упрекнуть какого-нибудь лидера в том, что тот-де где-то за океаном был выпимши. Это состояние будет естественным. И когда кто-то навеселе заявит о признании царских долгов в обмен на закрытие газеты «Республика», народ будет аплодировать.

Вероятно, поначалу найдутся такие, кто будет тормозить наше движение. Скептики будут говорить нам о вреде водки — нам, у которых из водопровода бьют незамерзающие и незакипающие серные источники.

Будут сторонники социального равенства, настаивающие на выпуске бутылок по 0,4, 0,6 и 0,8 литра. Будут консерваторы, объединенные вокруг Комитета анонимных трезвенников-спасителей. Эти апологеты Старого Разлива начнут строить шалаши по всей стране, но в решающий момент водитель броневика выпьет и по ошибке попадет к Рижскому вокзалу, где и пропьет железного коня реставрации.

Новоявленные демократы пройдут по улице Горького до гостиницы «Столичной» под лозунгом «Требуется долива после застоя!», но со временем все перебродит и устанет. Идеологические разногласия сведутся к тихим спорам о белом и красном.

Нас не остановить на этом пути. Я уверен в этом хотя бы потому, что, какой бы путь мы ни выбрали, нас все равно не остановить.

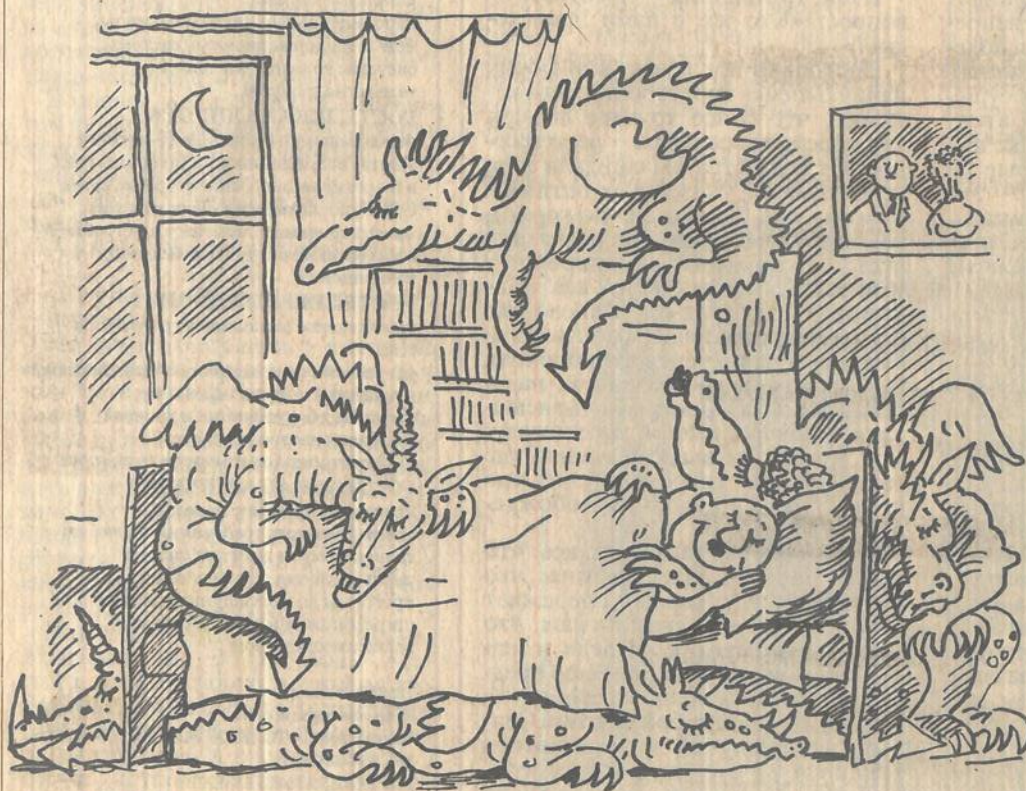

Рисунок Виктора Богорода

Лев Елин

БАНК «ВОСТОК»

1. БАНК «ВОСТОК» РАСПОЛАГАЕТ 25 ОТДЕЛЕНИЯМИ ВО ВСЕХ КЛЮЧЕВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЦЕНТРАХ СТРАНЫ. УНИКАЛЬНАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ РАБОТЫ С ОДНИМ БАНКОМ НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ.
2. БАНК «ВОСТОК» — НЕЗАВИСИМЫЙ БАНК! ВСЕ ОБСЛУЖИВАЕМЫЕ КЛИЕНТЫ РАВНЫ И ОДИНАКОВО ДОРОГИ БАНКУ.
3. БАНК «ВОСТОК» ОБОРУДОВАН ПО ПОСЛЕДНЕМУ СЛОВУ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ. МЕЖДУ ОТДЕЛЕНИЯМИ БАНКА НАЛАЖЕНА ОТЛИЧНАЯ СВЯЗЬ, ЧТО ПОЗВОЛЯЕТ ЭФФЕКТИВНО ПРОВОДИТЬ ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ В ЛЮБОМ КОНЦЕ СТРАНЫ.
4. БАНК «ВОСТОК» ПРОВОДИТ БАНКОВСКИЕ ОПЕРАЦИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ И ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ. БАНК ВЕДЕТ ОБСЛУЖИВАНИЕ В ЛЮБОЙ ВАЛЮТЕ, ИМЕЕТ ОБШИРНУЮ КОРРЕСПОНДЕНТСКУЮ СВЯЗЬ С КРУПНЕЙШИМИ БАНКАМИ МИРА.
5. БАНК «ВОСТОК» — ЭТО ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК, АУДИТОРСКАЯ ПРОВЕРКА КОТОРОГО БЫЛА ПРОВЕДЕНА АНГЛИЙСКОЙ ФИРМОЙ «АРТУР И АНДЕРСЕН».
6. БАНК «ВОСТОК» УДЕЛЯЕТ БОЛЬШОЕ ВНИМАНИЕ ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ И ИХ СТАЖИРОВКЕ В ЗАРУБЕЖНЫХ БАНКАХ. КАЖДЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛЕНИЯ ПРОШЕЛ СТАЖИРОВКУ ЗА РУБЕЖОМ.

ВОСТОК ◆

АДРЕС: 119034, МОСКВА,
УЛ. КРОПОТКИНСКАЯ, 17
ТЕЛ.: 366-27-60, 369-96-17.

ГРУЗЫ – САМОЛЕТАМИ!

АЭРОФЛОТ ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ БОЛЕЕ ЧЕМ В 100 СТРАН МИРА ВСЕМИ РЕЙСОВЫМИ САМОЛЕТАМИ, А ТАКЖЕ ЧАРТЕРНЫМИ РЕЙСАМИ.

АЭРОФЛОТ ГАРАНТИРУЕТ ВЫСОКУЮ СКОРОСТЬ ДОСТАВКИ И СОХРАННОСТЬ ГРУЗА.

ОПЛАТА ПЕРЕВОЗОК ПРОИЗВОДИТСЯ ВСЕМИ ПРИНЯТЫМИ ВИДАМИ (НАЛИЧНЫЕ, ЧЕК, ГАРАНТИЙНОЕ ПИСЬМО).

АЭРОФЛОТ ШИРОКО ПРИМЕНЯЕТ КОРЕЙТЫ – ЛЬГОТНЫЕ ТАРИФЫ ДЛЯ ЦЕЛЫХ КАТЕГОРИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ГРУЗА.

НЕОБХОДИМУЮ ИНФОРМАЦИЮ МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВАХ АЭРОФЛОТА ЗА РУБЕЖОМ ИЛИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ МЕЖДУНАРОДНОМ АГЕНТСТВЕ АЭРОФЛОТА ПО АДРЕСУ: 125212, МОСКВА, ЛЕНИНГРАДСКОЕ ШОССЕ, 29. ТЕЛЕФОН 156-80-19 ТЕЛЕКС 411922 ТЕЛЕФАКС 1505677

